
БИБЛИОТЕЧКА ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ШКОЛА»

Выпуск 2

ЛЕРМОНТОВСКИЙ А Л Ь М А Н А Х

**Сборник материалов,
посвященных 200-летию со дня рождения
М. Ю. Лермонтова**

Киев – 2014

ББК 74.261

Л 30

Лермонтовский альманах: Сб. материалов, посвященных 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. – К., 2014. – 96 с. – (Библиотечка журнала «Русская школа». Вып. 2).

В издание включены фрагменты из самых разных источников: литературно-критических статей, работ крупнейших русских философов, религиозных мыслителей, воспоминаний современников, писем, дневниковых записей, художественных произведений. Они позволяют проследить основные этапы жизни и деятельности поэта, становление его личности, воссоздать эпоху, его литературное окружение. Особую ценность в сборнике представляют материалы учителей-практиков, которые можно использовать при подготовке уроков по русской литературе в средних общеобразовательных школах, гимназиях, лицеях, а также для проведения внеклассных мероприятий.

Рассчитан на учителей, студентов-филологов.

ББК 74.261

**Сборник выпущен при содействии
Представительства Россотрудничества в Украине
и фонда «Русский мир»**

Учебное издание

Ответственный за выпуск **А. Н. Кондряков**
Редакторы **В. А. Корсаков, О. К. Сакович**
Компьютерная верстка **С. В. Радионова**

Подписано к печати 04.09.2014

Формат 60 X 84 ¹/₁₆

Усл. п. л. 6,07

Заказ 130. Тираж 500.

Журнал «Русская школа»
04213, г. Киев, ул. Приречная, 37/143
т/ф 411-34-00, 512-07-34
E-mail: ukr_ruschool@mail.ru

Отпечатано в ООО «Колофон»
08600, г. Васильков, ул. Грушевского, 15

© Журнал «Русская школа»

СОДЕРЖАНИЕ

ТВОРЧЕСТВО ЛЕРМОНТОВА В ОЦЕНКЕ КРИТИКОВ, ФИЛОСОФОВ, РЕЛИГИОЗНЫХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

А. В. Дружинин.....	4
В. Ф. Ходасевич.....	6
В. С. Соловьев.....	9
Д. С. Мережковский.....	12

ШКОЛЬНЫЙ ЛЕРМОНТОВ

СОЛОВЕЙ Т. Г. Это не просто поэтическая картина, а обращение одной души к другой. <i>Изучение стихотворения М. Ю. Лермонтова «На севере диком...»</i>	15
ХРАБРОВА В. Е. «Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности». <i>Урок – исследование художественного мастерства М. Ю. Лермонтова (на материале поэмы «Мцыри»)</i>	23
ЕЛКИНА В. И. «Я излил горечь сердечную на бумаге». <i>Изучение стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»</i>	29
ХАРИТОНОВА О. Н. В нем «отразился век и современный человек изображен довольно верно...» <i>Интеллектуальная игра по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»</i>	40
ЖИХАРЕВА Т. А. Оно становится для романтического героя не столько преимуществом, сколько проклятием. <i>Мотив одиночества в лирике М. Ю. Лермонтова и Дж. Байрона</i>	48
СТАДНИК Е. С. «Душа сама собою стеснена, жизнь ненавистна, но и смерть страшна...» <i>Литературно-музыкальная композиция, посвященная жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова</i>	57

ЛЕРМОНТОВ И УКРАИНА

«Хорошо говорил по-малороссийски».....	68
Образ Украины в творчестве поэта.....	70
Переводы произведений на украинский язык.....	72

«О СКОЛЬКО НАМ ОТКРЫТИЙ ЧУДНЫХ»: ИССЛЕДОВАНИЯ, ГИПОТЕЗЫ

ИВАНОВА Т. «Отмщенье, государь, отмщенье!» <i>Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта»</i>	75
--	----

ЛЕРМОНТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

ПАУСТОВСКИЙ К. И. Разливы рек.....	85
---	----

ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА: СВИДЕТЕЛЬСТВА БЕЗ КУПЮР

Воспоминания. Письма. Дневники.....	91
-------------------------------------	----

Во всей истории русской литературы, за исключением личности Пушкина, с каждым годом и с каждым новейшим исследованием становящейся ближе и ближе к сердцу нашему, мы не находим фигуры более симпатичной, чем фигура поэта Лермонтова. Загадочность, ее облакающая, еще сильнее приковывает к Лермонтову помыслы наши, уже подготовленные к любви и юности великого писателя, и его безвременную кончиною, и страдальческими тонами многих его мелодий, и необыкновенными чертами всей его жизни.

Большая часть из современников Лермонтова, даже многие из лиц, связанных с ним родством и приятнью, говорят о поэте как о существе желчном, угловатом, испорченном и предававшемся самым неизвинительным капризам, – но рядом с близорукими взглядами этих очевидцев идут отзывы другого рода, отзывы людей, гордившихся дружбой Лермонтова и выше всех других связей ценивших эту дружбу. По словам их, стоило только раз пробить ледяную оболочку, только раз проникнуть под личину суровости, родившейся в Лермонтове отчасти вследствие огорчений, отчасти просто через прихоть молодости, – для того чтоб разгадать сокровища любви, таившиеся в этой богатой натуре.

Жизнь Лермонтова, до сей поры еще никем не рассказанная, известна нам лишь весьма поверхностно, а между тем она изобилует фактами, говорящими в пользу поэта красноречивее всех дружеских панегириков. Лермонтов умел быть смелым в то время, когда прямая и смелая речь вела к великим бедам, – он заявил свою преданность русской музе в ту пору, когда эта муза могла лишь подвергать своих поклонников гонению и осуждению света. Когда погиб Пушкин, перенесший столько неотразимых обид от общества, еще не дозревшего до его понимания, – мальчик Лермонтов в жгучем, поэтическом ямбе первый оплакал поэта, первый кинул железный стих в лицо тем, которые ругались над памятью великого человека. Немилость и изгнание, последовавшие за первым подвигом поэта, Лермонтов, едва вышедший из детства, вынес так, как переносятся житейские невзгоды людьми железного характера, предназначенными на борьбу и владычество. Вместо того, чтоб тосковать в чужом крае и тосковать о столичной жизни, так привлекательной в его лета, – он привязался к Кавказу, сердцем отдаваясь практической жизни, и мало того что приготовил себя самого к разумной военной деятельности, – но с помощью своего великого дарования сделал для Кавказа то, что для России было сделано Пушкиным.

Когда быстрая и ранняя литературная слава озарила голову кавказского изгнанника, наш поэт принял ее так, как принимают славу писатели, завоевавшие ее десятками трудовых годов и подготовленные к знаменитости. Вспомним, что Байрон, идол юноши Лермонтова, возился со своей известностью как мальчик, обходился со своими сверстниками как турецкий паша, имел сотни литературных ссор и вдобавок еще почти стыдился звания литератора. Ничего подобного не позволил себе Лермонтов даже в ту пору, когда

вся грамотная Россия повторяла его имя. Для этого насмешливого и капризного офицера, еще так недавно отличавшегося на юнкерских попойках или кавалерийских маневрах под Красным Селом, мир искусства был святыней и цитаделью, куда не давалось доступа ничему недостойному. Гордо, стыдливо и благородно совершил он свой краткий путь среди деятелей русской литературы, которая, нечего скрывать, в то время представляла много искушений и много путей к дурному.

События последнего, самого великого, самого плодovitого года в жизни знаменитого юноши почти неизвестны. Как человек, Лермонтов, может быть, в эту пору был незамечателен, а временами и грешен, – но как поэт, он, видимо, переживал эпоху необыкновенную (и, по всей вероятности, имевшую влияние на его характер). Он зрел с каждым новым произведением, он что-то чудное носил под своим сердцем, как мать носит ребенка, мотивы невыразимой, подавляющей скорби вырывались у его музы и смешивались с другими восторженно-сладкими звуками. Опыт веков, история литературы всех народов показывают с ясностью, что природа никогда не тратит сил своих по-пустому, не дает писателю, предназначенному на скромную деятельность, – языка и замашек поэта великого. А в 1841 году, за самое короткое время от преждевременной смерти, Лермонтов показал нам все частные особенности поэта истинно великого... Общевропейская, общечеловеческая физиономия поэта Лермонтова еще не успела высказаться, определиться с ясностью, но все признаки и задатки мирового поэта тут были – начиная с формы стиха, до сих пор недосыгаемой по совершенству, до удивительного проникновения в жизнь природы, выразившегося множеством картин, мастерства первоклассного.

Не говорим уже о разнообразии и всесторонности последних пьес Лермонтова, о глубине мысли, проникавшей многие из них, о богатырских порывах к недосыгаемому миру, какими они наполнены.

Да, тысяча восемьсот сорок первый год – последний год в жизни поэта нашего – есть истинное чудо в своем роде, и лучшее право Лермонтова на наше восторженное сочувствие... И до этого года поэт был первенствующим деятелем в нашей литературе, – вся его заслуженная слава была основана на творениях предыдущих годов (особенно на «Герое нашего времени»), но потрудитесь взглянуть на список стихотворений, относящихся к последнему году жизни Лермонтова, – и вы увидите, что почти все написанное им прежде, за исключением трех или четырех стихотворений, и «Герой нашего времени», в свое время сводивший с ума читающую Россию, – все померкнет перед творчеством означенного года... О внутреннем же достоинстве и говорить нечего. Много поэтов в мире погибало раньше срока – все славнейшие деятели русской поэзии сошли в могилу, не исполнив и половины того, на что их соотечественники могли рассчитывать, – но никогда еще судьба не поступала так жестоко с надеждами, ею же возбужденными, никогда она так безвременно не похищала существа, в такой степени украшенного присутствием гения. Последний, загадочный год в жизни Лермонтова, весь исполненный деятельности, – сокровище

для внимательного ценителя, всегда имеющего склонность заглядывать в «лабораторию гения», напряженно следить за развитием каждой великой силы в мире искусства. Тут на всяком шагу виден новый порыв в сокровеннейшие тайники творчества, – новый шаг к той неразгаданной грани, которая отделяет деятелей гениальных от деятелей высокоталантливых. И вот, кажется, грань перейдена, вот будто послышались небывалые звуки, от которых забьются сердца миллионов людей... все пророчит победу, кажется, одна только минута отделяет нас от новой силы и нового слова, – и вдруг все становится мрачно, все ожидания падают, как здание, выстроенное на песке. Безвременная насильственная смерть заканчивает всю эту великолепную картину, невольная злоба наполняет душу нашу, – злоба на общество, не сумевшее оградить своего певца, злоба на презренные орудия его гибели, злоба на мерзавцев, осмелившихся ей радоваться или холодно встречать весть, скорбную для отечества. И только после долгого озлобления, после долгих уверений самого себя в невозвратимости утраты дух наш успокаивается. Мы принимаем то, что дано нам, снова дивимся песням безвременно погибшего юноши и, проклиная лиц, допустивших его гибель, – все-таки с гордостью убеждаемся, что «не бездарна та природа, не погиб еще тот край», где при стечении самых неблагоприятных случайностей, при полной неспособности общества ценить людей, его возвеличивающих, – все еще появляются личности, подобные поэту Лермонтову.

А. В. Дружинин. Из статьи «Сочинения Лермонтова»

Бога Лермонтов укорял много раз. Но нигде укор не был выражен им с таким вызовом, как в этом язвительном прозаизме: «Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне недолго я еще благодарил». Вот строки, кажется, самые кощунственные во всей русской литературе: в них дерзость содержания подчеркнута оскорбительной простотой формы...

Русские люди екатерининского века были прежде всего созидателями... Напряженное политическое строительство заставляло их и в самих себе чтить прежде всего способности организаторские, творческие. Творцы государства и его силы – как должны были они преклоняться перед Творцом всего мира! И от «Размышлений» Ломоносова до державинской оды «Бог» непрестанно звучали в русской поэзии гимны щедрому и всемогущему Зигдилею. Но волна напряженной деятельности постепенно спадала. Создатели России один за другим сходили со сцены: их роль была сыграна. Ими созданная, цветущая Россия от восхвалений Творца переходила к восхвалению творений... Наиболее категорическое выражение этой любви дано в формуле: «Лишь юности и красоты поклонником быть должен гений». К концу 20-х годов, то есть к тому моменту, когда Лермонтов начал жить сознательной жизнью, «красота» господствовала в русской поэзии по всей линии... Слишком часто увлечение «красивым» вело к эстетизму довольно невыносимому...

Так обстояло дело в официальной, уже окончательно признанной поэзии в течение всей жизни Лермонтова... Вскоре эстетизму 20-х и 30-х годов пред-

стояло кончиться. Но до конца этого Лермонтов не дожил. В течение же его деятельности и критика, и сами поэты как бы говорили каждому вновь приходящему: «Мы ждем от тебя "красивого"».

Лермонтов меньше кого бы то ни было мог оправдать эти ожидания. Слишком сложна была его душевная трагедия, чтобы можно было в кратких словах выяснить причины такого явления. Но самая наличность его несомненна. «Светлое» и «красивое» никогда не влекло к себе Лермонтова как художника...

Лермонтов систематически прививает читателю жгучий яд страстей и страданий. Читательский покой ему так же несносен, как покой собственный. Он душу читателя водит по мытарствам страстей вместе с душой действующего лица. И чем страшней эти мытарства, тем выразительнее становится язык Лермонтова, тем, кажется, он полнее ощущает удовлетворение. Лермонтовские герои, истерзанные собственными страстями, ищущие бурь и самому раскаянию предающиеся, как новой страсти, упорно не хотят быть только людьми. Они «хотят их превзойти в добре и зле» – и уж во всяком случае превосходят в страдании. Чтобы страдать так, как страдает Демон, надо быть Демоном.

Но этого для Лермонтова недостаточно. Мало заставить читателя вынести муки и страсти нечеловеческие: надо еще показать, как на пути «превосходства в добре и зле» можно терять человеческий облик вовсе. Демон, томящийся своим мятежом, готов вочеловечиться. Мцыри, томящийся миром, звереет. Это минутное озверение для него сладостно, и едва ли каким-нибудь другим словом, кроме сладострастия, можно обозначить тот трепет, с каким Лермонтов описывает борьбу Мцыри с барсом... Напряженность, с какою написаны эти строки, лишней раз выдает то, чего, впрочем, Лермонтов и не скрывал: ему самому, как Мцыри, были слишком знакомы приступы слепой, зверской страсти, искажающей лицо и сжимающей горло, – была ли это страсть гнева, злобы или любви...

По Лермонтову, порочный и страстный, а потому безобразный мир пытается скрыть лицо под личиною красоты. И это ему удается. «Красота безобразия» – соблазн, к которому прибегает зло...

Стихи, написанные в альбом С. Н. Карамзиной, содержат в себе признание слишком неальбомные. Счеты Лермонтова с Богом и миром были слишком глубоки и сложны, чтобы могли разрешиться так просто: в действительности ему, несомненно, не «наскучил», как он говорит, а стал невмоготу «несвязный и оглушающий язык» страстей. Стихотворение закончено такой строфой:

Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Попутру ясную погоду,
Под вечер – тихий разговор...

Но поверить этим словам можно только отчасти. Быть может, мирная жизнь, «ясная погода» и «тихий разговор» до известной степени могли на

время давать отдых измученной душе Лермонтова; но предполагать, что если бы через год после написания этих стихов он не умер, то и на самом деле превратился бы в тихого идиллика, вроде, например, Богдановича, – было бы даже смешно. Вся его жизнь и самая смерть говорят о другом. Минуты, когда Лермонтов «видел Бога», были редки. Ему больше были знакомы другие чувства:

Что мне сиянье Божьей власти
И рай святой!
Я перенес земные страсти
Туда с собой.
.....
Увы, твой страх, твои моления,
К чему оне?
Покоя, мира и забвенья
Не надо мне!

Он не хотел ни небесного покоя, ни забвения о земле. Покорности Богу, примирения с Ним в смысле смирения он не ждал от себя. О предстоящем Божьем суде говорит он как о состязании двух равных, у которых свои, непостижимые людям отношения:

Я не хочу, чтоб свет узнал
Мою таинственную повесть;
Как я любил, за что страдал,
Тому судья лишь Бог да совесть!..
Им сердце в чувствах даст отчет;
У них попросит сожаленья;
И пусть меня накажет Тот,
Кто избрал мои мученья...

Лермонтов стоял перед Богом лицом к лицу, гоня людей прочь. Еще решительнее говорит он об этом в «Оправдании», одном из последних своих стихотворений. Безразлично, к кому оно относится, и даже безразлично, существовала ли в действительности та женщина, к которой обращены стихи. Важно то, как здесь определено отношение Лермонтова к суду людскому, к возможности людского вмешательства в его личную судьбу:

Того, кто страстью и пороком
Затмил твои молодые дни,
Молю: язвительным упреком
Ты в оный час не помяни.
Но пред судом толпы лукавой
Скажи, что судит нас Иной...

Так среди людей Лермонтов соглашался оставить после себя «одни воспоминанья о заблуждениях страстей», – а примирится ли он с Богом, погибнет ли – людям до этого не должно быть дела: здесь для них тайна. Ни их сожалений, ни оправданий, ни порицаний не хотел знать он, «превосходящий людей в добре и зле». Всю жизнь он судил себя сам судом совести.

Таким образом, делая нас свидетелями своей трагедии и суда над самим собой, Лермонтов все же не позволяет нам досмотреть трагедию до конца: в должный миг завеса задерживается – и мы уже не смеем присутствовать при последнем его разговоре с Богом. Здесь – тайна, и поэт, скрываясь за занавес, движением руки удерживает нас от попытки последовать за ним: <...>. Приговора мы не узнаем. Узнал его только сам Лермонтов.

В. Ф. Ходасевич. Из статьи «Фрагменты о Лермонтове»

Первая, и основная, особенность лермонтовского гения – страшная напряженность и сосредоточенность мысли на себе, на своем «Я», страшная сила личного чувства. Не ищите у Лермонтова той прямой открытости всему задушевному, которая так чарует в поэзии Пушкина. Пушкин, когда и о себе говорит, то как будто о другом; Лермонтов, когда и о другом говорит, то чувствуется, что его мысль и из бесконечной дали стремится вернуться к себе, в глубине занята собою, обращается на себя.

Сильнейшее развитие личного начала есть условие для наибольшей сознательности жизненного содержания, но этим не дается само это содержание жизни, и при его отсутствии сильное «Я» остается пустым. Остаться совершенно пустым колоссальное «Я» Лермонтова не могло, потому что он был поэт Божией милостью, и, следовательно, все им переживаемое превращалось в создание поэзии, давая новую пищу его «Я». А самым главным в этом жизненном материале лермонтовской поэзии, без сомнения, была личная любовь. Но любовные мотивы, решительно преобладавшие в произведениях Лермонтова, как видно из них же самих, лишь отчасти занимали личное самочувствие поэта, притупляя остроту его эгоизма, смягчая его жестокость, но не наполняя всецело и не покрывая его «Я». Во всех любовных темах Лермонтова главный интерес принадлежит не любви и не любимому, а любящему «Я», – во всех его любовных произведениях остается нерастворенный осадок торжествующего, хотя бы и бессознательного, эгоизма...

Вторая, тоже от западных его родичей унаследованная, черта... способность переступать в чувстве и созерцании через границы обычного порядка явлений и схватывать запредельную сторону жизни и жизненных отношений. Эта вторая особенность Лермонтова была во внутренней зависимости от первой. Необычная сосредоточенность Лермонтова в себе давала его взгляду остроту и силу, чтобы иногда разрывать сеть внешней причинности и проникать в другую, более глубокую, связь существующего, – это была способность пророческая; и если Лермонтов не был ни пророком в настоящем смысле этого слова ... то лишь потому, что он не давал этой своей способности никакого объективного применения. Он не был занят ни мировыми историческими судьбами своего отечества, ни судьбою своих ближних, а единственно только своею собственной судьбой... За несколько месяцев до роковой дуэли Лермонтов видел себя неподвижно лежащим на песке среди скал в горах Кавказа, с глубокою раной от пули в груди, и видящим в сонном видении близкую его сердцу, но отделенную тысячами верст женщину, видящую в сомнамбулическом состоянии его труп в той долине. Тут из одного сна выходит, по крайней

мере, три: 1) сон здорового Лермонтова, который видел себя самого смертельно раненным, – дело сравнительно обыкновенное, хотя, во всяком случае, это был сон в существенных чертах своих вещей, потому что через несколько месяцев после того, как это стихотворение [«Сон»] было записано в тетради Лермонтова, поэт был действительно глубоко ранен пулею в грудь, действительно лежал на песке с открытой раной и действительно уступы скал теснились кругом. 2) Но, видя умирающего Лермонтова, здоровый Лермонтов видел вместе с тем и то, что снится умирающему Лермонтову: «И снился мне сияющий огнями / Вечерний пир в родимой стороне... / Меж юных жен, увенчанных цветами, / Шел разговор веселый обо мне».

Это уже достойно удивления. Я думаю, немногим из вас случалось, видя кого-нибудь во сне, видеть вместе с тем и тот сон, который видится этому вашему сонному видению. Но таким сном (2) дело не оканчивается, а является сон (3):

Но, в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчива одна,
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена.
И снилась ей долина Дагестана,
Знакомый труп лежал в долине той,
В его груди, дымясь, чернела рана,
И кровь лилась хладеющей струей.

Лермонтов видел, значит, не только сон своего сна, но и тот сон, который снился сну его сна, – сновидение в кубе. Во всяком случае, остается факт, что Лермонтов не только предчувствовал свою роковую смерть, но и прямо видел ее заранее. А та удивительная фантазмагория, которую увековечено это видение в стихотворении «Сон», не имеет ничего подобного во всемирной поэзии и, я думаю... одного этого стихотворения, конечно, достаточно, чтобы признать за Лермонтовым врожденный, через голову многих поколений переданный ему гений.

Теперь нам остается посмотреть, как сам Лермонтов принял этот задаток великой судьбы и что он из него сделал... Он думал, что его гениальность уполномочила его требовать от людей и от Бога всего, что ему хочется, не обязывая его относительно их ни к чему. Но пусть Бог и люди великодушно не настаивают на обязанностях гениального человека. Ведь Богу ничего не нужно, а люди должны быть благодарны и за те искры, которые летят с костра, на котором сжигает себя гениальный человек. Пусть Бог на небе и люди на земле отпустят ему его медленное самоубийство.

Но разве легче от этого третьему обиженному – самому гению, который попусту сжег и закопал в прах и тлен то, что было ему дано для великого подъема как могучему вождю людей на пути к сверхчеловечеству? Но как же он мог кого-нибудь поднимать, когда сам не поднялся? А поднимается человек только по трупам – по трупам убитых им врагов, т. е. злых личных страстей. Можно ли этого требовать? Не от всякого и требуется. Судьба или высший разум ставят дилемму: если ты считаешь за собою сверхчеловече-

ское призвание, исполни необходимое для него условие, подними действительность, поборовши в себе то злое начало, которое тянет тебя вниз. А если ты чувствуешь, что оно настолько сильнее тебя, что ты даже бороться с ним отказываешься, то признай свое бессилие, признай себя простым смертным, хотя и гениально одаренным...

Сознавая в себе от ранних лет гениальную натуру, задаток сверхчеловека, Лермонтов также рано сознавал и то злое начало, с которым он должен бороться, но которому скоро удалось вместо борьбы вызвать поэта лишь на идеализацию его. Сознавал ли Лермонтов, что пути, на которые толкали его эти демоны, были путями ложными и пагубными? И в стихах, и в письмах его много раз высказывалось это сознание. Но сделать действительное усилие, чтобы высвободиться из-под власти двух первых демонов, мешал третий и самый могучий – демон гордости... Глубоко и искренно тяготился Лермонтов, своим падением и порывался к добру и чистоте. Но мы не найдем ни одного указания, чтобы он когда-нибудь тяготился взаправду своею гордостью и обращался к смирению. И демон гордости, как всегда хозяин его внутреннего дома, мешал ему действительно побороть и изгнать двух младших демонов и, когда хотел, – снова и снова отворял им дверь...

Гордость для человека есть первое условие, чтобы никогда не сделаться сверхчеловеком, и смирение есть первое условие, чтобы сделаться сверхчеловеком; поэтому сказать, что гениальность обязывает к смирению, значит только сказать, что гениальность обязывает становиться сверхчеловеком. Лермонтову тем легче было исполнить эту обязанность, что он, при всем своем демонизме, всегда верил в то, что выше и лучше его самого, а в иные светлые минуты даже ощущал над собою это лучшее: «И в небесах я вижу Бога...» Это религиозное чувство, часто засыпавшее в Лермонтове, никогда в нем не умирало и, когда пробуждалось, – боролось с его демонизмом.

В... ранних произведениях тяжба поэта с Богом имеет, конечно, ребяческий характер. Лермонтов упрекает Творца за то, что он сделал его некрасивым; за то, что люди, и особенно кузины и другие барышни, не понимают и не ценят его и т. п. Но когда, в более зрелом возрасте, после нескольких бесплодных порывов к возрождению... Лермонтов перестает бороться против демонических сил и находит окончательное решение жизненного вопроса в фатализме... он вместе с тем дает новую, ухищренную, форму своему прежнему детскому чувству обиды против Провидения...

Итак, натянутое и ухищренное оправдание демонизма в теории, а для практики принцип фатализма, – вот к чему пришел Лермонтов перед своим трагическим концом...

О природе загробного существования мы ничего достоверного не знаем, а потому и говорить об этом не будем. Но есть нравственный закон, столь же непреложный, как закон математический, и он не допускает, чтобы человек испытывал после смерти превращения произвольные, не обоснованные его предыдущим нравственным подвигом. Если жизненный путь продолжается и за гробом, то, очевидно, он может продолжаться только с той степени, на которой остановился. А мы знаем, что: как высока была степень приращен-

ной гениальности Лермонтова, так же низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга – развить тот задаток, великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх, к истинному сверхчеловечеству, – но этого мы от него не получили. Мы можем об этом скорбеть, но то, что Лермонтов не исполнил своей обязанности к нам, конечно, не снимает с нас нашей обязанности к нему. Прежде чем быть обязанным относительно наших современников – братьев по человечеству и относительно потомства – наших детей по человечеству, мы имеем обязанность к отшедшим – нашим отцам в человечестве, – и, конечно, Лермонтов принадлежит к таким отцам для современного поколения.

В. С. Соловьев. Из статьи «Лермонтов»

«**П**роизошла на небе война: Михаил и ангелы его воевали против Дракона; и Дракон и ангелы его воевали против них; но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвержен был великий Дракон».

Существует древняя, вероятно гностического происхождения, легенда, упоминаемая Данте в «Божественной комедии», об отношении земного мира к этой небесной войне. Ангелам, сделавшим окончательный выбор между двумя станами, не надо рождаться, потому что время не может изменить их вечного решения; но колеблющихся, нерешительных между светом и тьмою, благость Божья посылает в мир, чтобы могли они сделать во времени выбор, не сделанный в вечности. Эти ангелы – души людей рождающихся. Та же благость скрывает от них прошлую вечность, для того чтобы раздвоение, колебание воли в вечности прошлой не предрешало того уклона воли во времени, от которого зависит спасенье или погибель их в вечности будущей. Вот почему так естественно мы думаем о том, что будет с нами после смерти, и не умеем, не можем, не хотим думать о том, что было до рождения. Нам дано забыть, откуда – для того, чтобы яснее помнить, куда.

Таков общий закон мистического опыта. Исключения из него редки, редки те души, для которых поднялся угол страшной завесы, скрывающей тайну мирную. Одна из таких душ – Лермонтов.

«Я счет своих лет потерял», – говорит пятнадцатилетний мальчик. Это можно бы принять за шутку, если бы это сказал кто-нибудь другой. Но Лермонтов никогда не шутит в признаниях о себе самом.

Чувство незапамятной давности, древности – «веков бесплодных ряд унылый» – воспоминание земного прошлого сливается у него с воспоминанием прошлой вечности, таинственные сумерки детства с еще более таинственным всполохом иного бытия, того, что было до рождения.

И я счет своих лет потерял,
И крылья забвенья ловлю.
Как я сердце унести бы им дал,
Как бы вечность им бросил мою!

Так же просто, как другие люди говорят: моя жизнь, – Лермонтов говорит: моя вечность.

Воспоминание, забвение – таковы две главные стихии в творчестве Лермонтова.

«О, когда б я мог / Забыть, что незабвенно!..» – говорит пятнадцатилетний мальчик и впоследствии повторяет почти теми же словами от лица Демона: «Забыть? Забвенья не дал Бог, / Да он и не взял бы забвенья».

На дне всех эмпирических мук его – эта метафизическая мука – неутолимая жажда забвенья: «Спастись от думы неизбежной / И незабвенное забыть!..»

«Незабвенное» – прошлое – вечное. Печорин признается: «Нет в мире человека, над которым прошедшее приобретало бы такую власть, как надо мною. Всякое написание – болезненно ударяет в мою душу и извлекает из нее все те же звуки... Я ничего не забываю, ничего». К тому, что было до рождения, дети ближе, чем взрослые. Вот почему обладает Лермонтов никогда не изменяющей ему способностью возвращаться в детство, т. е. в какую-то прошлую вечную правду.

Накануне смерти, со смертью в душе, он «предается таким шалостям, которые могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему мальчику». «Бегали в горелки, играли в кошку-мышку, в серсо», – рассказывает Эмилия Александровна, та самая барышня, из-за которой Лермонтов был убит Мартыновым.

«Тяжелый взор странно не согласовался с выражением детски нежных и выдававшихся губ», – вспоминает о нем И. С. Тургенев. – «В его улыбке было что-то детское», – говорит Лермонтов о Печорине. – Детское и женское. – «Он очень походил на мать свою, – сказал однажды Краевский, указывая на ее портрет, – если вы к этому лицу приделаете усы, измените прическу да накинете гусарский ментик – так вот вам Лермонтов».

«Когда я был трех лет, то была песня, от которой я плакал; ее не могу теперь вспомнить, но уверен, что, если бы услышал ее, она бы произвела прежнее действие. Ее певала мне покойная мать». – Песня матери – песня ангела: «И голос той песни в душе молодой / Остался без слов, но живой...»

Вся поэзия Лермонтова – воспоминание об этой песне, услышанной в прошлой вечности. Постоянно и упорно, безотвязно, почти до скуки, повторяются одни и те же образы в одних и тех же сочетаниях слов, как будто хочет он припомнить что-то и не может, и опять припоминает все яснее, яснее, пока не вспомнит окончательно, неотразимо, «незабвенно». Ничего не творит, не сочиняет нового, будущего, а только повторяет, вспоминает прошлое, вечное. Другие художники, глядя на свое создание, чувствуют: это прекрасно, потому что этого еще никогда не было. – Лермонтов чувствует: это прекрасно, потому что это всегда было.

Весь жизненный опыт ничтожен перед опытом вечности. По сравнению с блаженством – «Тех дней, когда в жилищах света / Блестал он, чистый херувим», – все земные радости – «скучные песни»: «И звуков небес заменить не могли / Ей скучные песни земли».

Маленький мальчик, который вчера играл в лошадки или солдатики, сегодня решает:

Пора уснуть последним сном:
Довольно в мире пожил я,
Обманут в жизни был во всем,
И ненавидя, и любя.

Едва взглянув на мир, произносит свой безгневный и беспощадный приговор: «жалок мир». Тут, конечно, и отзвук Байрона; но Байрон только вскрывает в нем то, что всегда было как данное, вечное. Что говорит ребенок, – повторяет взрослый: «...жизнь, как посмотришь с холодным вниманием вокруг, / Такая пустая и глупая шутка».

Никаких особенных разочарований или утрат не произошло в жизни его между тем первым ребяческим лепетом и этим последним воплем отчаяния, в котором как бы зияет уже «тьма кромешная»; ничего нового не узнал, только вспомнил старое. «...Им в жизни нет уроков, / Их чувствам повторяться не дано», – говорит он о себе подобных.

Знает все, что будет во времени, потому что знает все, что было в вечности.

...Много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связан
И вечностью и знанием наказан.

«Наказан» в жизни за преступление до жизни. Как другие вспоминают прошлое, так он предчувствует или, вернее, тоже вспоминает будущее – словно снимает с него покровы, один за другим, – и оно просвечивает сквозь них, как пламя сквозь ткань. Кажется, во всемирной поэзии нечто единственное – это воспоминание будущего.

На шестнадцатом году жизни – первое видение смерти: «На месте казни, гордый, хоть презренный, / Я кончу жизнь мою». Через год: «Я предузнал мой жребий, мой конец: / Кровавая меня могила ждет». Через шесть лет: «Я знал, что голова, любимая тобою, / С твоей груди на плаху перейдет».

И наконец, в 1841 году, в самый год смерти – «Сон» – видение такой ужащающей ясности, что секундант Лермонтова, кн. Васильчиков, описывая дуэль через 30 лет, употребляет те же слова, как Лермонтов. – «В правом боку дымилась рана, а в левом сочилась кровь», – говорит кн. Васильчиков.

«Глубокая еще дымилась рана, / По капле кровь сочилась моя», – говорит Лермонтов.

Это «воспоминание будущего», воспоминание прошлой вечности кидает на всю его жизнь чудесный и страшный отблеск: так иногда последний луч заката из-под нависших туч освещает вдруг небо и землю неестественным заревом.

*Д. С. Мережковский. Из статьи «М. Ю. Лермонтов.
Поэт сверхчеловечества»*

ЭТО НЕ ПРОСТО ПОЭТИЧЕСКАЯ КАРТИНА, А ОБРАЩЕНИЕ ОДНОЙ ДУШИ К ДРУГОЙ

Изучение стихотворения М. Ю. Лермонтова «На севере диком...»

Т. Г. СОЛОВЕЙ, учитель-методист гимназии им. И. Сельвинского г. Евпатории,
Автономная Республика Крым

Стихотворение М. Ю. Лермонтова «На севере диком...» обладает особым, почти магическим воздействием на читателя. Оно подчиняет нас своему плавному музыкальному ритму, погружает в какой-то волшебный сон, где под ледяным обжигающим ветром печально раскачивается «на голой вершине сосна» и нежится в лучах жаркого солнца «прекрасная» грустная пальма... Жар и холод, снег и солнце удивительно сосуществуют в этом поэтическом шедевре, не соприкасаясь внешне, но таинственно соединяясь в одной мечте и одном чувстве. Стихотворение заканчивается, а мы все еще во власти его ритма и чудесных видений, продолжаем грезить наяву и испытывать чувство печали...

Предварим знакомство шестиклассников с ним небольшой беседой, связанной с ассоциациями детей с югом и севером. Спросим, что в их представлении связывается с понятиями «юг» и «север».

Учащиеся говорят о морозах, снеге, ледяном ветре, метелях и выюгах и о жарком воздухе, теплых морях, пальмах, экзотических цветах и птицах.

– *Могут ли юг и север соединиться?*

На первый взгляд, это невозможно, но у русского поэта Михаила Юрьевича Лермонтова есть волшебное средство – поэтическое слово, которое даже невозможное делает возможным. Мы убедимся в этом, читая стихотворение «На севере диком...». Школьники неизменно поддаются обаянию лермонтовского произведения, и после его прочтения в классе всегда несколько мгновений стоит тишина. «Тихий ангел пролетел», – думаю я про себя и радуюсь, что он коснулся своими невидимыми крылами детских душ и погрузил их в очарование поэзии, заставил замереть перед чудом поэтического слова.

Выдержав необходимую короткую паузу, обратимся к учащимся.

– *Какое настроение создает стихотворение? Почему? Благодаря чему оно возникает?* (Стихотворение окутывает нас печалью, тихой, задумчивой, щемящей, потому что мы чувствуем одиночество сосны, грустящей где-то на обдуваемой всеми ветрами «голой вершине», с которой, куда ни бросишь взгляд, видны только бесконечные сверкающие снега, укрывающие унылые серые камни. Ощущение одиночества усиливается эпитетом «дикий», которым охарактеризован север. Дикая – значит пустынный, неосвоенный, и царствуют там только ветры, метели да морозы, среди которых трудно вы-

жить. Не случайно вершина, где растет сосна, названа «голой». Но одинока не только сосна: «прекрасная пальма» «в пустыне далекой», оказывается, тоже грустит «на утесе горячем».)

– *Почему утес называется «горючим»?* Подберите синоним к этому эпитету.

Как показывает опыт, большинство детей неправильно понимает это слово: они связывают его значение с понятием «горячий». Если не найдутся в классе те, кто знает истинное значение данного слова, нужно будет объяснить его.

Утес назван «горючим», то есть печальным, потому что он выжжен солнцем, гол и пуст, и если бы не росла на нем «прекрасная пальма», он казался бы мертвым.

– *Какие картины возникают в вашем воображении при чтении стихотворения?* Опишите их.

– *Какие художественные средства помогают их создать?*

Детям прежде всего видится сосна. Укрытая снегом, она качается под колючим морозным ветром. Длинные иглы ее пытаются удержать белоснежную «ризу», но ветер упорно и безжалостно срывает снежный покров. Недаром снег назван «сыпучим». Только там, где мороз превратил его в лед и закрепил на могучих ветрах, он сверкает в лучах редкого солнца тысячами огней и напоминает торжественное облачение священника, расшитое серебром. Именно с ним сравнивает убранство сосны поэт: «... и снегом сыпучим / Одета, как ризой, она». И тогда сосна кажется удивительно прекрасной, и одиночество ее ощущается еще острее, потому что никто, кроме Господа Бога, не видит этой красоты. Ведь кругом только снег и лед, камни и скалы да высокое сумрачное небо.

А где-то «в пустыне далекой» растет не менее «прекрасная пальма». Ее ветви с широкими резными листьями бросают узорную тень на «горючий утес». Каждый день она видит пылающий восход солнца, безоблачное белесоватое небо, пески и голые камни. И ничего больше...

Там – снег, здесь – пески, там – мороз, здесь – зной, но и там, и здесь – одиночество...

Давайте с о п о с т а в и м картины, созданные на основе стихотворения Лермонтова нашим воображением, с картиной художника И. Шишкина «На севере диком», родившейся тоже под впечатлением от этого стихотворения, и с книжными иллюстрациями.

– *Совпадают ли ваши представления с этими картинами? Передают ли они настроение стихотворения?*

– *Какие из них вам нравятся больше и почему?*

Детям очень нравится полотно Шишкина. Нравится его холодная гамма из синих, голубых, бирюзовых, лиловых, зеленоватых тонов, нравится великолепная торжественная сосна, будто парящая над снегами между небом и землей, ее роскошные ветви, опущенные под тяжестью снега. Мы чувствуем, что она где-то высоко-высоко, потому что в нижнем левом углу картины взгляд наталкивается на темную пропасть, уходящую куда-то далеко. Сла-

бый луч солнца освещает величественный и печальный пейзаж – перед нами частичка целой Вселенной, прекрасной, одухотворенной мечтой и стремлением к единению с родной душой, но одинокой...

Иллюстрации Р. Щербины и Е. Шориной, З. Смирновой и Н. Константиновой вызывают у шестиклассников разное отношение. Иллюстрация Щербины им нравится и кажется подходящей к стихотворению Лермонтова и своим художественным решением, и настроением. Они отмечают красоту сосны, удачное изображение ее снежного одеяния, от которого на рисунке будто даже исходит сияние. И в то же время мы чувствуем движение воздуха, ветра, потому что видим, как осыпается снег с ветвей, как несутся по небу сизые облака, как подвижны тени. Все в иллюстрации полно внутренней жизни, что отражается в игре света на снегу.

Пальма же дана в розовато-сиреневых тонах, она, как греза, как мечта, – далека и таинственна, поэтому изображена художницей в другом масштабе (меньшем) и помещена на другой странице книги.

Иллюстрация Е. Шориной, С. Смирновой и Н. Константиновой нравится не всем. Учащимся она кажется слишком наивной, «детской», и, кроме того, они, как «строгие критики», видят неполное ее соответствие тексту стихотворения. «Сосна вовсе не одинока, – говорят они. – Вокруг нее другие деревца и кустики, и филин сидит на ветке. Значит, она уже не одна. А неподалеку вообще селение. Нет здесь настроения одиночества. Иллюстрация скорее радостная, чем печальная». Но находятся среди ребят и те, кому этот рисунок нравится своей яркостью, ясностью, двуплановостью. «Зато мы здесь видим обеих героинь произведения, – утверждают они, – и хорошо чувствуем разницу между ними».

Работа с иллюстрациями помогает нам перейти к а н а л и з у идейного содержания стихотворения.

– *Что же разделяет сосну и пальму? Как подчеркивается в стихотворении различие в их положении и разделяющее их расстояние?* (Пространство – необозримое и необъятное – разделяет сосну и пальму. Сосна растет на севере, пальма – на юге. Между ними тысячи и тысячи километров. Сосна укрыта снегом и скована морозом – пальма сжигается лучами горячего солнца. Север и юг – два полюса большой земли.

«Север дикий» и «пустыня далекая» противоположны друг другу, причем эпитеты, характеризующие их, поставлены после определяемых слов, что сразу акцентирует наше внимание на этой разнице и на расстоянии. Есть и еще одна деталь, усиливающая ощущение разделенности пространством: пальма растет «в том крае, где солнца восход», то есть она настолько близка солнцу, насколько сосна далека от него. Здесь Лермонтов использовал прием поэтического параллелизма, когда два образа изображаются параллельно друг другу. Именно для этого приема характерны инверсии – не прямой порядок слов.)

– *А что объединяет сосну и пальму?* (Они обе красивы (сосна «снегом сыпучим одета, как ризой...», пальма «прекрасная»); обе растут на вершинах среди пустынных мест: сосна – «на голой вершине», пальма – «на утесе горючем»; обе одиноки и печальны.)

– Казалось бы, такое сходство судьбы и состояния должно объединить их, избавить от печали и одиночества. *Но почему этого не происходит?* (Пространство и закрепленность за ним оказывается сильнее всего остального, невозможно преодолеть его, и даже если бы сосна или пальма могли прийти друг к другу, кто-то из них был бы обречен на гибель, потому что не смог бы жить в непривычных для него условиях. Это знак судьбы, знак воли Господней, которую невозможно изменить.)

– *О чем это заставляет задуматься?*

Не всегда возможно соединение с родной, близкой душой, иногда оно остается только мечтой, сном, но уже сама эта мечта и стремление к единению наполняют жизнь смыслом, одухотворяют ее и помогают выстоять даже в нелегком поединке с теми трудностями, которые уготовила тебе судьба, как распорядилась она сосне расти «на севере диком». Взгляните еще раз на картину Шишкина и убедитесь в том, что все вокруг сосны одухотворено ее внутренней жизнью...

– Лермонтов очень долго и тщательно работал над своим стихотворением. Познакомьтесь с первым, черновым его вариантом и сравните с последней редакцией. Найдите строки, которые особенно подверглись переработке, подумайте, к чему стремился поэт, совершенствуя их.

*Ein Fichtenbaum steht einsam
Im Norden auf kahler Hoh.
Heine*

На холодной и голой вершине
Стоит одиноко сосна,
И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаясь, дремлет она.

Ей снится прекрасная пальма
В далекой восточной земле,
Растущая тихо и грустно
На жаркой песчаной скале.

Лермонтов полностью изменил первую строчку стихотворения, внося в него образ «севера дикого», заменив им «хладную и голую вершину». «Север дикий» звучит объемнее, убедительнее и выразительнее, он помогает острее ощутить одиночество сосны. Изменены и третья и четвертая строчки:

И дремлет... под снегом сыпучим,
Качаясь, дремлет она.

Фактически от них остались только удачно найденный «снег сыпучий», глагол «дремлет» и деепричастие «качаясь». В окончательной редакции нет излишних повторений, все звучит гораздо живописнее, картина создана постоянством действия («дремлет, качаясь») и оригинальным сравнением («...и снегом сыпучим / Одета, как ризой, она»). И мы представляем не просто сосну, а красавицу-сосну, и тем горше кажется, что никто не видит эту красоту.

Во второй строфе Лермонтов тоже усилил постоянство действия, присоединив к глаголу «снится» местоимение «все». «Далекая восточная земля» преобразилась в край, «где солнца восход», а «жаркая песчаная скала» стала «утесом горючим». Все приобрело удивительную гармонию и цельность, все подчинилось одному настроению задумчивой мечтательности, печали и одиночества, стало колоритным поэтически-живописным полотном.

Интересно, что Лермонтов в первой редакции поставил к стихотворению эпиграф из произведения Генриха Гейне, которое и стало основой шедевра русского поэта (ведь «На севере диком...» – вольный перевод), а во второй редакции он этот эпиграф снял, убрав все указания на немецкий источник. Попытаемся понять, почему он это сделал. Познакомимся с дословным переводом (подстрочником) стихотворения Гейне и посмотрим, какие изменения и зачем внес в стихотворение русский поэт.

Кедр стоит одиноко
На севере на голой высоте.
Ему снится, что белым одеялом
Его окутывает снег.

Он мечтает о пальме,
Которая далеко на востоке
Одиноко и молча грустит
На пылающей скале.

Дети сразу обращают внимание на то, что у Лермонтова кедр заменен сосной.

– *Что же меняется от этого?* (В стихотворении Гейне кедр и пальма ассоциируются с понятиями «Он» и «Она», что сразу приводит нас к мысли о любви. У Лермонтова эта ассоциация снята, и важной становится не идея любви, а стремление просто к родной душе, желание объединиться с ней в общей судьбе. И не важно, кем она будет – мужчиной или женщиной, потому что главным оказывается желание духовной гармонии.)

– У Гейне просто север, а у Лермонтова он «дикий». *Какое настроение усиливает этот эпитет?* (Он усиливает настроение пустоты и одиночества. Кедр у Гейне / Что белым одеялом / Его окутывает снег», а сосна наяву ощущает этот снег и чувствует не только холод, но и ветер; мы понимаем это благодаря эпитету «*сыпучий*» – о снеге.)

– У Гейне кедр «мечтает о пальме» – у Лермонтова о сосне сказано: «И снится ей все, что в пустыне далекой... / Прекрасная пальма растет». *В чем разница? И что вносит эту разницу?* (Лермонтов местоимением «все» («И снится ей все») подчеркивает бесконечность, постоянство сна сосны, неизбывное желание единения с «прекрасной пальмой». Кедр же просто «мечтает», в этой мечте нет тоски, он представляет себе пальму, которая, возможно, тоже, как и он, «молча грустит / На пылающей скале».)

– Скала, на которой обитает пальма, названа Гейне «пылающей». А у Лермонтова пальма растет «на утесе горючем». *Почему он выбрал отличный от гейневского эпитет?* (Для русского поэта важно показать одиночество

пальмы, ее грусть. Потому-то он и выбрал близкий к народной речи эпитет «горючий». У Гейне же акцент сделан не на печали, а на зное и жаре.)

– *Для чего же вносил все эти изменения М. Ю. Лермонтов?* (Его привлекла в стихотворении Гейне идея разделенности двух стремящихся друг к другу сердец. Она оказалась близкой ему самому, его характеру и судьбе, но для него важна не столько любовь, сколько духовная близость, родственность душ, их взаимопроникновение друг в друга – то, без чего особенно страдает человек, и сам поэт, в частности. Поэтому он усилил в своем вольном переводе мотивы грусти и одиночества, что наполнило его новым, очень лермонтовским и очень русским содержанием.)

– *Как вы думаете, почему при публикации стихотворения в поэтических сборниках Лермонтова не указывается, что это перевод произведения Генриха Гейне (это можно увидеть только в примечаниях)?* (Это не делается потому, что стихотворение из перевода превратилось в самостоятельное произведение, так как Лермонтов фактически взял из него только сюжет и преобразил его своим волшебным пером, создав, по сути, другое стихотворение, которое поражает поэтическим мастерством, музыкальностью, богатством содержания.)

Стихотворение Гейне вообще любимо русской культурой. Его переводил не только Лермонтов, но и многие другие известные поэты: А. Фет, Ф. Тютчев, Н. Михайлов, А. Майков, Э. Гиппиус и другие. У каждого перевода свои достоинства. Познакомьтесь с двумя из них: переводами Фета и Тютчева, которые были современниками Лермонтова.

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке крутом;
Он дремлет, сурово покрытый
И снежным, и лдяным ковром.

Во сне ему видится пальма,
В далекой восточной стране,
В безмолвной, глубокой печали,
Одна, на горячей скале.

(А. Фет. 1841)

С чужой стороны
На севере мрачном, на дикой скале,
Кедр одинокий под снегом белеет,
И сладко заснул он в инистой мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на знойном холму
Стоит и цветет, одинока...

(Ф. Тютчев. 1823–1824)

На северном голом утесе
Стоит одинокая ель.

Ей дремлется.
Сонную снежным
Покровом одела метель.

И ели мерещится пальма,
Что в дальней восточной земле
Одна молчаливо горюет
На зноем сожженной скале.

(Н. Михайлов. 1845, 1856)

На севере кедр одиноко
На голой вершине растет,
Он спит, одеялом белым
Укрыл его снег и лед.

Он видит сон о пальме,
Что в дальней, восточной земле
Грустит одиноко и молча
На раскаленной скале.

(З. Гиппиус)

– *Какой из них вам нравится больше и почему?*

– Сравните переводы Тютчева и Фета с подстрочником и стихотворением Лермонтова. *Чем они различаются?*

Оба перевода нравятся шестиклассникам, у обоих находятся свои читатели. Перевод Фета нравится детям своей легкостью, музыкальностью, ясностью; перевод Тютчева – суровым звучанием, близостью к гейневскому стихотворению. При внешнем сходстве поэтические картины, созданные этими авторами, очень различны. В переводе Фета все смягчено. В нем нет острого ощущения одиночества и жажды гармонии с родной душой. Вершина заменена «пригорком», кедр – дубом, а дуб всегда ассоциируется с мощью и силой (сравните с ним стройную и женственную сосну). Поэтому, кажется, ему легче справиться с трудностями и одиночеством. У Тютчева все суровее и мрачнее, но сон кедра назван *сладким*, «его вьюга *лелеет*», то есть он не противостоит «*мрачному*» северу, а является его неотъемлемой частью; сон же о пальме не более чем причудливая мечта о несбыточном, своего рода «прихоть». У Лермонтова все подчинено «одной, но пламенной страсти» – стремлению к единению с родной душой.

– *Почему из всех существующих переводов (можно при наличии времени прочесть и другие), каждый из которых хорош по-своему, в сборниках стихотворений Гейне публикуется обычно все-таки лермонтовский?* (Может быть, потому, что это не просто поэтическая картина, а обращение одной души к другой, обращение трепетное, безнадежное и трогательное. И каждое слово в этом стихотворении выражает одновременно и жалобу, и смирение сердца. Что ж поделаешь, если такова воля Божья – «жить розно и в разлуке умереть» (так поэт писал о своей собственной судьбе в отношениях с отцом). Но судьба не может отнять мечту, которая восполняет то, чего нет в реальной жизни, и наполняет ее теплом и светом. Вот это-то утверждение силы мечты,

которая может победить даже великое пространство, соединить север и юг, делает стихотворение Лермонтова настоящей жемчужиной русской поэзии и шедевром художественного перевода.)

В заключение урока учащимся предлагается прослушать романсы М. А. Балакирева, А. С. Даргомыжского и М. М. Кажлаева на стихи Лермонтова и сопоставить различные музыкальные интерпретации и их исполнение.

– Какой романс и какое исполнение вам понравились больше и почему?

– Какой из них, на ваш взгляд, самый «лермонтовский»? Обоснуйте.

Работа с музыкальными интерпретациями литературного произведения увлекает ребят, они с живым интересом обсуждают их. Примечательно, что практически у всех романсов находят свои сторонники, но больше шестиклассники выделяют романсы Даргомыжского и Кажлаева. Первый, замечательно исполненный Государственным академическим хором Эстонии, кажется ребятам более всего соответствующим лермонтовскому настроению: грустному, меланхолическому. Красивые, бархатистые мужские голоса создают цельный образ сосны, полный печали и одиночества. Пальма не отделена от нее, а существует будто внутри сосны, как ее неотъемлемая часть, как вечная мечта, поэтому ее мир не контрастен миру сосны. В романсах же Балакирева и Кажлаева, напротив, созданы контрастные музыкальные темы, соответствующие сосне и пальме. Романс Балакирева красив и многогранен, но для современных подростков слишком академичен и доступен восприятию не каждого из них. Музыкальная версия дагестанского композитора Кажлаева им ближе и понятнее. Современные музыкальные средства: причудливый ритм, своеобразное звучание ударных инструментов, воссоздающих неспешное движение каравана, шествующего по раскаленной пустыне, певучие протяжные голоса, ведущие основную грустную мелодию сосны (романс исполняет вокальный квартет «Гая»), – рисуют звучное и выразительное «живописное» полотно, в котором чувствуется Лермонтов, видится Шишкин и слышится Кажлаев, внесший свое восприятие в лермонтовское стихотворение. Композитор добавил к двум каноническим строфам Лермонтова еще одно трехстишие, созданное из отдельных строк стихотворения:

Стоит сосна
Одна и грустна,
И снегом одета она, –

которое сменяет «восточную» мелодию пальмы и возвращает нас из грезы сосны в ее настоящее – снега и метели, печаль и одиночество. Мелькнуло чудесное видение, соткалось из снежной пыли в лучах солнца – и исчезло вместе с солнечным лучом за тяжелой снеговой тучей...

Работа с музыкальными версиями еще раз возвращает учащихся к идейному содержанию произведения, обогащает его, обобщает все ранее сказанное и позволяет почувствовать неисчерпаемое богатство шедевра лирики М. Ю. Лермонтова.

«ЭТО ЛЮБИМЫЙ ИДЕАЛ НАШЕГО ПОЭТА, ЭТО ОТРАЖЕНИЕ В ПОЭЗИИ ТЕНИ ЕГО СОБСТВЕННОЙ ЛИЧНОСТИ»

**Урок – исследование художественного мастерства М. Ю. Лермонтова
(на материале поэмы «Мцыри»)**

В. Е. ХРАБРОВА, кандидат педагогических наук, доцент Севастопольского городского гуманитарного университета

Цели урока: охарактеризовать образ лирического героя в поэме «Мцыри», показать художественный конфликт произведения; совершенствовать умения проводить исследовательскую работу, определять в поэтическом тексте роль изобразительно-выразительных средств языка; формировать коммуникативные навыки в процессе работы в группе, создавать комфортную среду для реализации возможностей и способностей личности и ситуацию успеха; в атмосфере сотрудничества создать условия для эстетического развития учащихся.

Оборудование: портреты М. Ю. Лермонтова; иллюстрации к поэме «Мцыри».

**У нас одна душа, одни и те же звуки.
М. Лермонтов**

Ход урока

I. Сообщение темы, целей урока.

Учитель. О поэзии М. Ю. Лермонтова известный современный исследователь Д. Е. Максимов писал: «Лермонтов – крупнейший представитель русского и мирового романтизма». Романтический пафос в значительной мере определил направление всей лермонтовской поэзии. В русской литературе Лермонтов принадлежит к числу тех поэтов, кто больше других отличается «лица не общим выраженьем»: характерностью поэтического почерка, неповторимостью поэтического голоса. Да и сам Лермонтов годился в романтические герои. (*Демонстрируется автолитография А. С. Пруцких.*) Он точно создан был поэтом-романтиком. Как искренние признания звучат его слова из юношеского стихотворения «К***» («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...»).

Я молод; но кипят на сердце звуки,
И Байрона достигнуть я б хотел;
У нас одна душа, одни и те же муки;
О если б одинаков был удел!..
Как он, ищу забвенья и свободы.
Как он, в ребячестве пылал уж я душой,
Любил закат в горах, пенящиеся воды
И бурь земных и бурь небесных вой!

Романтическими мотивами пронизаны все произведения Лермонтова.

Сегодня на уроке мы проследим, как в романтической поэме проявляется художественное мастерство Лермонтова, каким арсеналом изобразительно-выразительных средств пользуется поэт, как с их помощью создается образ романтического героя, воплощается ведущая идея произведения.

II. Работа по теме урока.

По ходу урока учащиеся заполняют следующую таблицу.

Лиризм поэмы «Мцыри»	Особенности изображения характера героя в поэме «Мцыри»	Многообразие, красочность изобразительно-выразительных средств языка поэмы

1. Усвоение литературоведческих понятий.

У ч и т е л ь. Поэма (фр. *poeme* < лат. *poeta* < греч. – см. поэзия) – большое лиро-эпическое повествовательное произведение в стихах. Докажите, что «Мцыри» – это поэма. (Поэма – это лиро-эпический жанр. «Мцыри» – поэма, т. к. в произведении преобладает субъективно-лирическое начало.)

– *В чем проявляется лиризм?* (При ответе делаем запись на доске и в тетрадях.)

Лиризм: а) изображение внутреннего мира героя (история душевных переживаний Мцыри); б) близость переживаний Мцыри мыслям и чувствам автора.

2. Анализ текста поэмы.

– *Каковы особенности изображения героя в поэме?*

Карточка-информатор

Особенности изображения характера героя:

- а) герой, наделенный сильными чертами характера, с необычной судьбой; напряженность, гиперболичность переживаний;
- б) действие сосредоточено вокруг одного героя, в котором воплощен идеал;
- в) экзотический пейзаж, помогающий раскрытию характера героя.

(М е т о д и ч е с к и й с о в е т . Учитель может использовать данную карточку-информатор или задавать соответствующие наводящие вопросы, чтобы получить необходимые ответы.)

– *Из каких событий складывается сюжет?* (Картины детства, юность в монастыре, бегство, поиски родины, встреча с грузинкой, бой с барсом, возвращение в монастырь, болезнь, смерть.)

– *Какое из этих событий является идейным, сюжетным центром?* (Побег = борьба за свободу.)

– *В чем пафос поэмы?* (В стремлении человека к свободе, любви к родине; в поэтизации подвига, в ней утверждается идеал жизни-борьбы.)

– *Прослушаем строфы, выражающие этот идеал.* (Учащиеся выразительно читают наизусть строфы 3, 8.)

– *В какой форме излагается содержание поэмы?* (В форме исповеди-монолога.)

– Лирический монолог – стихотворный рассказ от имени литературного героя. Лирический монолог способствует показу внутреннего мира героя, его чувств, переживаний, стремлений. Это одно из самых выразительных средств самораскрытия героя в лирике. *Где используется лирический монолог в поэме «Мцыри»? К кому он обращен?* (Лирический монолог – это исповедь Мцыри, обращен к старому монаху.)

Это взволнованная речь человека, долго томившегося в неволе и страстно любящего свободу. Герой сам рассказывает о своих чувствах, и события даны через его восприятие. Рассказ о трех днях свободы – это описание чувств, стремлений, мыслей. Во взволнованности, в созвучии переживаний героя мыслям и чувствам поэта проявляется лиризм поэмы.

Учащиеся читают наизусть строфы 17–18.

– Это – кульминационный волнующий момент поэмы. Как же передается взволнованность, страстность, с помощью каких средств?

3. Характеристика многообразия, красочности изобразительно-выразительных средств языка поэмы (работа в группах).

В эпизоде боя с барсом самым употребительным является такой троп, как сравнение. Поэтому прослушивание сообщений групп о результатах исследования поэтического текста начнем с определения изобразительно-выразительных функций сравнений в поэме.

Сообщение **1-й группы** (в скобках указаны строфы).

Сравнения подчеркивают эмоциональность образа Мцыри: «как серна гор, пуглив и дик и слаб и гибок, как тростник»; «Он страшно бледен был и худ и слаб, как будто долгий труд, болезнь иль голод испытал» (2).

Они отражают мечтательность природы юноши: «Я видел горные хребты, причудливые, как мечты, когда в час утренней зари курились, как алтари, их выси в небе голубом, и облачко за облачком, покинув тайный свой ночлег, к востоку направляло бег – как будто белый караван залетных птиц из дальних стран!»; «в снегах, горящих, как алмаз» (6), «как узор, на ней зубцы далеких гор» (9).

Природа одушевляется: «дерев, разросшихся кругом, шумящих пестрою толпой, как братья в пляске круговой» (6); «вой протяжный, жалобный, как стон», «он застонал, как человек» (17).

Сравнения передают поэтичное восприятие природы Мцыри, его умение воспринимать прекрасное. Мир природы настраивает на спокойную созерцательность, дает ощущение гармонии.

С помощью сравнений показано слияние Мцыри с природой, сближение с ней: «сплетясь, как пара змей» (18). Это взаимообратный процесс: зверь – очеловечивается, человек – как зверь, и в этом проявляется их близость. В то же время эти сравнения подтверждают отчужденность Мцыри от людей: «Я сам, как зверь, был чужд людей и полз и прятался, как змей» (9); «Я был чуждой для них навек, как зверь степной» (15); шакал «кричал и плакал, как дитя» (9); «Он застонал, как человек» (17).

А в этих сравнениях – сила страсти, энергия, могучий дух Мцыри: «Как барс пустынный, зол и дик, я пламенел, визжал, как он; как будто сам я был рожден в семье барсов и волков...»; «В груди моей родился тот ужасный крик, как будто с детства мой язык к иному звуку не привык...»; «Он встретил смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу!» (18)

Схватка с барсом оборачивается осознанием высокой ценности борьбы, мужества. С помощью сравнений она показана как схватка диких природных сил. А в природе естественно устанавливаются справедливые законы.

В 21 строфе развернутое сравнение «На мне печать свою тюрьма оставила... Таков цветок темничный... Едва вошла заря, палящий луч ее обжег в тюрьме воспитанный цветок...» имеет символическое значение: монастырь – тюрьма, солнечный ожог – «ожог» от свободы.

– Итак, сравнения подчеркивают эмоциональность образов, раскрывают жизненный опыт и представления героя.

Сообщение **2-я группы** об использовании метафорических эпитетов.

Метафорические эпитеты передают:

1) *душевное настроение, глубину чувств, их силу и страстность, внутренний порыв*: «пламенная страсть»; «сумрачные стены»; «блаженные дни»; «пылающая грудь»; «в холодной вечной тишине»; «бурное сердце»; «могучий дух»; «страшно бледен»; «дружбы... живой меж бурным сердцем и грозой»; «грозящей бездны»; «сердитый вал»; «отчаянной рукой»; «бешеный скачок»; «страшной смертью»; «смертельный бой»; «и я был страшен»; «ужасный крик»; «страшный сон»; «волю дикую»; «жар бессильный и пустой»; «безжалостного дня»; «легкий шум шагов»; «голос, сладко вольный»; «сладкою тоской»; «в тюрьме воспитанный цветок»;

2) *поэтическое восприятие мира*: «снегах, горящих, как алмаз»; «в тени рассыпанный аул»; «сонные цветы»; «волшебным, странным голосам»; «две сакли дружную четой»; «объятья жадные»; «мир молчаливый»; «легких, бешеных коней»; «битвы чудные»; «лучей живительных»; «свежих островов»; «шепчущих кустов»; (взор рыбки) «грустно нежен и глубокий»; «ее серебристый голосок»; «чудных снов»; «вольную струю»; «воздух так душист»; «играющий на солнце лист».

Сообщение **3-й группы** об использовании метафор.

Типично романтическая лексика:

«Летние жары покрыли тенью золотой лицо и грудь ее; и зной дышал от уст ее и щек. И мрак очей был так глубок...»; «Казалось, приросли к скале две сакли дружную четой». (13)

«И двух огней промчались искры... То был пустыни вечный гость...»; «Сердце вдруг зажглося жаждою борьбы и крови... да, рука судьбы меня вела иным путем...». (16)

«Бой закипел...» (17)

«Но земли сырой покров их освежит, и смерть навеки заживит»; «Судьба... смеялась надо мной!» (19)

«Проснулся день, и хоровод светил напутственных исчез в его лучах. Туманный лес заговорил»; «Смутный гул в долине с ветром пробежал...»; «Я тайный замысел ласкал...»; «унесть в могилу за собой тоску по родине святой, надежд обманутых укор...»; «Казалось, звон тот выходил из сердца». (20)

«Палил меня огонь безжалостного дня»; «Иссохший лист ее венцом терновым над моим челом свивался, и в лицо огнем сама земля дышала мне. Сверкая быстро в вышине, кружились искры... Мир божий спал в оцепенении глухом отчаянья тяжелым сном». (22)

«Моя [рука] в огне... Знай, этот пламень с юных дней, таяся жил в груди моей; но ныне пищи нет ему, и он прожег свою тюрьму...» (25)

Метафоры передают напряженность, гиперболичность переживаний, силу чувств Мцыри, эмоциональное восприятие окружающего мира. Это язык высоких страстей. Неистовая жажда свободы порождает неистовую стилистику выражения чувств.

Сообщение **4-й группы** об использовании развернутого олицетворения.

«Там, где, сливаясь, шумят, обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры». (1)

«Поток, усиленный грозой, шумел, и шум его глухой сердитой сотне голосов добился. Хотя без слов мне внятн был тот разговор, немолчный ропот, вечный спор с упрямой грудю камней. То вдруг стихал он, то сильнее он раздавался в тишине...» (10)

«Растений радужный наряд хранил следы небесных слез, и кудри виноградных лоз вились, красуясь меж деревьев прозрачной зеленью листов; и грозды полные на них, серег подобье дорогих, висели пышно... И снова вслушиваться стал к волшебным, странным голосам; они шептались по кустам, как будто речь свою вели о тайнах неба и земли; и все природы голоса сливались тут...» (11)

«Уж луна вверху сияла, и одна лишь тучка кралася за ней, как за добычею своею, объятья жадные раскрыв». (14)

«И миллионом черных глаз смотрела ночи темнота сквозь ветви каждого куста». (15)

С помощью развернутых олицетворений передается понимание природы, полное слияние Мцыри с ней. Возвышенно-экзотические пейзажи сгущенно, предельно романтические. Природа наделена теми же качествами, что и романтические персонажи, она существует в одном ряду с человеком: человек и природа равновелики и равнозначны. Природа человечна. В природе Кавказа поэт-романтик находит те величие и красоту, которых недостает человеческому обществу.

Сообщение 5-й группы об использовании инверсии.

Инверсия – по-латински перестановка, это отступление от обычного порядка слов: подлежащее + сказуемое, определение + определяемое слово (существительное), сказуемое + обстоятельство.

Слово, перемещенное на необычное место, делается более заметным, приобретает особую интонацию, фраза делается более выразительной. Перемещаются слова, которые наиболее важны для создания художественного образа, чтобы привлечь особое внимание. Подчеркиваются слова, важные в идейно-художественном отношении. Примеры:

«Ребенка пленного, без жалоб он томился»; «тихо, гордо умирал»; «по стороне своей родной»; «гордо выслушав, привстал»; «думы власть»; «от келий душных»; «земле чужой»; «юности мечты»; «тебе есть в мире что забыть»; «в снегах, горящих, как алмаз»; «делал я на воле»; «для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы»; «рукою молнию ловил»; «дружбы краткой, но живой»; «много я часов бежал»; «и странной, сладкою тоской опять моя заняла грудь»; «я цель одну – пройти в родимую страну – имел в душе»; «слезы не знал я никогда»; «и в груди моей родился тот ужасный крик»; «снов... про волю дикую степей, про битвы чудные»; «томил меня огонь безжалостного дня»; «и в лицо огнем сама земля дышала мне».

Сообщение 6-й группы об использовании риторических вопросов, восклицаний, обращений.

Риторические вопросы, обращения, восклицания являются средством выражения сильных душевных переживаний.

Риторический вопрос – это утверждение высказывания в форме вопроса. Вопросительная форма настораживает внимание, заставляет подумать, а следовательно, и глубже воспринять те мысли и пережить те чувства, которые автор выражает.

Риторическое восклицание – оборот речи с подчеркнуто-восклицательной интонацией. В форме восклицания утверждается понятие. При восклицательной интонации подчеркивается логическое ударение во фразе, усиливается ее эмоциональное звучание.

Риторическое обращение – оборот речи, в котором содержится обращение к неодушевленному предмету, отвлеченному понятию или к воображаемому слушателю. Например:

- «А душу можно ль рассказать?» (3)
«Знал ли ты разгульной юности мечты?»; «Что за нужда? Ты жил, старик! Я также мог бы жить!» (5)
«Ты хочешь знать, что видел я на воле?»; «Мне было свыше то дано!» (6)
«Ты хочешь знать, что делал я на воле?»; «О, я как брат, обняться с бурей был бы рад!»; «Скажи мне, что среди этих стен могли бы дать вы мне взамен той дружбы краткой, но живой, меж бурным сердцем и грозой!» (8)
«Бежал я долго – где, куда? Не знаю!» (9)
«Но юность вольная сильна, и смерть казалась не страшна!» (12)
«И если б хоть минутный крик мне изменил – клянусь, старик, я б вырвал слабый мой язык». (15)
«Он встретил смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу!» (18)
«Но тщетно спорил я с судьбой: она смеялась надо мной!» (19)
«Да, заслужил я жребий мой! Что я пред ним?» (21)
«Дитя мое, останься здесь со мной. О милый мой! Не утаю, что я тебя люблю...» (23)

Риторических вопросов, восклицаний и обращений много, так как поэма по типу – монологическое повествование. Монолог-исповедь занимает центральное и ключевое место. Мысли и чувства Мцыри – это мысли и чувства автора. Большое количество риторических вопросов и восклицаний придают взволнованность и страстность.

Сообщение **7-й группы** еще об одном приеме создания лиризма – анафоре (единоначатии).

- «И с каждым днем приметно вял. И близок стал его конец...» (+ многосоюзие). (2)
«Я променял бы, если б мог. Я знал одной лишь думы власть, одну – но пламенную страсть...» (3)
«Она, как червь во мне жила, изгрызла душу и сожгла. Она мечты мои звала от келий душных и молитв в тот чудный мир тревог и битв, где в тучах прячутся скалы. Где люди вольны, как орлы. Я эту страсть во тьме ночной вскормил слезами и тоской; ее пред небом и землей я ныне громко признаю и о прощенье не молю» (+ синтаксический параллелизм). (3)
«Давным-давно задумал я взглянуть на дальние поля, узнать, прекрасна ли земля, узнать, для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы. И в час ночной, ужасный час, когда гроза пугала вас, когда, столпясь при алтаре, вы ниц лежали на земле, я убежал». (8)
6 и 8 строфы имеют одинаковое начало: «Ты хочешь знать, что видел я на воле?» – «Ты хочешь знать, что делал я на воле?»
«Я поднял голову мою... Я осмотрелся; не такую мне стало страшно...» (10)
«Тогда на землю я упал; и в исступлении рыдал, и грыз сырую грудь земли, и слезы, слезы потекли...» (15)
«Он с детских глаз уже не раз сгонял виденья снов живых про милых ближних и родных, про волю дикую степей. Про легких бешеных коней, про битвы чудные меж скал, где всех один я побеждал!...» (20)

Анафоры усиливают впечатление, нагнетают ритм. Бурное, радостное биеение жизни ощущается в самом ритме строфы с ее бесконечным разнообразием эпитетов, с симметричным синтаксисом строк, с повторением союзов.

III. Подведение итогов урока.

У ч и т е л ь. Итак, на основе проведенного анализа мы можем сделать вывод о том, что в многообразии изобразительно-выразительных средств лермонтовской поэмы проявляется богатство переживаний, чувств лирического героя. С их помощью создается страстный, приподнятый тон поэмы.

Поэтика переключает на высокую и вневременную волну. Время поэмы ближе к обобщенному, чем к реальному. Это философское произведение о смысле бытия, об истинной ценности человеческой жизни, которую поэт видит в свободе, активности, человеческом достоинстве.

Главное в поэме – пафос свободы и активности. Герой и автор внутренне близки. Исповедь героя – это исповедь автора. В единый взволнованный и волнующий монолог поэмы включены и голос героя, и голос автора, и сам величественный кавказский пейзаж.

Самое существенное и характерное в лермонтовском герое – потребность в действии. Побег Мцыри – гордый спор с судьбой, с которой всю жизнь спорил и сам создатель образа. Поэтому поэму можно считать выражением затаенной авторской мечты, одной из составляющих его художественного и жизненного идеала. В. Г. Белинский писал: «Что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого Мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, поражает его собственной мощью...»

IV. Домашнее задание: подготовить монологическое высказывание на тему: «Как проявляется мастерство М. Ю. Лермонтова в создании романтического образа Мцыри?»

«Я ИЗЛИЛ ГОРЕЧЬ СЕРДЕЧНУЮ НА БУМАГЕ»

Изучение стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»

В. И. ЕЛКИНА, учитель Богдановского УВК, Запорожская область

**Хочу, чтоб труд мой вдохновенный
Когда-нибудь увидел свет.**

М. Лермонтов

Цели урока: пробудить интерес учащихся к личности и творчеству Лермонтова; ознакомить с идейно-художественным содержанием стихотворения; помочь почувствовать трагизм судьбы поэта, заключающийся в неприятии им реального мира, протест против деспотизма и своеволия, жажду свободы, порыв к подвигу; развивать умения проникать в подтекст стихотворения, видеть в нем выражение авторской концепции мира; совершенствовать навыки выразительного чтения.

Оборудование: портреты М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина; аудиозапись последней части симфонии П. И. Чайковского «Манфред».

Ход урока

I. Актуализация опорных знаний.

Вопросы к учащимся.

- *Каковы мотивы ранней лирики М. Ю. Лермонтова?*
- *В чем своеобразие его стихотворений?*
- *Каков лирический герой лирики Лермонтова? Что общее между поэтом и его лирическим героем?*
- *Как складывалась личная судьба поэта до 1837 года?*

II. Постановка целей и задач урока. Мотивация учебной деятельности.

Учитель. В истории русской литературы М. Ю. Лермонтов традиционно занимает место гения, подхватившего из рук Пушкина эстафету и великой русской поэзии, и трагической судьбы русского поэта. Так же, как Пушкин, он совершил важные художественные открытия в поэзии, прозе, драматургии, так же, как Пушкин, он обладал огромным влиянием на умонастроения современников, так же, как Пушкин, он подвергался преследованиям со стороны властей и, так же, как Пушкин, в пору расцвета творческих сил пал жертвой нелепой дуэли. Однако при всех совпадениях это были совершенно разные, если не сказать противоположные, по своему мироощущению поэты. Время, в которое Лермонтов вошел в литературу, было трагично. Это был период, наступивший после 14 декабря 1825 года – восстания декабристов.

В русской литературе того периода происходят заметные изменения. Постепенно уходит в прошлое поэзия пушкинской поры с ее верой в конечное торжество разума, просвещения, с ее стремлением к ясности и точности поэтического языка. Появляется новый тип психологической и философской лирики с подчеркнутой склонностью к самоанализу, к осмыслению всеобщих законов природы и бытия. Неслучайно в лирике Лермонтова прослеживаются отголоски полемики с его старшим современником.

Говоря о произведениях Лермонтова, В. Г. Белинский очень пронзительно заметил, что в них «нет уже надежды, они поражают душу читателя безотрадностью, безверием в жизнь и чувства человеческие при жажде жизни и избытке чувства... Нигде нет пушкинского разгула на пиру жизни, но везде вопросы, которые мрачат душу, леденят сердце... Да, очевидно, что Лермонтов – поэт совсем другой эпохи и что его поэзия – совсем новое звено в цепи исторического развития нашего общества».

III. Работа по теме урока.

1. Сообщение творческой группы об истории создания стихотворения.

1 - й у ч а щ и й с я. Стихотворение М. Ю. Лермонтова занимает в истории отечественной литературы особое место: это наиболее ранняя по времени и несравненная по поэтической силе обобщающая оценка исторического, всенародного значения Пушкина, его «дивного гения» для России, и в этом смысле выдающийся акт общественного, национального самосознания (*И. С. Чистова*). «Смерть поэта» стало стихотворением-памятником Лермонтову, принесшим ему громкую известность и проявившим его публичную позицию на социально-политическое положение России.

Среди лиц, посещавших дом А. С. Пушкина, был некто барон Дантес. Дантес, офицер, Кавалергардского полка был французским подданным. Молодой Дантес

приехал в Россию с намерением вступить в военную службу. Голландский посланник, бывший в то время в Петербурге, барон Геккерн, человек весьма состоятельный, был бездетным, усыновил Дантеса. Он «с благодарностью принял это совершенно необычное предложение». 15 июня 1836 года последовал высочайший указ о разрешении «поручику барону Дантесу именоваться бароном Геккереном. В глазах светского общества Дантес-Геккерн, красивый блондин, предстал блестящим молодым офицером. Он часто бывал на балах, где и познакомился с Натальей Николаевной, женой поэта. Пушкин же придворной жизни не любил и не вызывал теплых чувств у влиятельных светских людей. Дантес же пользовался успехом у женщин, ему приписывалось много романов.

2 - й у ч а щ и й с я. В светском обществе ходили слухи о том, что Дантес ухаживает за женой Пушкина. Поэт прислал Дантесу вызов, но тот попросил на две недели отсрочку. 26 января А. С. Пушкин послал оскорбительное письмо приемному отцу Дантеса, которое было равносильно вызову на дуэль. (По воспоминаниям К. К. Данзаса). В тот же день Луи Геккерн через секретаря французского посольства виконта д'Аршиака письмом объяснил Пушкину, что от его имени Дантес делает ему вызов; Пушкин без обсуждения принял весьма жесткие условия дуэли, письменно составленные виконтом д'Аршиаком.

Дуэль между Пушкиным и Жоржем де Геккерном (Дантесом) – офицером Кавалергардского полка состоялась 27 января (8 февраля) 1837 года на окраине Санкт-Петербурга, в районе Черной речки близ Комендантской дачи. Дуэлянты стрелялись на пистолетах, Пушкин был смертельно ранен в живот. Пушкин упал после выстрела Дантеса, у его пистолета дуло забилося снегом, и он попросил сменить пистолет. Д'Аршиак стал возражать, но Дантес знаком остановил его, и Пушкину дали другой пистолет. Ответным выстрелом Пушкин легко ранил Дантеса в правую руку. Условия дуэли, по настоянию Пушкина, были смертельными и не оставляли шанса уцелеть обоим противникам. Раненого Пушкина отвезли с места дуэли на санях; а у Комендантской дачи пересадили в карету, которую послал старший Геккерн.

3 - й у ч а щ и й с я. Вот что вспоминает А. П. Шан-Гирей, троюродный брат и близкий друг Лермонтова: «В январе 1837 года мы все были внезапно поражены слухом о смерти Пушкина... Лермонтов не был лично знаком с Пушкиным, но мог и умел ценить его. Под свежим еще влиянием истинного горя и негодования, возбужденного в нем святотатственным убийством, он в один присест, написал несколько строф, разнесшихся в два дня по всему городу. С тех пор, кому дорого русское слово, стало известно имя Лермонтова».

«Лермонтов был болен, когда явился к нам наш родня Николай Аркадьевич Столыпин, дипломат, один из представителей и членов самого что ни есть высшего круга, но, впрочем, джентльмен во всем значении этого слова. Столыпин расхваливал стихи Лермонтова на смерть Пушкина; но только говорил, что напрасно Мишель придал слишком сильное значение его невольному убийце, потому что не стреляться Дантес, как благородный человек, не мог – честь обязывала. Лермонтов сказал на это, что русский человек, конечно, чистый русский, а не офранцузенный и испорченный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снес бы ее, во имя любви своей к славе России, и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальности России своей руки. Столыпин засмеялся и нашел, что у Мишеля раздражение нервов... и перешел к другим предметам светской жизни и к новостям дня. Но Майошка наш (прозвище Лермонтова) его не слушал и, схватив лист бумаги, что-то быстро на нем чертил карандашом, ломая один за другим и переломав так с полдюжины. Четверть часа спустя Лермонтов, переломавший столько карандашей, пока тут был Столыпин, и потом писавший совершенно спокойно набело пером то, что в присутствии неприятного для него гостя писано им было так отрывисто, прочитал мне те стихи, которые, начинаются словами: «А вы, надменные потомки!» – и в которых так много силы. (В. П. Бурнашев)

4 - й у ч а щ и й с я. Стихи дошли до Пушкинского круга: В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, П. А. Плетнева, А. И. Тургенева, до семейства

покойного историографа Н. М. Карамзина. 2 февраля А. И. Тургенев записал в дневнике: «К Жуковскому... Стихи Лермонтова прекрасные». Тургенев через несколько дней оказался в Тригорском и, проводив гроб поэта в Святогорский монастырь, прощаясь с П. А. Осиповой 6 февраля, обещал ей прислать стихи Лермонтова. Известно, что А. И. Тургенев 10 февраля в Петербурге переписал стихотворение в письме к П. А. Осиповой. Оба корреспондента дружили с Александром Сергеевичем, а А. И. Тургенев в 1837 году чуть ли не ежедневно навещал его по утрам в его квартире на Мойке, встречал по вечерам в дружественных кружках. Ответ из Тригорского П. А. Осиповой датирован 16 февраля: «Вы угадали, что мне понравятся стихи... и только такой человек, который хорошо знал поэта, мог их написать».

«Вот стихи какого-то Лермонтова, гусарского офицера» – из письма от 9 февраля князя П. А. Вяземского прославленному Пииту Денису Давыдову. Софья Николаевна Карамзина, 10 (22) февраля, посылая брату Андрею за границу стихотворение «Смерть поэта» (без последних шестнадцати стихов) и восхищаясь им, смогла сообщить только, что автор этих «прекрасных стихов», в которых «так много правды и чувства», «некий господин Лермантов, гусарский офицер». В дневнике И. И. Козлова от 11 февраля 1837 г. читаем: «Нельзя быть добрее и участливее Александра Тургенева: он мне сделал так много одолжений, потом читал мне чудесные стихи Лермонтова на смерть Пушкина». А как относился царь к Лермонтову как к поэту? Впервые петербургское общество услышало о новом поэте в конце января – начале февраля 1837 года, сразу после дуэли Пушкина. Лермонтов, будучи больным, узнав о смертельном ранении Пушкина, написал свое стихотворение, по-видимому, 28 января, когда еще Пушкин был жив. Однако стихотворение не вызвало неудовольствия двора. Наоборот, есть сведения, что великий князь и даже император отозвались о нем одобрительно. С. А. Раевский говорит в своем показании: «Пронеслась даже молва, что В. А. Жуковский читал их его императорскому высочеству государю-наследнику и что он изъявил высокое свое одобрение». Сохранилось свидетельство, будто Николай I, прочитав стихотворение Лермонтова, сказал: «Этот, чего доброго, заменит России Пушкина», а великий князь Михаил Павлович заявил: «От этого зреющего поэта надо ждать хороших плодов».

5 - й у ч а щ и й с я. Правда, Дантес, сидевший в это время на гауптвахте, узнав о стихах, страшно рассердился и грозился вызвать поэта на дуэль. Гром грянул, когда до царя дошли последние 16 строк, дописанные тогда, после разговора со Столыпиным. Тогда-то и появилась резолюция Николая I: «Приятные стихи, нечего сказать; я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медку гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону». Объявлять своих противников сумасшедшими ведется у тиранов с давних времен.

Эпиграф к «Смерти поэта», взятый из трагедии Жана Ротру «Венцеслав» (1648. Пер. А. Жандра) придает произведению еще больший драматизм и масштабность. Слова, восходящие к французскому оригиналу, приобрели новое значение. Николай I, к которому обращен эпиграф, становится действующим лицом стихотворения. Лермонтов знал, что император был причастен к судьбе Пушкина, официальные круги превозносили и добродетель Николая I, «осыпавшего милостями» семейство Пушкина после убийства поэта. В момент, когда высшая знать оправдывала Дантеса, Лермонтов обратился к царю:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу...

В заключительных гневных 16 строках он выражал идею высшего – народного суда.

Эпиграф был воспринят как величайшая дерзость. Корнет лейб-гусарского полка вмешивается в дела царя! Это было вопиющим нарушением установленного порядка. В докладной записке Бенкендорфа к Николаю I читаем: «Вступление к этому сочинению»

нию (т. е. эпитафия) дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное». Позднее Е. П. Ростопчина писала, что крамола заключалась и в том, что поэт «обращался прямо к императору, требуя мщения».

25 февраля 1837 г. последовало высочайшее повеление: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова, за сочинение известных вашему сиятельству стихов, перевесь тем же чином в Нижегородский драгунский полк...» (*Военный министр Чернышев – Беккендорфу*). Полк находился на Кавказе, в действующей армии.

2. Работа с эпитафией урока.

У ч и т е л ь. Ребята, обратимся к эпитафии нашего урока.

– *Как вы понимаете слова М. Ю. Лермонтова?* («Это первое «дневниковое» стихотворение Лермонтова, которое было написано в 1830 году. В произведении поэт размышляет о смерти и посмертной судьбе поэтического творчества»; «Уже ранние стихи М. Ю. Лермонтова полны размышлений о жизни и смерти, о добре и зле, о смысле бытия, о любви и верности, о прошлом и будущем»; «Слова этого стихотворения – верный эпитафия к творчеству Лермонтова, ко всей его жизни. Как боялся он чего-то не совершить в этом мире, не успеть! Лермонтов был убит, когда ему было 27 лет. Сколько он мог еще совершить, ведь это еще не был расцвет его творчества»; «В этих строчках сплелись любовь к жизни и сомнения человека в том, что жизнь не станет разочарованием, что в ней будет смысл-загадка, которая волнует мир, наверное, столько же миллионов лет, сколько насчитывает человечество»; «Поэт мечтает о том, что обязательно найдутся люди, которые оценят его творчество»; «Михаил Юрьевич, как и любой другой человек, желает, чтобы в его жизни был смысл. Он боится, что его «вдохновенный труд» не принесет никому пользы. Но если так и будет, то тогда к чему старания? Он не боится умереть, но, отправляясь в мир загробный, люди подписывают завещание – Лермонтов не может просто забрать свои творения в «чужую, неведомую страну». Для того чтобы завещать их потомкам, нужно быть уверенным, что они им пригодятся, что среди последователей будут люди, способные правильно их понять и оценить».)

Вывод: пророческие слова Лермонтова сбылись. Известность, признание, всенародная слава пришли к Лермонтову в трагические для нашей литературы январские дни 1837 года.

– Кем был и чем жил великий русский поэт? – продолжает учитель. – Талантливый и одаренный молодой человек высшего света, дворянин, он, отчасти, повторил судьбу того, о ком писал. Трагическая дуэль. Так оборвалась жизнь талантливого и одного из лучших творцов XIX века. Писатель Магдалина Сизова в своей книге «Из пламя и света» воссоздала мельчайшие подробности биографии великого русского поэта и показала всю неоднозначность личности Михаила Юрьевича Лермонтова. Это книга об одном из лучших творцов XIX века. Давайте послушаем отрывок из произведения и окунемся в атмосферу того холодного январского вечера, представим себе, что чувствовал Лермонтов в эти трагические часы. Возможно, у кого-то из вас появится желание прочитать весь роман. (*Звучит музыка последней части симфонии П. И. Чайковского «Манфред». На фоне портрета А. С. Пушкина ученица читает отрывок от слов «Редко кто из жителей Петербурга*

не знал небольшого дома на Мойке с окнами, обращенными на канал, с подъездом под сводами ворот – дома, где жил Пушкин» до слов «Никогда еще он не ощущал с такой силой жажды борьбы с тем черным и страшным, что его окружало, и никогда не видел так ясно, что у него в руках есть верное оружие – его поэтическое слово».)

3. Выразительное чтение наизусть стихотворения «Смерть поэта».

Учитель. Пистолетный выстрел, убивший Пушкина, дал миру Лермонтова. Знамя передовой русской литературы, выпавшее из рук Пушкина, высоко поднял его наследник и преемник. На Руси появилось новое дарование, новая яркая звезда – Лермонтов.

А теперь самостоятельно прочтите еще раз это стихотворение.

4. Анализ содержания стихотворения «Смерть поэта».

Проводится беседа. Учащиеся отвечают на вопросы и выполняют задания.

– *Какими эмоциями проникнуто стихотворение?* («Стихотворение Лермонтова – лирический монолог, состоящий из меняющихся по содержанию, эмоциональному настрою и, соответственно, ритмике отрывков. Лермонтов движется от мысли о трагической гибели поэта к вопросу о причинах гибели Пушкина и затем о причинах трагического мироощущения поэтов вообще»; «В стихотворении дан отклик народного поэта на великую утрату, понесенную его родиной»; «Лермонтов выражает глубокую скорбь по поводу смерти Пушкина, гнев и презрение к убийцам великого поэта»; «Разнообразные чувства волнуют Лермонтова: и любовь к Пушкину, и восхищение его гениальным поэтическим даром, и глубокая скорбь о его гибели, и негодование на подлых убийц народного поэта. Эти чувства находят яркое художественное выражение в стихотворении и в подборе слов, и в интонациях речи»; «Для Лермонтова спаянность различных жанров в одном стихотворении – не самоцель, а прием, который наиболее точно соответствует эмоциональному и идейному содержанию. Значение слов и словосочетаний *оклеветанный молвой* – униженный в глазах общественного мнения; *злбно гнали* – издевались, не давали прохода; *дивный гений* – удивительный, ни на кого не похожий творец; *угас, как светоч*: светоч – источник света; когда свет гаснет, наступает темнота; Лермонтов подразумевает, что аналогичная темнота наступила после смерти Пушкина, которая явилась для России невосполнимой утратой; *пустое сердце* – сердце, лишенное сострадания и умения понимать прекрасное; *отравлены... мгновенья* – нарушено гармоничное восприятие действительности; *коварный шепот* – злобные разговоры за глаза».)

Учитель. Верно. Начало стихотворения звучит элегически: Лермонтов думает о горе – гибели поэта. Затем идет часть, которую можно назвать балладной: мы читаем последовательное повествование о событии («Его убийца хладнокровно...»). Далее вновь элегическая часть, но, в отличие от первой, насыщенная пафосом обличения («Зачем от мирных нег и дружбы простодушной...»). Последняя часть («А вы, надменные потомки...») по лексике и пафосу близка к оде, но исполнена негодующего обличения.

– *Какой «зачин» задается в первой строке произведения?* («В первой строке стихотворения речь идет о трагической судьбе конкретного человека, но Лермонтов также трактует происшедшее как проявление вечной борьбы добра, света со злом и жестокостью. Таким образом, судьба Пушкина осмысливается как судьба поэта вообще»; «Конфликт поэта и толпы, божественный дар и обреченность на гибель»; «Начало произведения раскрывает личные причины гибели поэта: "Погиб поэт! – невольник чести – / Пал, оклеветанный молвой..." С самого начала стихотворения начинает развиваться мотив травли, непонимания и презрения общества к поэту, мотив его одиночества среди толпы».)

– *Как вы понимаете выражение «невольник чести»?* («Невольник чести – заложник правил, «комилфо», диктующих определенное поведение»; «Стоит обратить внимание на неоднозначность словосочетания. Обычно в связи с ним говорят о биографических подробностях смерти Пушкина. В лермонтовском понимании, видимо, речь идет не столько о светской чести, сколько о чести поэта, не способного изменить своей правде, своему данному свыше дару».)

– *В чем сходство и различие глаголов «погиб» и «пал»?* («Глагол *погиб* – означает смерть от катастрофы, стихии, а глагол *пал* – стать жертвой кого-либо или чего-либо»; «Погиб "невольник чести" Пушкин, "пал, оклеветанный молвой" одинокий и непонятый Лермонтов, презираемый и изгоняемый отовсюду пророк»; «Это не просто гибель поэта, а его убийство – неизбежное следствие его давнего одинокого противостояния "свету"».)

– *Для чего поэт употребляет глагол «убит» дважды?* (Перед глазами Пушкина был пример поэтов-декабристов, для Лермонтова словно бы звучал еще преступный выстрел Дантеса. Показательно, что «глагол смерти» дважды используется уже в самом начале стихотворения «Смерть Поэта».)

– *Что, по мнению Лермонтова, явилось причиной смерти Пушкина?* (Говоря о причинах гибели Пушкина, Лермонтов рисует яркую картину непрерывных преследований поэта, организованной травли его, подлой клеветы, к которым прибегали враги: «поэт пал», оклеветанный молвой. Враги своего добились: «Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид, / Восстал он против мнений света / Один, как прежде... и убит!»)

– *Где в первой части стихотворения чувствуется глубокая скорбь Лермонтова?* (Многоточие, поставленное перед словом «убит», прерывая речь поэта, говорит о душевном волнении Лермонтова, потрясенного убийством своего любимого поэта и учителя.)

– *Какие черты Пушкина – человека и поэта – воссоздал Лермонтов в стихотворении?* (В стихотворении сплелись две поэтические интонации: лирически-проникновенная там, где воспевается Пушкин, и ораторская, обличительная, гражданская, когда идет речь о его убийцах. Для Лермонтова Пушкин – идеал поэта и человек в высшем значении этого слова. Лермонтов отмечает в Пушкине гениальность, любовь к свободе и смелость, независимость, знание людей, доверчивость.)

– *Каким показан убийца гения?* («Беспощадно клеймит Лермонтов непосредственного убийцу Пушкина – Дантеса. Он называет его убийцей, человеком бессердечным («пустое сердце бьется ровно»), карьеристом, приехавшим в Россию «на ловлю счастья и чинов», презирающим все, что дорого русскому народу: "Смеясь, он дерзко презирал / Земли чужой язык и нравы; / Не мог щадить он нашей славы; / Не мог понять в сей миг кровавый, / На что он руку поднимал!.."»); «Лермонтов этим стихотворением хочет показать, что в смерти Пушкина виновато светское общество, которое не понимало Пушкина, когда он был еще жив».)

– *Как вы понимаете строфу «И он убит – и взят могилой, как тот певец»?* (По мнению Лермонтова, причина гибели Пушкина в том, что поэт обречен на одиночество и не мог этого вынести. Он бросается в чуждый ему мир и погибает. Пушкин погиб, потому что «восстал он против мнений света...». Светское общество не понимает «его свободный, смелый дар». Лермонтов сравнивает Пушкина с Ленским из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: «И он убит – и взят могилой».)

– *Каким рисует высший свет Петербурга Лермонтов?* («Уже в первой части стихотворения Лермонтов обличает настоящих виновников гибели Пушкина, тех «клеветников ничтожных», которые «так долго гнали его свободный, смелый дар и для потехи раздували чуть затаившийся пожар». Автор точно указывает, кто эти клеветники: это «свет», «светское общество», против «мнений» которого «восстал Пушкин»; «В этом стихотворении Лермонтов рисует светское общество, называет его основные черты: «свет завистливый и душный», «клеветникам ничтожным», «словам и ласкам ложным». Лирический герой недоумевает: как Поэт мог так обмануться? Зачем он поверил лживой толпе? И вот печальный итог его обмана: "Замолкли звуки чудных песен, / Не раздаваться им опять: / Приют певца угрюм и тесен, / И на устах его печать"».)

– Найдите «ключевые» слова и выражения, с помощью которых поэт говорит о невозможности жить в таком обществе.

– Лермонтов мог бы назвать свое стихотворение «Смерть Пушкина», но избрал название «Смерть поэта». *Почему?* (Стихотворение «Смерть поэта» написано под непосредственным впечатлением от смерти Пушкина. Но хотя речь идет о трагической судьбе конкретного человека, Лермонтов трактует происшедшее как проявление вечной борьбы добра, света со злом и жестокостью. Таким образом, судьба Пушкина осмысливается как судьба поэта вообще. Основные темы стихотворения – конфликт поэта и толпы, божественный дар и обреченность на гибель. «Погиб поэт!» – этими словами начинается стихотворение Лермонтова. Затем он несколько раз повторяет горькую весть, но каждый раз говорит об этом иначе: «пал, оклеветанный молвой»; «и убит! Убит!»; «угас, как светоч, дивный гений»; «и он убит – и взят могилой»; «и умер он»; «приют певца угрюм и тесен».)

– *Какие чувства поэта отражаются в часто повторяемых словах о гибели Пушкина?*

– Как вы думаете, что могло оскорбить царя в заключительных 16 строках? («Во второй части стихотворения, в последних 16 строках, Лермонтов от элегии переходит к политической сатире, давая полный простор своему гражданскому негодованию. Поэт обращается к настоящим убийцам Пушкина с обличительной речью, клеймя "надменных потомков известной подлостью прославленных отцов", тех, "кто жадною толпой" стоял у трона. Придворное общество Лермонтов называет "палачами Свободы, Гения и Славы" и грозит им "божьем судом»»; «В заключительной части стихотворения (последние 16 строк) Лермонтов открыто называет истинных виновников гибели Пушкина. Его погубили "надменные потомки известной подлостью прославленных отцов"».)

– Найдите противоречия и определите их роль («надменные» – «обиженных родов»; «подлостью» – «прославленных отцов», «жадной толпой»).

– Чем отличается интонация последних 16 строк от интонации предыдущих строк стихотворения «Смерть поэта»? (Третья часть, последние шестнадцать строк Лермонтова к стихотворению, – это обвинение, перерастающее в проклятье. Лермонтов хочет отомстить за смерть Пушкина, показать его убийцу: «Вы, жаждою толпой стоящие у трона... Свободы, Гения и Славы палачи».)

– О каком «божьем суде» напоминает поэт? («"Палачам свободы" грозит "божий суд". Но «этот суд произойдет не в загробном мире, а здесь, на земле, где прольется "черная кровь" убийц Пушкина. Те, к кому были обращены эти строки, поняли это как "воззвание к революции"»; «Автор убежден, что виновник в смерти поэта надежно защищен "сенью закона", поэтому избежит наказания за смерть Пушкина. Но при этом Лермонтов напоминает, что еще существует божий суд, который "недоступен закону злата". Перед ним всем явным и неявным убийцам поэта рано или поздно все равно придется предстать, и тогда справедливость наверняка восторжествует. Пусть не по законам земли, а по законам неба, которые автор считает более честными и справедливыми. "И вы не смаете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь!" – убежден Лермонтов, не подозревая, о том, что через несколько лет станет жертвой дуэли и так же, как и Пушкин, погибнет не от пули, а от презрения и равнодушия общества, в котором пророки приравняются к проклятым, а поэты – к придворным шутам, не имеющим право на собственное мнение»; «В третьей части стихотворения Лермонтов гневно обрушивается на истинных виновников гибели поэта. Рисуя их образ, автор использует самые суровые эпитеты. Строки именно этой части стихотворения так возмутили цензоров и стали причиной ареста Лермонтова. Палачам «Свободы, Гения и Славы», укрывающимся от справедливого возмездия, автор стихотворения предрекает божий суд, который не пощадит их за великое и непоправимое зло».)

– Какие чувства у вас вызывает стихотворение? («Смерть поэта» – это речь общественного обвинителя. Стихи поражают богатством интонаций и с предельной убедительностью передают волнующие поэта мысли и чувства. Голос Лермонтова то дрожит от сдерживаемого возмущения, то полон пре-

зрения, его речь то звучит грустно-лирически, то наполнена негодованием. Поэт подбирает слова, наиболее сильно выражающие его чувства – «известной подлостью прославленных отцов».)

У ч и т е л ь. Стихотворение «Смерть поэта», разошедшееся в тысячах рукописных экземплярах, произвело огромное впечатление на читателей. Если придворное общество во главе с царем, расценивая его как «воззвание к революции», поспешило расправиться с дерзким поэтом, то вся передовая часть дворянства и интеллигенции целиком разделяла чувства Лермонтова. Один из современников так передает впечатление, произведенное на него и его товарищей стихотворением «Смерть поэта»: «Мы читали и декламировали его с беспредельным жаром... Мы волновались, приходили... в глубокое негодование, пылали от всей души, наполненной геройским воодушевлением, готовым, пожалуй, на что угодно, – так нас подымала сила лермонтовских стихов, так заразителен был жар пламеневший в этих стихах».

В стихотворении сплелись две поэтические интонации: лирически-проникновенная там, где воспевается Пушкин, и ораторская, обличительная, гражданская, когда идет речь о его убийцах. Для Лермонтова Пушкин – идеал поэта и человек в высшем значении этого слова. Лермонтов отличает в Пушкине гениальность, любовь к свободе и смелость, независимость, знание людей, доверчивость.

5. Анализ изобразительно-выразительных средств стихотворения.

– Лермонтов восторженно относится к Пушкину и глубоко скорбит о его гибели. Это отражено в подборе выразительных средств языка. Давайте найдем их.

Эпитеты «свободный, смелый дар», «звуки грудных песен», сравнения «угас, как светоч, дивный гений». Лермонтов характеризует Дантеса как человека бессердечного («пустое сердце бьется ровно, в руке не дрогнул пистолет», «безжалостная рука»), карьериста («подобный сотням беглецов, на ловлю счастья и чинов заброшен к нам по воле рока»), как иностранца, презирающего русскую культуру, («Смеясь, он дерзко презирал земли чужой язык и нравы»). Отношение автора к Дантесу проявляется в оценочных эпитетах («пустое сердце», «дерзко презирал»).

Поэт использует метафоры: «пустых похвал хор»; «жалкий лепет оправданья»; «злобно гнали дар»; «на ловлю счастья и чинов заброшен»; «и прежний сняв венок – они венец терновый, увитый лаврами, надели на него» и т. д.

У ч и т е л ь. История русской поэзии еще не знала, пожалуй, стихов подобной силы с таким обнаженным политическим смыслом и, главное, со столь открыто названным адресатом. Поэт противопоставлен свету, рабскому в своей жажде власти, ничтожному в своих мыслях и делах, пошлому и фальшивому. Но Лермонтов верит в наступление часа расплаты за его гибель. Зачитайте эти строчки.

В «Смерти поэта» Лермонтов заявил о себе не только как поэтический наследник Пушкина, но и как преемник его вольнолюбия. Судьба Пушкина, о которой он написал так вдохновенно и смело, стала и его судьбой.

6. Анализ структуры стихотворения.

– *Как вы считаете, на сколько частей можно разделить стихотворение и как можно озаглавить эти части?*

Следует подвести учащихся к таким выводам: стихотворение отличается одновременно сложностью и простотой композиции: несколько законченных фрагментов, имеющих каждый свою стилистику, подчинены общей идее.

В стихотворении легко выделяются три относительно самостоятельные части. В первой (33 строки) изображается не просто гибель поэта, но убийство – неизбежное последствие его давнего одинокого противостояния свету. «...И он убит и взят могилой...» В своем обвинении Лермонтов поразительно точен. Лермонтов обвиняет соучастников преступления, всех врагов и гонителей «свободного, смелого дара» поэта.

Следующие 23 строки особенно лиричны. Вторая часть заметно отличается от первой. В ней главной выступает надгробная элегия, скорбь о преждевременной смерти поэта: «Убит!.. К чему теперь рыдания, / Пустых похвал ненужный хор / И жалкий лепет оправдания? / Судьбы свершился приговор!» Здесь – личная скорбь по человеку, чувства любви и боли переплелись, и оттого стихи звучат особенно трогательно.

В заключительных 16 строчках – обвинение перерастает в проклятие. И речь идет не только о врагах Пушкина, но и всегдашних палачах «Свободы, Гения и Славы». Единственное, что может поэт противопоставить их безнаказанной и подавляющей силе, – это презрение и веру в неотвратимость высшего суда, в котором, очевидно, сольются «божий суд» и суд истории. Верой в неизбежность возмездия проникнуты заключительные строки стихотворения, где его гневный пафос достигает наивысшей мощи.

IV. Подведение итогов урока. Рефлексия.

Используется интерактивный прием «микрофон», выполняются такие задания.

– Многие современники оценили стихотворение «Смерть поэта» как гражданский подвиг Лермонтова. Подтвердите это фактами биографии поэта.

– «Я излил горечь сердечную на бумаге», – говорил Лермонтов на судебном допросе. Мы знаем, чем это закончилось. *Как вы думаете, могли Лермонтов поступить иначе: не бросать вызов властям, не писать обличительных стихов, не навлекать на себя гнев?* Аргументируйте свой ответ.

V. Домашнее задание: для всех – выучить наизусть стихотворение «Смерть поэта»; *индивидуальные задания* – подготовить устные сообщения о первой и второй ссылах М. Ю. Лермонтова.

В НЕМ «ОТРАЗИЛСЯ ВЕК И СОВРЕМЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗОБРАЖЕН ДОВОЛЬНО ВЕРНО...»

Интеллектуальная игра по роману М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»

О. Н. ХАРИТОНОВА, учитель гимназии № 31 г. Воронежа, Российская Федерация

Сценарий интеллектуальной игры построен на материале романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Использовать его можно как для проведения внеклассного мероприятия, так и для организации зачетного урока по теме.

Участие в состязаниях потребует от учащихся в первую очередь хорошего знания текста произведения. Существенную помощь в подготовке к игре девятиклассникам окажет следующее пособие: Лермонтов М. Ю. Герой нашего времени / Предисл. В. А. Мануйлова; Коммент. В. А. Мануйлова и О. В. Миллер. – СПб., 1996. Перед началом игры формируются две команды. В качестве ведущего и одновременно «третьейского судьи» выступает педагог-словесник (при желании его функции могут быть разделены – в этом случае придется позаботиться о создании судейской «команды»).

Несколько слов о критериях оценки соревнований. За односложные ответы на вопросы, не требующие пространных рассуждений, ведущий присуждает полбалла или один балл в зависимости от условий конкурса. Выполняя задания творческого характера, ребята могут получить от одного до трех (или даже пяти) баллов.

В е д у щ и й. «Герой нашего времени» – это грустная дума о нашем времени»; это один из тех романов, «в которых отразился век / И современный человек / Изображен довольно верно...». Так отозвался о романе Лермонтова сразу после его выхода из печати В. Г. Белинский. Сегодняшняя игра подведет итоги изучения этого «знакового» для писателя произведения.

«Дивно художественные лица»

В е д у щ и й. «"Бэла", "Максим Максимыч" и "Тамань", отдельно взятые, суть в высшей степени художественные произведения. И какие типические, какие дивно художественные лица – Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, девушки из Тамани!» – отмечал Белинский в статье, посвященной «Герою нашего времени». Об этих и многих других героях пойдет речь в данном конкурсе.

Суть заданий состоит в следующем. Ведущий последовательно, в три этапа, сообщает командам (читает вслух) сведения о том или ином персонаже произведения. Игроки стараются как можно быстрее угадать, о ком идет речь. Если учащиеся называют героя сразу же после поступления первоначальной информации, они получают максимальное количество баллов – три. В случае когда персонаж угадывается со второй или с третьей попытки, команда зарабатывает либо два балла, либо только один балл.

Задание 1-й команде.

1. Этот герой: а) «поэт на деле всегда и часто на словах, хотя в жизнь свою не написал двух стихов»; б) «был беден, мечтал о миллионах, а для денег не сделал бы лишнего шагу»; в) «изучал все живые струны сердца человеческого, как изучают жилы трупа, но никогда не умел он воспользоваться своим знанием». (*Вернер*)

2. Этот герой: а) принадлежал к тем людям, которые «под старость... делают либо мирными помещиками, либо пьяницами, – иногда и тем и другим»; б) по словам Печорина, «не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою»; в) имел «страсть... декламировать», на все случаи жизни у него были «готовые пышные фразы». (*Трушницкий*)

3. Этот герой: 1) «не любил метафизических прений», зато «имел глубокие сведения в поваренном искусстве»; 2) начинал воинскую службу под командованием генерала Ермолова; 3) имел чин штабс-капитана и по-отечески опекал Печорина. (*Максим Максимыч*)

4. Эта героиня: 1) «была далеко не красавица», но «ее правильный нос свел... с ума» Печорина; 2) «песнею зазывала счастье», стоя на крыше хаты; 3) напоминала «настоящую русалку» и, подобно последней, едва не утащила на дно молодого офицера. («*Ундина*», «*Тамань*»)

Задание 2-й команде.

1. Этот герой: а) интересовался музыкой «в медицинском отношении»; б) «страстно любил охоту: бывало, его так в лес и подмывает за кабанам и козами»; в) «такое уж был человек: что задумает, подавай; видно, в детстве был маменькой избалован». (*Печорин*)

2. Этот герой: а) под бешметом всегда носил кольчугу; б) несмотря на то что имел «рожу самую разбойничью» и «на нем было много подозрений», «ни в какой шалости не был замечен»; в) был владельцем лошади, которая «славилась в целой Кабарде – и точно лучше этой лошади ничего выдумать невозможно». (*Казбич*)

3. Этот герой: а) имел «вид существа особенного, неспособного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи»; б) «вина почти вовсе не пил, за молодыми казачками никогда не волочился», «была только одна страсть, которой он не таил, – страсть к игре»; в) по мнению Печорина, носил «печать смерти на бледном лице». (*Вулич*)

4. Эта героиня: а) «любит соблазнительные анекдоты и сама говорит иногда неприличные вещи»; б) по словам доктора Вернера, обладала «прекрасным желудком», на водах лечилась от ревматизма; в) «не привыкла повелевать», «питает уважение к уму и знаниям дочки». (*Княгиня Лиговская*)

Интервью у литературных героев

В е д у щ и й. «Каждое лицо в романе существует для вас само по себе, во всей его характеристической особенности, и никогда уже не забудете его... Все сказанное нами очень нетрудно приложить к роману г. Лермонтова» (Б е л и н с к и й В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. – СПб., 1840).

В ходе конкурса участникам состязаний предоставляется возможность почувствовать себя на месте действующих лиц романа «Герой нашего времени». Сначала игроки получают карточки, содержащие словесные портреты персонажей, и, ознакомившись с описанием, должны сказать, о ком идет речь. После того как персонажи угаданы, ребята отвечают на вопросы. Таким образом, соревнования проходят в виде своеобразного «интервью», которое дают учащиеся от лица того или иного лермонтовского героя.

За каждый правильный ответ присуждается один балл.

Задание представителю 1-й команды.

Узнай героя. «Его наружность была из тех, которые с первого взгляда поражают неприятно, но которые нравятся впоследствии... в сравнении с туловищем голова его казалась огромна: он стриг волосы под гребенку, и неровности его черепа, обнаженные таким образом, поразили бы странным сплетением противоположных наклонностей». (Доктор Вернер)

Вопросы.

1. В свете у вас репутация человека, имеющего «злой язык». Как-то в светской беседе вы сравнили женщин с заколдованным лесом: «Только приступи, на тебя полетят со всех сторон такие страхи, что боже упаси...» Далее вы перечислили эти «страхи». Не припомните ли, что вы тогда имели в виду? («Долг, гордость, приличие, общее мнение, насмешка, презрение...») Как, по-вашему, должен вести себя мужчина, оказавшись в подобном «лесу»? («Надо только не смотреть, а идти прямо: мало-помалу чудовища исчезают, и открывается перед тобой тихая и светлая поляна, среди которой цветет зеленый мирт, зато беда, если на первых шагах сердце дрогнет, и обернешься назад!»)

2. В разговоре с Печориным вы заметили: «Здесь, на водах, преопасный воздух...» Чем же, по-вашему, может быть опасен молодому человеку воздух Пятигорска? Какой совет вы дали в этой связи Печорину? («Итак, я вам советую быть осторожнее!.. Сколько я видел прекрасных молодых людей, достойных лучшей участи и уезжавших отсюда прямо под венец...»)

3. Печорин называет вас приятелем. И это воистину так. Ссора между Грушницким и Печориным заставила вас переживать за жизнь последнего. После дуэли вы устроили все «как можно лучше». Однако Печорин при встрече, когда вы пришли предупредить его об опасности и хотели пожать ему руку, «остался холоден, как камень». За что он обижен на вас? (После гибели Грушницкого Вернер на обращенные к нему слова Печорина «не отвечал и с ужасом отвернулся». В записке, присланной Вернером Печорину, наряду с сообщением о «мерах безопасности», были слова: «Вы можете спать спокойно, если можете...» Когда Вернер пришел к Печорину, то «против обыкновения не протянул руки» последнему. Печорин воспринял все это как предательство. «Вот люди! <...> знают заранее все дурные стороны поступка, помогают, советуют... а потом умывают руки и отворачиваются с негодованием от того, кто имел смелость взять на себя всю тягость ответственности», – записал он в дневнике после ухода Вернера.)

Задание представителю 2-й команды.

Узнай героя. «Он хорошо сложен, смугл и черноволос; ему на вид можно дать двадцать пять лет, хотя ему едва ли двадцать один год. Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы...» (Грушницкий)

Вопросы.

1. «...Он за это меня не любит, хотя мы наружно в самых дружеских отношениях», – заметил о вас и о себе Печорин в своем «Журнале». Позвольте полюбопытствовать, за что же вы, господин Грушницкий, не любите Печорина? («Я [Печорин] его понял...»)

2. Еще одна запись из дневника Печорина: «Грушницкий слывет храбрецом; я его видел в деле... Это что-то не русская храбрость!..» Почему ваш знакомый так считает? («Он махает шапкой, кричит и бросается вперед зажмуря глаза».) Вы ведь были удостоены награды за храбрость? Какой? (На стенде или на доске размещены фотографии старинных воинских наград. Учащийся находит среди них ту, что принадлежала Грушницкому. Это «георгиевский солдатский крестик».)

3. Однажды в разговоре с Мери на ее вопрос: «И вы целую жизнь хотите остаться на Кавказе?» – вы пустились в рассуждения о России. «Что для меня Россия?» – начали вы. Так что же значит для вас эта страна, господин юнкер? («Страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением, тогда как здесь, – здесь эта толстая шинель не помешала моему знакомству с Вами...»)

Женский взгляд

В е д у щ и й. По мнению Белинского, «Княжна Мери», «как отдельно взятая повесть, менее всех других художественна», и «всех слабее обрисованы женские лица в ней». «Лицо Веры особенно неуловимо и неопределенно». «Княжна Мери изображена удачнее», но «в ней есть что-то, как будто бы недосказанное». Возможно, все так и есть, но не будем забывать, что высказано это было более чем 165 лет назад. Причину же «неопределенности» и «недосказанности» женских характеров известный литературный критик усматривал в том, что о взаимоотношениях героинь с Печориным «судил» он сам, «а не третье лицо, каким бы должен явиться автор». Как Мери и Вера изображил бы автор-повествователь, мы себе не можем представить – тогда это было бы совсем другое произведение, а не «Журнал» Печорина. И все же попробуем несколько поправить положение, расширив «диапазон» образов.

Представим, что княжна Мери и Вера вели каждая свой дневник (а это было довольно распространенное явление в XIX веке, особенно среди лиц женского пола).

Задание 1-й команде. Постарайтесь воссоздать одну-две странички из дневника княжны Мери: опишите эпизод «спасения» девушки на бале от ее лица и роль Печорина в этом событии или же размышления героини, последовавшие за «объяснением» Печорина в заключительной части повести.

Задание 2-й команде. Воссоздайте дневниковые записи Веры: например, опишите увиденный ее глазами «роман» Печорина с Мери.

Творческие задания такого характера, безусловно, должны быть выполнены заранее. Во время состязаний представители команд читают домашние «заготовки». Педагог-ведущий оценивает качество сочинений учащихся по пятибалльной системе.

Исповедь Печорина

В е д у щ и й. «Все разнообразные чувства, волновавшие вас при чтении романа, сливаются в единое общее чувство, <...> все лица, – каждое столько интересно само по себе, так полно образованное, – становятся вокруг одного лица, составляют с ним группу, которой средоточие есть это одно лицо...» – писал Белинский в уже не раз цитируемой нами статье. «Это одно лицо», безусловно, Григорий Александрович Печорин.

В романе «представлены» три «исповеди» главного героя. Первая обращена к Максиму Максимычу («Бэла»). Адресатом второй явилась княжна Мери («Княжна Мери»). Наконец, третья «исповедь» – это, что называется, «суд совести» Печорина, размышления героя в ночь перед дуэлью.

На первоначальном этапе в конкурсе участвуют два человека – по одному представителю от каждой команды. Качественный уровень пересказа оценивается по трехбалльной шкале.

Задание представителю 1-й команды. Перескажите содержание «исповеди» Печорина княжне Мери (без изменения лица).

Задание представителю 2-й команды. Перескажите содержание «исповеди» Печорина Максиму Максимычу (без изменения лица).

Задание общее для обеих команд. Прочитайте отрывок из «исповеди» Печорина перед самим собой в ночь накануне дуэли с Грушницким. Восполните пропуски, восстановив логику рассуждений героя.

«Два часа ночи. Не спится. <...> Что ж? Умереть так умереть: потеря для мира небольшая; да мне и самому порядочно уж скучно. Я – как человек, зевающий на бале, который не едет спать только потому, что (п о ч е м у?) Пробегаю в памяти все мое прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? Для какой цели я родился?.. А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую (ч т о?) ... , но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила их я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки (ч т о?) ... , лучший цвет жизни. И с той поры сколько раз я играл роль (к а к у ю?) ... в руках судьбы. <...> Моя любовь никому не принесла счастья, потому что (п о ч е м у?) <...> И, может быть, завтра я умру!.. И не останется на земле ни одного существа (к а к о г о?) Одни почитают меня хуже, другие лучше, чем я в самом деле... Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец!.. И то и другое будет ложно. После этого стоит ли труда жить? А все живешь – (п о ч е м у?) Смешно и досадно!»

Для справок. «Еще нет его кареты»; «в душе силы необъятные»; «пыл благородных стремлений»; «топора»; «я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца... – и никогда не мог насытиться»; «которое бы поняло меня совершенно»; «из любопытства; ожидаешь чего-то нового».

Ведущий передает командам для коллективного обсуждения текст «исповеди» в двух экземплярах. После небольшого обдумывания (3–5 минут) один экземпляр, куда учащиеся вписали недостающие детали, возвращается к ведущему. Второй экземпляр остается у команд: он необходим для устной проверки задания. За каждую правильно сделанную «вставку» команды зарабатывают полбалла.

Далее, если позволяет время, можно предложить командам ответить на дискуссионный вопрос: «Насколько искренни исповедальные речи Печорина?»

Выполнение задания оценивается по трехбалльной системе. Ведущий представляет соревнующимся возможность высказаться поочередно. С каждой «стороны» выступить могут 1–2 представителя.

«Журнал Печорина»

В е д у щ и й. «Так как "Записки" Печорина есть его автобиография, то и невозможно дать полного понятия о нем, не прибегая к выпискам...» Нельзя не согласиться в этом с Белинским. Мы «изъяли» из «Журнала» Печорина ряд его признаний и предлагаем участникам игры ответить на вопросы, связанные с этими признаниями.

Каждой команде адресован определенный «набор» вопросов, задаваемых ведущим в быстром темпе. Отвечать требуется без предварительного обдумывания. «Цена» правильного ответа в данном конкурсе – один балл.

Вопросы представителю 1-й команды.

1. «Нет в мире человека, над которым (ч т о?) ... приобретало бы такую власть, как надо мной?..» Что имел в виду герой? (*Прошедшее*)

2. «Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал (ч т о?) ... ». Что же угадывал Печорин при первой встрече с женщиной? («*Будет она меня любить или нет*»)

3. «Во мне два человека», – признавался Печорин Вернеру. В чем различие между этими двумя людьми? («*Один живет в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его*»)

4. Однажды Печорин сравнил себя с Наполеоном. В каком контексте он это сделал? («*После бешеной скачки по степи в погоне за уехавшей Верой Печорин «бросился в постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо*»)

5. «Я готов на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь свою, даже честь поставлю на карту... но ... (ч е г о?) своей не продам». О какой «жертве» здесь рассуждает Печорин? («*О свободе*»)

Вопросы представителю 2-й команды.

1. «У меня врожденная страсть (ч т о д е л а т ь?) ... , целая моя жизнь была только цепь грустных и неудачных (ч е г о?) ... сердцу и рассудку». О какой страсти говорит герой? («*Противоречить*»)

2. «Я люблю врагов, хотя не по-христиански», – писал Печорин в своем дневнике. Каков смысл признания? («*Они меня забавляют, волнуют мне кровь*»)

3. «Ничем нельзя так польстить моему самолюбию, как признавая мое искусство...» Каким «искусством» гордится Печорин? («*Искусство в верховой езде на кавказский лад*»)

4. Какое время Печорин считал самым счастливым в своей жизни? («*Пребывание на Кавказе, точнее, первое время пребывания*»)

5. «Я иногда себя презираю... не оттого ли я презираю и других?.. Я стал неспособен к благородным порывам: я боюсь показаться (к а к и м?) ... » Каким Печорин не хотел выглядеть даже перед самим собой? («*Смешным*»)

Словесный портрет

В е д у щ и й. Среди композиционных средств, «работающих» на создание образа Печорина, значительное место занимает психологический портрет: через изображение внешнего облика писатель раскрывает внутренний мир своего героя. «Теперь я должен нарисовать его портрет. Он был...» – так повествователь приступает к описанию внешности Печорина. Итак, каков же «он был», нам предстоит выявить детально.

На доске записаны цитаты, воспроизводящие детали внешности различных персонажей романа «Герой нашего времени». Найдите среди этих цитат те, которые имеют отношение к портрету Печорина. Каждая найденная деталь пополнит командный счет на полбалла. А каких персонажей характеризуют остальные детали?

Задание 1-й команде.

Телосложение героя. 1. «Маленький, сухой, широкоплечий...» («*Казбич*») 2. «Был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок...» («*Вернер*») 3. «Стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов...» («*Печорин*»)

Улыбка героя. 1. «Вдруг едва приметная улыбка пробежала по тонким губам его, и, не знаю отчего, она произвела на меня самое неприятное впечатление». («*Слепой мальчик*») 2. «Печальная и холодная улыбка, вечно блуждавшая на губах его... это будто согласовывалось для того, чтобы придать ему вид существа особенного, неспособного делиться мыслями и страстями с теми, которых судьба дала ему в товарищи». («*Вулич*») 3. «В улыбке его было что-то детское». («*Печорин*») 4. «Он не церемонился, даже ударил меня по плечу и скривил

рот на манер улыбки. Такой чудак!..» (Максим Максимыч) 5. «В косвенных взглядах я читал что-то дикое и подозрительное... в... улыбке было что-то неопределенное...» («Ундина»)

Задание 2-й команде.

Походка героя. 1. «Его походка была небрежна и ленива... он не размахивал руками – верный признак некоторой скрытности характера». (Печорин) 2. «Легкая, но благородная походка имела в себе что-то ускользающее от определения, но понятное взору». (Княжна Мери) 3. «Преждевременно поседевшие усы не соответствовали его твердой походке и бодрому виду». (Максим Максимыч)

Глаза героя. 1. «Его маленькие черные глаза, всегда беспокойные, старались проникнуть в ваши мысли». (Вернер) 2. «Что за глаза! Они так и сверкали, будто два угля». (Бэла) 3. «Эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью и всякий раз они будто бы ждали вопроса». («Ундина») 4. «Они (глаза. – **О. Х.**) не смеялись, когда он смеялся! Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти». (Печорин) 5. «Такие бархатные глаза – именно бархатные... нижние и верхние ресницы так длинны, что лучи солнца не отражаются в... зрачках». (Княжна Мери)

Мысль изреченная

В е д у щ и й. Язык лермонтовских героев: Печорина, Максима Максимыча, Вернера и даже Грушницкого – весьма афористичен.

Учащиеся получают карточки с записью высказываний, в которых отсутствуют ключевые слова. Задача игроков – восстановить пропуски. Помимо этого, ребята должны сказать, кто является автором афоризмов. Высказывания подобраны с таким расчетом, чтобы в «наборе», адресованном каждой команде, из пяти «речений» четыре принадлежали одному и тому же герою, а пятое – другому. Таким образом, учащимся необходимо обнаружить «лишнее» звено в «пакете».

Оценка «вставки» – 0,5 балла. За нахождение «лишнего» элемента можно присудить один балл.

Задание 1-й команде. Вставьте ключевое слово в высказывание.

1. «Любовь, как огонь, без (ч е г о?) ... гаснет». (Без пищи) 2. «Из двух друзей один всегда (к т о д л я д р у г о г о?) ... , хотя ни один из них в этом не признается». (Раб другого) 3. «(Ч т о?) ... – чувство, которому покоряются так легко все женщины...» (Сострадание) 4. «Страсти не что иное, как (ч т о?) ... при первом своем развитии...» (Идеи) 5. «История души человеческой едва ли не любопытнее и не полезнее истории (к а к о й?) ... ». (Целого народа)

Д л я с п р а в о к. Высказывания 1, 2, 3, 4 принадлежат Печорину, 5 – повествователю в Предисловии к «Журналу» Печорина.

Задание 2-й команде. Вставьте ключевое слово в высказывание.

1. «О (ч т о?) ... ! ты рычаг, которым Архимед хотел приподнять земной шар». (Самолюбие) 2. «Без (к а к и х л ю д е й?) ... было бы на свете довольно скучно!» (Без дураков) 3. «Русские барышни большею частью питаются только (к а к о й?) ... любовью, не примешивая к ней мысли о замужестве». (Платонической) 4. «Уж эта мне Азия! что (кто?) ... , что (ч т о?) ... – никак нельзя положиться». (Люди, речки) 5. «Странная вещь (ч т о?) ... человеческ.. вообще, и женск.. в особенности!» (Сердце)

Д л я с п р а в о к. Высказывания 1, 2, 3, 5 принадлежат Печорину, 4 – Максиму Максимычу.

Книжная лавка

В е д у щ и й. Интересен литературный «фон» романа. В тексте «разбросаны» многочисленные упоминания о произведениях русских и зарубежных авторов. О них мы и будем вести разговор сейчас.

Конкурс проходит в форме викторины, все вопросы которой имеют «литературное» происхождение. Право ответить на вопросы предоставляется командам поочередно. Каждый правильный ответ увеличивает командный счет на один балл. Чтобы облегчить учащимся выполнение задания, можно организовать книжную выставку.

Вопросы 1-й команде.

1. Стихи какого поэта цитирует Печорин в «Журнале»? (А. С. Пушкина. «Последняя туча рассеянной бури...»)
2. Об одном своем знакомом Печорин сообщал, что «молодежь прозвала его Мефистофелем». Кто это? В произведении какого автора встречается этот персонаж? (Вернер; «Фауст» И.-В. Гете)
3. Произведения какого писателя читала в оригинале княжна Мери, если верить ее матери? (Дж. Байрона)
4. «О! Это московский франт Раевич! <...> А что за толстая трость, точно у (к о г о?) Да и борода кстати, и прическа а la moujik». Какого литературного персонажа напомнил Раевич Грушницкому? (Робинзона Крузо)

Вопросы 2-й команде.

1. Какой известный исторический роман знаменитого автора читал Печорин в крепости? («Пуритане» В. Скотта)
2. В своем «Журнале» Печорин не без пронизательности заметил: «Мало ли людей, начиная жизнь, думают кончить ее, как Александр Великий или ... а между тем целый век остаются титулярными советниками?» Фамилию какого известного поэта-романтика, являвшегося кумиром не одного поколения, упомянул Печорин в этом контексте? (Лорд Байрон)
3. «[Он] был мал ростом, и худ, и слаб, как ребенок; одна нога была у него короче другой, как у (к о г о?) ... ». Узнали вы этого героя? (Вернер) С каким литератором роднит его хромота? («Как у Байрона»)
4. «Он был явно балованный слуга ленивого барина, – нечто вроде русского (к о г о?) ... ». Печоринский слуга напомнил повествователю персонажа всемирно известного произведения. Какого? (Фигаро, героя комедии Бомарше)

По окончании состязаний ведущий подсчитывает очки, заработанные командами, и определяет победителя.

Заключительное слово ведущего.

«В этом романе удивительная замкнутость создания <...>, происходящая от единства поэтического ощущения, которым он так глубоко поражает душу читателя. В нем есть что-то неразгаданное, как бы недоговоренное... Но этот недостаток есть в то же время и достоинство романа г. Лермонтова...» – таков вывод В. Г. Белинского. Хотелось бы пожелать вам от себя: прочитайте роман Лермонтова еще раз – не сейчас, позднее, – быть может, тогда «неразгаданного» окажется меньше.

ОНО СТАНОВИТСЯ ДЛЯ РОМАНТИЧЕСКОГО ГЕРОЯ НЕ СТОЛЬКО ПРЕИМУЩЕСТВОМ, СКОЛЬКО ПРОКЛЯТИЕМ

Мотив одиночества в лирике М. Ю. Лермонтова и Дж. Байрона

Т. А. ЖИХАРЕВА, учитель-методист УВК № 84 г. Одессы

Цели урока: углубить и расширить знания учащихся о личности М. Ю. Лермонтова, проследить взаимосвязь жизненного пути с творчеством поэта, провести аналогию «судьба человека – судьба поколения»; способствовать пониманию мотивов создания и психологического микромира стихотворения «Нет, я не Байрон...»; показать творческое развитие его личности на текстах стихотворений «Нет, я не Байрон...» (автору 18 лет) и «Дума» (24 года); формировать чувство стиля, понимание нравственных и моральных проблем через проникновение во внутренний мир поэта; совершенствовать умения анализировать поэтический текст, наблюдать и сопоставлять, делать аргументированные выводы, навыки выразительного чтения поэтических произведений на основе личностного восприятия текста; строить самостоятельные высказывания при ответе на заданные вопросы; активизировать желание нестандартно мыслить.

Оборудование: портреты М. Ю. Лермонтова и Дж. Байрона, близких поэта; иллюстрационный материал; видео- и аудиозаписи; компьютерная презентация.

Ход урока

I. Вступительное слово учителя.

Иоганн Вольфганг Гете сказал: «Каждый слышит только то, что понимает». Я хочу, чтобы сегодня вы услышали и поняли великого поэта и необычного человека Михаила Юрьевича Лермонтова. Человека сложной судьбы, который прожил недолгую жизнь, создавшего удивительно искренние, честные в своей откровенности произведения.

II. Актуализация полученных знаний по биографии и творчеству Лермонтова.

Организуется работа с хронологической таблицей, кратко, тезисно повторяются сведения о жизни поэта, учащиеся подводятся к выводу о том, что судьба оказывала влияние на формирование внутреннего мира поэта, на его мировосприятие и мировоззрение. Дается ассоциативно-иллюстративный ряд, который помогает понять неординарность творческой личности М. Ю. Лермонтова. Проводится наблюдение над «поэтическим портретом» и сопоставление с его внешностью с целью раскрыть психологический «портрет» поэта. Далее на этапе углубления и расширения полученных знаний это поможет лучше понять, почему Лермонтов говорит: «Нет, я не Байрон...»

1. Работа с хронологической таблицей.

Сопоставление, сравнение по методу ТАВ (тезис – аргумент – вывод).

– *Что значит в хронологии биографических сведений дата...?* (ТАВ: дата как тезис, сведения как аргумент, вывод – внутренний мир, мировосприятие и мировоззрение.)

Дата	События
1814	В Москве в ночь с 14 на 15 октября родился Михаил Юрьевич Лермонтов – один из гениальнейших поэтов России, которого еще при жизни будут называть вторым после Пушкина поэтом России и подражателем Дж. Байрона. <i>Что мы знаем о Дж. Байроне?</i>
1817	24 февраля на 22 году жизни от чахотки скончалась мать поэта Мария Михайловна (урожденная Арсеньева). 5 марта того же года Юрий Петрович (отец Михаила) в связи с натянутыми отношениями с родственниками жены на долгое время покидает имение Арсеньевых в Тарханах, оставляя своего малолетнего сына на воспитание бабушке. В этом имении окруженный ее заботой, теплом и любовью Михаил Лермонтов проживет до 10 летнего возраста. <i>Почему на воспитание бабушке?</i>
1820	Елизавета Алексеевна (бабушка М. Ю. Лермонтова) в связи со слабым здоровьем внука отправилась вместе с ним на Кавказ, для лечения минеральными водами. Данная поездка стала для поэта во всех смыслах знаковой. Горы Кавказа навсегда завладели сердцем и душой юного Михаила. <i>Сколько раз М. Ю. Лермонтов был на Кавказе?</i>
1827	Лето. М. Ю. Лермонтов со своей бабушкой из родового имения в Тарханах переезжают на постоянное жительство в Москву. <i>Кто принял решение и почему?</i>
1828	Осень. Благодаря стараниям и хлопотам Елизаветы Алексеевны, Михаила зачисляют в четвертый класс благородного пансиона при Московском университете. В этот же год Лермонтов пишет несколько своих юношеских стихотворений и поэм. <i>Как отнеслась бабушка к литературным начинаниям внука?</i>
1830	В сентябре Михаил Юрьевич поступает на нравственное отделение университета, а затем переходит на отделение словесности. <i>Каковы его отношения с преподавателями?</i>
1832	Поступает в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. <i>Почему в школу юнкеров?</i>
1837	Январь. После того, как Лермонтов узнал о гибели Пушкина, были написаны первые строки самого знаменитого его стихотворения – «Смерть поэта». <i>Какова роль этого стихотворения в судьбе Лермонтова?</i>
1841	15 июля. В седьмом часу вечера, у подножия горы Машук, что находится в нескольких километрах от Пятигорска, состоялась дуэль Михаила Юрьевича Лермонтова с Николаем Мартыновым.

2. Анализ ассоциативно-иллюстративного ряда (рисунков).

Цель – дополнение к пониманию внутреннего мира поэта (ТАВ: тезис – скрипка, рояль, флейта; аргумент – музыкальные инструменты, на которых играл М. Лермонтов; мольберт – свидетельство его таланта живописца; книги – прозаик и поэт).

Вывод: Лермонтов – неординарная, разносторонне одаренная личность, воспринимающая окружающую действительность более тонко и т. д. Глубоко чувствующий и понимающий – глубоко ранимый и страдающий.

3. Наблюдение над «поэтическим портретом» Лермонтова.

Ничто не может более полно дополнить образ поэта, чем его произведения. Нужно вспомнить и продолжить строку из изученных стихотворений, так мы увидим «поэтический портрет» М. Ю. Лермонтова (цель – понять мотив произведения).

1. «Ночевала тучка золотая...» 2. «На севере диком стоит одиноко...» 3. «Белеет парус одинокой...» 4. «Тучки небесные, вечные странники...» 5. «В песчаных степях аравийской земли...» 6. «Однажды русский генерал...»

– *Каковы мотивы этих произведений?*

4. Сопоставление «поэтического портрета» с внешностью поэта.

Используется портрет Лермонтова работы неизвестного художника.

– *Отражены ли одиночество, задумчивость, душевные страдания в чертах лица М. Ю. Лермонтова?*

III. Работа по теме урока

1. Углубление и расширение знаний о жизни и творчестве М. Ю. Лермонтова.

Учитель. Друг М. Ю. Лермонтова Аким Шан-Гирей вспоминал: «Лермонтов был характера скорее веселого, любил общество, особенно женское, в котором почти вырос и которому нравился живостию своего остроумия и склонностью к эпиграмме, часто посещал театры, балы, маскарады, в жизни не знал никаких лишений, ни неудач; бабушка в нем души не чаяла и никогда ему ни в чем не отказывала; родные и короткие знакомые носили его, так сказать, на руках, особенно чувствительных утрат он не терпел. Откуда же такая мрачность, такая безнадежность?» Ответом могут стать слова Джорджа Ноэла Гордона Байрона: «Кто больше знает, тот больше страдает...» Первые переводы Байрона в России появились в 1815 г., и он сразу стал властителем душ лучших умов России, но ни для кого из поэтов он не стал тем, кем был для Лермонтова. Он напишет: «У нас одна душа, одни и те же муки...»

2. Работа в «портретной галерее». Наблюдение и сопоставление судеб и творчества М. Лермонтова и Дж. Байрона.

Учитель. Я приглашаю вас в галерею, где только два портрета. (*Демонстрируются портреты М. Ю. Лермонтова и Дж. Байрона.*)

– *Что можете сказать о них?*

– Действительно, в судьбах, сформировавших души этих людей, много общего... «одни и те же муки»... *Что общего в их биографиях? Отцы? Матери? (Демонстрация портретов родителей Дж. Байрона и М. Ю. Лермонтова.)* Натуры отцов того и другого, по-видимому, были схожи. Оба жили вдали от сыновей, а когда приезжали, то дети бывали свидетелями страшных скандалов между ними и воспитывавшими их матерью и бабушкой. Мать Байрона любила сына, но из-за своего экспрессивного ха-

рактера то баловала его не в меру, то устраивала сцены. Безумно фанатичной была любовь бабушки, воспитывавшей Лермонтова, заменившей ему рано умершую мать. Но все же Лермонтову всегда не хватало любви отца и матери. Вот строки из стихотворения Дж. Байрона: «О детства картины! С любовью и мукой / Вас вижу, и с нынешним горько сравнить / Былое!..»

И у М. Ю. Лермонтова пронзительное в звучании: «Ужасная судьба отца и сына / Жить розно и в разлуке умереть...»

Далее заслушиваются сообщения учащихся (индивидуальное домашнее задание).

Выразительное чтение наизусть стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ужасная судьба отца и сына...».

Сообщение к портрету Дж. Байрона.

Сходство есть во внешней обстановке, в нравственных свойствах, физических недостатках и в том, как недостатки эти действовали на формирование характеров. Рассказывают, что Байрон в детстве страдал от того, что одна его нога, поврежденная при рождении, была искалечена и его называли «уродом». Он мучился, что не мог, как ему казалось, из-за этого недостатка нравиться женщинам. Пятнадцатилетним юношей он влюбился в семнадцатилетнюю Мери Ховарт. Когда она кружилась в вихре бала в объятиях других, он только со стороны мог наблюдать за ней. Ударом стала для него случайно услышанная фраза, которую обожаемая им девушка сказала своей горничной: «Не полагаешь ли ты, что я могу интересоваться хрымой мальчишкой?» В молодости намеки на его физический недостаток порою доводили его до бешенства, хотя иногда он сам отзывался о нем с юмором и сарказмом.

Сообщение к портрету М. Ю. Лермонтова.

«Он был дурен собой, – говорит о нашем молодом поэте М. Лермонтове графиня Ростопчина, – эта некрасивость... порешила образ мыслей молодого человека с пылким умом и неограниченным честолюбием». Он был сутуловат и кривоног вследствие болезни в детстве, а потом, разбитый лошадью, всю жизнь слегка прихрамывал. Он сердился, когда указывали ему на его физические недостатки, но подчас и сам над ними смеялся и рисовал на себя карикатуры или выставлял самого себя в произведениях с именем, данным ему товарищами в насмешку. В юношеской повести он воспроизводит себя в образе Вадима-горбача и описывает жестокие страдания из-за того, что его, уroda, не любит обожаемая им девушка. Физический недостаток молодой человек пытался восполнить ловкостью и совершенствовал себя во всевозможных телесных упражнениях так же, как и Байрон, искавший славы хорошего ездока, бойца, пловца и т. д.

Сообщение к двум «портретам».

Оба поэта не выносили несправедливого обращения со слабыми. Байрон заступался за обиженных, брал их под свое покровительство. Лермонтов в детстве напускался на бабушку, когда она бранила крепостных, он выходил из себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавших приказ с палкой, с ножом – что под руку попадало. Оба они не в меру рано созрели. Рано сказались в них субъективная сила и индивидуальное развитие, сделавшие их одиночками. Чем более чувствовал каждый из них себя одиноким, тем более прибегал он к бумаге, поверяя ей все движения души.

И Дж. Байрон, и М. Ю. Лермонтов, – обобщает учитель, – люди сложной судьбы. Безмерно талантливые, но не понятые обществом. Тема одиноче-

ства – одна из центральных тем в их творчестве. Они оба говорят о том, что поэт – избранник судьбы. Это и дар и тяжкое бремя. Они многое понимают как избранники, видят то, что многие не замечают. У них, у избранников, свое предназначение – изменить мир к лучшему. М. Ю. Лермонтов не просто разделял взгляды Дж. Байрона, он был восхищен его творчеством. И действительно, в ранней лирике он подражал великому Байрону, говоря, что подражать кумиру, великому поэту, известному во всем мире – это не постыдно. Но, как и любой поэт, Лермонтов стремился к индивидуальности. И уже в 18 лет (казалось бы, разве можно сформировать свои принципы жизни и творчества к столь юному возрасту?!) пишет стихотворение «Нет, я не Байрон...». (*Звучит видеозапись.*)

3. Анализ стихотворения «Нет, я не Байрон...».

В тексте стихотворения, который проецируется на экран, выделены разными цветами слова и сочетания слов (их перечень дается в комментариях после произведения). Если он предъявляется учащимся в черно-белом варианте, «раскрашивание» можно заменить различными видами подчеркивания, выделения курсивом и т. п. Цель работы – понять связь «цветового единства» с идейно-художественным анализом; самостоятельно осознать логичность выбора и научиться, наблюдая, делать выводы. Цвет (или выделение) как вариант «подсказки» учащимся.

– Чем обусловлено данное «раскрашивание» стихотворения? Подчеркивание?

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.
Я раньше начал, кончу ране,
Мой ум немного совершит;
В моей душе, как в океане,
Надежд разбитых груз лежит.
Кто может, океан угрюмый,
Твои изведать тайны? кто
Толпе мои расскажет думы?
Я – или бог – или никто!

«**Нет, я не Байрон, я другой**» – антитеза, я – как личность, со своим внутренним миром.

«**Нет, я не Байрон**» – тоже поэт, но не настолько романтик, насколько им был Байрон. М. Лермонтов живет в другой стране, романтизм английского поэта для него привлекателен, но «поэт в России – больше чем поэт».

«**Я другой**» – он пишет своему другу Марии Александровне Лопухиной: «Моя будущность, блистательная на вид, в сущности, пошла и пуста. Должен Вам признаться, с каждым днем я все больше убеждаюсь, что из меня никогда ничего не выйдет, со всеми моими прекрасными мечтаниями и ложными шагами на жизненном пути: мне или не представляется случая или недостает смелости. Мне говорят: случай когда-нибудь выйдет, а опыт и время придадут вам смелости! А кто порукою, что, когда это все будет, я сберегу в себе хоть частицу той пламенной молодой души, которую Бог наградил меня весьма некстати, что моя воля не истощится от выжидания, что, на-

конец, я не разочаруюсь окончательно во всем том, что служит в жизни двигающим стимулом?» Он – другой, он не уедет из своей страны, спасая свободу других, он будет здесь бороться за свободу своей страны.

«Еще» – неизвестный «еще», но верит, что его голос, как поэта, зазвучит вскоре.

«Неведомый», «гонимый миром» – эпитеты, неизвестный, не признанный «миром», т. е. людьми.

«Избранник», «странник» – избран Богом, и его предназначение быть странником в поисках истин. Возможен и такой подтекст: кто-то увидит здесь странника, гонимого всем миром, – образ Иисуса Христа – гонимого всеми избранника. Мы уже неоднократно встречали трактовку образа поэта как образа Божьего избранника, обреченного творчеством на такие же муки, какие испытал Иисус Христос.

«Но» – но человек русский, отсюда «с русской душой».

«Я раньше начал, кончу ране» – слова звучат как пророчество собственной судьбы, проникнуты трагизмом, предзнаменованием своей судьбы, фатализмом.

«Мой ум немного совершит» – и многое возможно будет совершено, М. Лермонтов обещает совершить больше в дальнейшем, а пока ему только 18 лет, его лирический герой молод, образован, талантлив, это патриот «с русской душой». Здесь «ум» – творчество. Но все же в этой строке также звучит и пророчество ранней смерти.

«В моей душе, как в океане, надежд разбитых груз» – сравнение, метафора; поэт говорит о том, что его душа подобна океану, что самое сокровенное на дне «океан» «тайны», и эти тайны – «думы», может быть потому, что они аполитичны «думам» самодержавия; но этот океан-душа уже полна разбившихся надежд. Эти слова подтверждают ранние разочарования М. Лермонтова. К теме «дум» о поколении поэт возвратится в 1838 г.

«Кто», «кто» – риторические вопросы, задаваемые лирическим героем самому себе, обращение к своему внутреннему «Я», к своим надеждам.

«Миром», «толпе» – оба слова используются поэтом для обозначения народа, читателей, общества, окружающих, но «мир» как народ несет позитивную стилистическую окраску, а «толпа» – отрицательную. Толпа-народ, который не понимает «думы» лирического героя. Здесь же и стилистическое противопоставление «изведать» (значения из словаря: узнавать на собственном опыте; ощущать, переживать (какое-либо душевное состояние); познавать, постигать) и «расскажет» – изложение каких-либо событий; здесь нет той значительности, как в слове «изведать», т. е. познать сокровенное поэта и открыть эту тайну, эти думы обращены к людям, чтобы они увидели истину. Интонационное нагнетание идейного замысла передано М. Лермонтовым через риторические вопросы. Кто отвечает на них? Раз риторические вопросы, то, естественно, сам лирический герой.

«Я – или бог – или никто!» – эмоциональность подтверждена восклицательным знаком, три объекта выделяет поэт: «я» – «бог» – «никто» – приравнивает себя к богу? Нет, поэт говорит о том, что его «думы» должен донести народу только он сам, но это может сделать Бог, потому как его мысли и чувства ведомы только Богу. Ему он открыл свое сокровенное, а если ни он и не Бог, то никто. Здесь важно значение союза *или*. Значения «или» различны. Первое: союз *или* – разделительный, т. е. его функция разделить понятия «я – или бог – или никто!», тире в данном случае выделяет фразу, подчеркивает ее, делает вставным оборотом. Если убрать ее из текста, то получится «я или никто!», т. е. фраза «или бог» подчеркивает, что только Богу дано знать истинные мысли всех людей, только он видит всю правду. Второе: правду могут сказать «я или бог», и в подтексте: если мне или Богу не суждено сказать правду, донести людям истину, то тогда это не сделает «никто», что подтверждено восклицанием. От выбранного варианта зависит выразительность прочтения.

Затем учащиеся выразительно читают стихотворение.

- Выводы по анализу стихотворения.

<p><i>В чем лирический герой видит свое сходство с Байроном и чем от него отличается?</i></p>	<p>Он, как и Байрон, – «избранник» и «гонимый миром странник», но он «другой», он «с русскою душой», он «раньше начал» свой путь и уверен, что «кончит ране», то есть предсказывает свою короткую жизнь.</p>
<p><i>Докажите, что поэзия, по Лермонтову, должна быть поэзией мысли.</i></p>	<p>Предрекая свою раннюю гибель, когда его ум «немного совершит», поэт подчеркивает, что совершит именно ум, а не чувства. В душе груз «надежд разбитых», поэтому в ней нельзя найти спасение. Оно в размышлениях, «думах», о которых толпа может никогда не узнать, так как их не расскажет ни сам поэт, ни даже Бог – «никто»!</p>
<p><i>Какие образы автор считает созвучными человеческому существованию?</i></p>	<p>Образ мирового океана сродни человеческой душе, полной дум и чувств, которые так же трудно разгадать, как и постичь тайны океана.</p>
<p><i>Как в стихотворении отразились черты поэтики романтизма и чем оно все-таки отличается от лирики романтиков?</i></p>	<p>В творчестве Лермонтова — байронический герой, испытывающий «одной лишь думы власть, одну, но пламенную страсть». Он с болью осознает неосуществимость своих надежд, и отсюда проистекает его разрыв со всем человечеством, его индивидуализм, утверждающийся как форма протеста против чуждого ему мира.</p>

Делаются записи в тетрадах в форме ответов на вопросы.

– К какому роду литературы относится стихотворение? (Лирика.)

– Определите вид лирики. (Философская лирика.)

● Устный литературный диктант «Скажите свое слово!».

Учащиеся вставляют в текст, который читает учитель, подходящие по содержанию слова.

М. Лермонтов переосмысливает ... (традиционный) образ лирического героя, подвергая критике его ... (оторванность) от людей, подчеркнутой индивидуализм. Одиночество у Лермонтова становится не столько преимуществом, сколько ... (проклятием), от которого его романтический герой пытается ... (избавиться).

Правда, все это наиболее отчетливо проявляется в последний период творчества Лермонтова, но характерно уже то, что в 18. г. он, не ... (отвергая) своего внутренне-го... (родства) с английским ... (поэтом), провозгласил:

Нет, я не ... (Байрон), я другой,
 Еще ... (неведомый) избранник,
 Как он, гонимый в мире ... (странник),
 Но только с ... (русскою) душой...

4. Анализ стихотворения «Дума».

У ч и т е л ь. Одаренная личность воспринимает и чувствует окружающее глубже и тоньше других, переживания ее остры до болезненности. Поэту свойственны нетерпимость ко лжи, несправедливости; взыскательность, стремление к совершенству, в отношениях с людьми он требователен до жестокости, что часто приводит к конфликту между ним и обществом. Естественный удел поэта – постоянная борьба и одиночество. Лермонтов – достойный преемник Байрона. Но Лермонтов принад-

лежал к другому поколению. Он вырос и определился как человек в годы, наступившие после восстания декабристов, надежды на отмену крепостного права не сбылись. Лучшие люди России оказались в ссылке. Пришло время разочарования и неверия. Он видит, что его поколение деградирует, нет истинных патриотов, готовых бороться за процветание родины. Это рождает горькие мысли, которые вылились в 1838 году в стихотворение.

● Выразительное чтение стихотворения «Дума» и просмотр видеосюжета из фильма «Лермонтов». (Реж. Н. Бурляев. В роли М. Ю. Лермонтова – Н. Бурляев. Киностудия «Мосфильм», 1986 г.)

Вопросы к видеосюжету:

- *Каким мы видим лирического героя данного стихотворения?*
- *Как изменилось его мировосприятие и мировоззрение?*
- *Есть ли в этом произведении мотив одиночества?*

● Анализ ассоциативно-иллюстративного ряда к пониманию идейного замысла стихотворения «Дума» – рисунки М. Ю. Лермонтова. (Дуэль. Рисунок пером, 1832–1834 гг.; Гулянье в саду. Рисунок карандашом, 1832–1834 гг.; рисунки карандашом на страницах стихотворения «Дума»; карикатуры на офицеров.)

- *Какова идея создания стихотворения «Дума»?*

IV. Подведение итогов урока.

– Итак, мы стремились понять мировосприятие и мировоззрение М. Ю. Лермонтова, человека сложной судьбы и поэта «мудрого не по летам». Объясните лексическое значение слов *мировосприятие* и *мировоззрение*.

Мировосприятие – то или иное восприятие мира, действительности. (*Толковый словарь С. И. Ожегова*) **Мировоззрение** – система взглядов на мир и место человека, общества и человечества в нем, на отношение человека к миру и самому себе, а также соответствующие этим взглядам основные жизненные позиции людей, их идеалы, принципы деятельности, ценностные ориентации. (*Философский словарь*)

– *Какие из биографических сведений повлияли на мировосприятие М. Ю. Лермонтова?* (Смерть матери, разлука с отцом, непонимание со стороны светского общества, одиночество...)

– В 1840 г. в «Отечественных записках» в своей первой рецензии В. Г. Белинский заявил, что «талант Лермонтова поражает невольно удивлением всякого, у кого есть эстетический вкус». *Какие виды искусства повлияли на талант М. Лермонтова, формирующий эстетический вкус?* (Музыка, живопись, литература.)

– Далее В. Г. Белинский добавил, что «уже первые опыты Лермонтова пророчат в будущем нечто колоссально великое», отметив «юный могучий талант Лермонтова». *В каком литературном направлении проявился этот «юный могучий талант»?* (Романтизм.)

– *Кто из великих поэтов-романтиков стал образцом для подражания для М. Ю. Лермонтова?* (Джордж Гордон Ноэл Байрон.)

– *Каков лирический герой Дж. Байрона?* (Внутренняя свобода лирического героя – характерная черта всего творчества Дж. Байрона.)

– *Каков лирический герой М. Ю. Лермонтова?* (Лермонтов – романтик, и его герой – романтик, одинокий человек, живущий в конфликте с окружающим его миром, с легко ранимой душой и высокими устремлениями, которые непонятны и недоступны обществу. Неприятие общества и противопоставленность лирического героя толпе лежит в основе творчества Лермонтова.)

– *Почему первой строкой стихотворения, написанного М. Лермонтовым в 18 лет, стало отрицание «Нет, я не Байрон, я другой...»?* (М. Лермонтов переосмысливает традиционный образ лирического героя, подвергая критике его оторванность от людей, подчеркнутый индивидуализм. Одиночество у Лермонтова становится не столько преимуществом, сколько проклятием, от которого его романтический герой пытается избавиться. М. Лермонтов, не отвергая своего внутреннего родства с английским поэтом, провозгласил: «Нет, я не Байрон, я другой...»)

– А. А. Григорьев пишет: «Лермонтов занимает видное место в истории нашего душевного брожения как истинный поэт скорби своего поколения». *Почему литературный критик назвал М. Ю. Лермонтова «поэтом скорби своего поколения»? Какое произведение является этому подтверждением?* (Пришло время разочарования и неверия. Он видит, что его поколение деградирует, нет истинных патриотов, готовых бороться за процветание родины.)

– Мы увидели процесс становления личности в стихотворениях «Нет, я не Байрон...» (автору 18 лет) и «Дума» (24 года). *Что можно сказать о взрослении М. Лермонтова как человека и как автора?* (Стихотворения становятся более трагичны по своему содержанию, Лермонтов – дитя эпохи разочарования, пессимизма, реакции, наступившей в стране после подавления восстания декабристов. Звучит бесстрашный самоанализ и доходящее до самых глубинных противоречий самопознание. И в то же время «Дума» не оставляет безотрадного чувства при всей беспощадности сделанных в ней выводов. Осознание человеком своей слабости, умение посмотреть на себя критически, понять свои недостатки является залогом грядущего освобождения от них.)

– В. Афанасьев в своей книге «Лермонтов», которая вышла в 1991 г., писал: «Лермонтов в своей жизни делал акцент на то, что поэт одинок в толпе, слишком непонятен ей и, как правило, имеет трагическую судьбу». *Трагична ли судьба М. Ю. Лермонтова?*

V. Домашнее задание: для всех – ознакомиться с содержанием и подготовиться к выразительному чтению стихотворений «Пророк», «Как часто пестрою толпою окружен...», «Выхожу один я на дорогу...», «Родина»; для отдельных учащихся – произвести частичный анализ «вслед за автором» вышеуказанных поэтических произведений.

«ДУША САМА СОБОЮ СТЕСНЕНА, ЖИЗНЬ НЕНАВИСТНА, НО И СМЕРТЬ СТРАШНА...»

*Литературно-музыкальная композиция, посвященная жизни
и творчеству М. Ю. Лермонтова*

Е. М. СТАДНИК, учитель-методист гимназии № 172 г. Харькова

Цели мероприятия: познакомить учащихся с жизнью и творчеством М. Ю. Лермонтова; показать, под влиянием каких обстоятельств происходило формирование личности поэта, его мировоззрения; раскрыть основные мотивы творчества: пафос вольности и протеста, любовь к родине, чувство тоски и одиночества; развивать эстетические потребности, навыки выразительного чтения, творческие способности; воспитывать интерес к творчеству Лермонтова, желание проникнуть в душу поэта, способность к сопереживанию.

На фоне музыки Альбини («Адажио») декламируется стихотворение М. Ю. Лермонтова «По небу полуночи ангел летел...».

Л е р м о н т о в. Когда я был трех лет, мать мне пела песню, от которой я плакал: ее не могу сейчас вспомнить, но уверен, что если б услышал, она бы произвела прежнее действие.

1 - й в е д у щ и й. Звук остался, он породил слова, и эти слова и есть поэзия Лермонтова. В ней неверие, обида и ирония ведут поединок с желанием постигнуть счастье на земле.

2 - й в е д у щ и й. Михаил Юрьевич Лермонтов родился в Москве в ночь со 2 на 3 октября (старого стиля). Вскоре его перевезли в усадьбу бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой – село Тарханы Пензенской губернии. Не дожив до 22 лет и оставив трехлетнего сына, умерла его мать. А спустя положенные по христианскому обычаю девять дней после ее смерти, Юрий Петрович Лермонтов вынужден был покинуть Тарханы. Взять с собой сына Елизавета Алексеевна ему не позволила. В завещании бабушка сделала внука наследником своего состояния, но с тем условием, что до полного совершеннолетия он будет воспитываться только ею. Отец вынужден был уступить.

1 - й в е д у щ и й. Шли годы. Мишель болезненно переживал разлуку с отцом. Юрий Петрович изредка приезжал в Тарханы, чтобы повидаться с сыном, но изменить ничего не мог. В день, когда будущему поэту исполнилось 17 лет, он получил известие о скоростижной смерти отца.

Вызванные смертью отца мысли и настроения поэт выскажет в стихах: «Ужасная судьба отца и сына / Жить розно и в разлуке умереть».

2 - й в е д у щ и й. Так развязался первый акт драмы. (*Звучит «Сентиментальный вальс» П. И. Чайковского.*)

1 - й в е д у щ и й. «В ней было все, что увлекает душу, волнует мысли и мешает сну...» Анна Григорьевна Столыпина, Annette, Адель, Анюта, младшая дочь сестры бабушки Лермонтова, была его юношеской любовью.

Л е р м о н т о в. Мне 15 лет. Однажды (три года назад) я украл у одной девушки, которой было 17 лет, и потому безнадежно любимой мною, бисерный синий шнурок, он и теперь у меня хранится... Как я был глуп! Дальше в тетради я написал стихотворение «Дереву» – о смерти дерева и о разрыве поэта и его возлюбленной, а еще через страницу – «Мое завещание» (про дерево, где я сидел с А. С.). Схороните меня под этим сухим деревом, чтобы два образа смерти предстояли глазам вашим. Я любил и слышал волшебное – «люблю», которое потрясло каждую жилку моего сердца. В то время это дерево, еще цветущее, при свежем ветре покачало головой и шепотом молвило: «Безумец, что ты делаешь?»

Ч т е ц

Но ты забыла, друг! Когда порой ночной
Мы на балконе там сидели. Как немой,
Смотрел я на тебя с обычною печалью.
Не помнишь ты тот миг, как я, под длинной шалью
Сокрывши голову, на грудь твою склонял –
И был ответом вздох, твою я руку жал –
И был ответом взгляд и страстный и стыдливый!
И месяц был один свидетель молчаливый
Последних и невинных радостей моих!..

1 - й в е д у щ и й. В 1827 году Лермонтов становится москвичом, успешно выдержав экзамены в Благородный пансион при столичном университете. Переезд в древнюю столицу принес много новых сильных впечатлений, в том числе первые столкновения с миром зла и несправедливости.

2 - й в е д у щ и й. 11 марта 1830 года Благородный пансион неожиданно посетил император. Он был один, без свиты. Во время перемены ученики с криком устремились из классных комнат в широкий коридор, превратив его в арену для гимнастических упражнений. На царя никто не обращал внимания. Вдруг один из воспитанников, узнав его, стал истошно приветствовать. Все сочли это выходкой, фамильярностью. Николай I был взбешен. Через две недели прибыло высочайшее распоряжение: пансион преобразовать в гимназию. Это было первым столкновением поэта с царем. И первым крушением. После преобразования пансиона в гимназию многие поспешили забрать оттуда своих детей. Лермонтов, бывший уже в старшем отделении высшего класса, подал прошение об увольнении и за полгода до окончания учебы был уволен. В сентябре 1830 года ученый совет «подверг проверке знания Михайлы Лермонтова» и, найдя их достаточными, допустил до слушания университетских лекций.

1 - й в е д у щ и й. Он садился постоянно на одном и том же месте, отдельно от других, в углу аудитории, у окна, облокотившись, по обыкновению, на один локоть и, углубясь в чтение принесенной книги, не слушал лекции.

Но на экзамене по риторике, продемонстрировав начитанность сверх программы, Лермонтов неожиданно вступил в пререкание с экзаменатором,

недовольным его пренебрежительным отношением к основному лекционному материалу. И после объяснения с администрацией в списке студентов против фамилии Лермонтов появилась угрожающая запись: «Посоветовано уйти»!

Л е р м о н т о в. «Как страшно жизни сей оковы / Нам в одиночестве влачить. / Делить веселье все готовы: / Никто не хочет грусть делить».

2 - й в е д у щ и й. И вот новый поворот в судьбе поэта! Лермонтов уезжает в Петербург. (*Звучит «Сентиментальный вальс» П. И. Чайковского.*)

1 - й в е д у щ и й. По приезде выяснилось, что Михаил Лермонтов не сможет учиться в Петербургском университете, так как устав университета «дозволял перевод не иначе как с условием, чтобы проситель начал сзнова», то есть выдержал вступительные экзамены! Лермонтов поступил в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Что значило учиться в школе подпрапорщиков? Прежде всего, надо было полностью изменить уклад жизни.

2 - й в е д у щ и й. Как можно глубже спрятать свои «ученые наклонности».

1 - й в е д у щ и й. Как можно лучше подогнать к своей невоенной внешности мундир и постараться стать настоящим гусаром, беспшашным, пьющим, свято чтящим традиции своего полка, вплоть до самых нелепых и глупых.

2 - й в е д у щ и й. Итак, подчиняясь выбору, Лермонтов сумел переломить себя.

1 - й в е д у щ и й. Из воспоминаний поэтессы Евдокии Ростопчиной: «Его жизнь и вкусы приняли другой характер, насмешливый, едкий, ловкий. Проказы, шалости, шутки всякого рода сделались его любимым занятием. Вместе с тем... он сделался душою общества молодых людей высшего круга, он был запевалой в беседах, удовольствиях, кутежах».

2 - й в е д у щ и й. Но были не только «шалости» и «шутки». Были и стихи. Стихи, от которых он не смог отказаться. Только писать их надо было тайком. Писать и прятать. (*Звучит шотландская мелодия. Декламируется стихотворение «Желание»: «Зачем я не птица, не ворон степной...».*)

1 - й в е д у щ и й. Жизнь Лермонтова – искание подвига. В юности этот подвиг мерещился ему на манер подвига Байрона. «И Байрона достигнуть я б хотел, – пишет он в 1830 году. – У нас одна душа, одни и те же муки. О если б одинаков был удел!» Но теперь он делает поправку.

Л е р м о н т о в. «Нет, я не Байрон, я другой, / Еще неведомый избранник, / Как он, гонимый миром странник, / Но только с русской душой».

2 - й в е д у щ и й. В школе гвардейских подпрапорщиков Лермонтов проведет два года и назовет их «страшными». За то, что внешне придется стать таким, как все. За то, что придется надеть на себя маску легкомысленного и немного циничного горбуна Маешки. И еще за многое. (*Декламируется стихотворение «В дверях эдема ангел нежный...». Звучит «Сентиментальный вальс» П. И. Чайковского.*)

1 - й в е д у щ и й. Единственной отрадой во всех его превращениях будут стихи и воспоминания о своей любви к Варваре Лопухиной.

2 - й в е д у щ и й. Они познакомились весной 1831 года, осенью того же года они расстались. Лермонтов уезжал в Петербург. Словно предчувствуя, что они расстаются навсегда, что в будущем судьба подарит им всего лишь несколько коротких встреч, Варенька тяжело переживала предстоящую разлуку. Она призналась Лермонтову в любви, обещала ждать его возвращения. (*Звучит 1-й куплет и припев романса «Отцвели уж давно хризантемы в саду...».*)

Чувством любви было переполнено и сердце поэта. А в эти трудные дни образ Вареньки Лопухиной возникал перед ним в стихах. (*Декламируются стихотворения «К*» («Мы случайно сведены судьбою...»), «Она не гордой красотою...», «Послушай, быть может, когда мы покинем...».*)

1 - й в е д у щ и й. И вдруг, как гром среди ясного неба: Варенька Лопухина выходит замуж. Тяжело перенес Лермонтов это известие. В Москву полетело злое, полное язвительных намеков письмо.

2 - й в е д у щ и й. За оскорбительными словами стояла боль, помноженная на обиду. Пером поэта руководил не здравый смысл, а чувство невосполнимой утраты. (*Декламируются стихотворения «К*»: «Оставь напрасные заботы...».*)

1 - й в е д у щ и й. Что же все-таки произошло? Почему «милая, умная, как день, пылкая, восторженная, поэтическая» Варенька приняла предложение немолодого, во всех отношениях «бесцветного» господина Бахметева? Предала? Разлюбила? Настояли родители?

2 - й в е д у щ и й. Выходя замуж за Бахметева, она сразу всех освобождала: Лермонтова – от каких бы то ни было обязательств, родных – от дальнейших забот о ее судьбе, себя – от мучительных надежд на новую встречу и новое чувство. Она выходила замуж так, как уходят в монастырь. Чтобы не нарушить полудетской клятвы, чтобы остаться верной той романтической любви. (*Звучит 2-й куплет и припев романса «Отцвели уж давно хризантемы в саду...».*)

1 - й в е д у щ и й. Пройдут еще не один день и не один месяц, прежде чем Лермонтов сделает шаг к примирению. Весной 1838 года он напишет письмо Марии Лопухиной и вложит в него стихи. Они будут обращены к ее младшей сестре. В них прозвучит страстная мольба о прощении и признании в вечной любви. За этими стихами последуют и другие... (*Декламируются отрывок из стихотворения «Валерик» (от слов «Я к вам пишу случайно, право...» до слов «...забыл я шум молодых проказ, любовь, поэзию, – но вас забыть мне было невозможно»); стихотворения «Молитва» («Я, мать божия, ныне с молитвою...»), «Они любили друг друга так долго и нежно...».*)

2 - й в е д у щ и й. Варвара Лопухина-Бахметева пережила Лермонтова на 10 лет и умерла в 1851 году 36 лет от роду. (*Звучит припев романса «Отцвели уж давно хризантемы в саду...».*)

1 - й в е д у щ и й. Так развязалась еще одна драма. Неумолимо приближался январь 1837 года. (*Декламируется стихотворение «Так жизнь скучна, когда боренья нет...». Звучит хоральная прелюдия И. С. Баха.*)

Ч т е ц. «За Черной речкой в снеге талом / Раздался выстрел – и на снег / Со взором мутным и усталым / Упал усталый человек». (*Разыгрываются сценки.*)

Первая сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. Дантеса нужно повесить!
- 2 - й у ч а щ и й с я. Почему Дантес на свободе?
- 3 - й у ч а щ и й с я. Он же иностранец!
- 4 - й у ч а щ и й с я. Значит, иностранцам у нас потачка во всем!
- 5 - й у ч а щ и й с я. А неужто двор не может убийцу Пушкина арестовать?

Вторая сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. Говорят, Пушкин не велел к себе пускать жену.
- 2 - й у ч а щ и й с я. Понятно, – из-за нее весь сыр-бор загорелся!
- 3 - й у ч а щ и й с я. Она ни при чем! Тут, говорят, голландский посол Геккерен взял под защиту этого Дантеса...

Третья сценка

- Л е р м о н т о в. Я поеду, вызову его на поединок!
- Р а е в с к и й. Постой. Неужели ты полагаешь, что этот прощельга примет твой вызов? Он же трус! Спасаясь от первого вызова Пушкина, он посватался и женился на его свояченице.
- Л е р м о н т о в. Не примет – застрелю его на месте!
- Р а е в с к и й. Ах, Мишель!
- Л е р м о н т о в. Он убил, и его нужно убить.
- Р а е в с к и й. Да не он убил! Как ты, Мишель, всегда отличавшийся проникающим умом, не поймешь простой вещи?
- Л е р м о н т о в. Что же делать? Говори же! (*Трясет Раевского за плечи.*)
- Р а е в с к и й. Дуэль глубоко потрясла всех. О причинах толкуют разное. Да не трясги ты меня! Лучше сядем и спокойно потолкуем.
- Л е р м о н т о в. Обожди! Мне нужно собраться с мыслями – может быть, что-нибудь получится. Мы кое-что должны предпринять.
- Р а е в с к и й. Не буду мешать, уйду. (*Спускается в зал. Лермонтов шагает по комнате, подходит к столу, берет перья, бумагу и начинает писать.*)

2 - й в е д у щ и й (*на фоне музыки И. С. Баха*). Первые строки послушно легли на бумагу. Они шли из самого сердца и были полны глубокой и искренней скорби. Но когда речь зашла о Дантесе, Лермонтов стал искать наиболее сильные выражения, чтобы обрисовать отгалкивающий образ убийцы. Комкая бумагу, он бросал ее под стол, вскакивал с кресла, нервно кружил по комнате. Среди сотен гневных эпитетов, возникавших в голове, не сразу находились нужные. Горечь, досада, гнев мешали работе, туманили мысли. Стихи не могли выразить то ожесточение и негодование, которые бушевали в груди.

Л е р м о н т о в. «Погиб поэт! – невольник чести – пал, оклеветанный молвой...» (*Разыгрываются сценки.*)

Первая сценка

- Р а е в с к и й. Что делает Мишель?
- 1 - й у ч а щ и й с я. Он пишет.
 - 2 - й у ч а щ и й с я. Я полагаю, на похороны соберется весь Петербург. Толпа у дома Пушкина с каждым часом растет.
 - 3 - й у ч а щ и й с я. Император не предполагал, что смерть Пушкина взволнует все слои населения. Бенкендорф опасается, что похороны выльются в колоссальную манифестацию.
 - 4 - й у ч а щ и й с я. Я проходил мимо дома посла Геккерена, там дежурит отряд полиции! Свет оказывает внимание Дантесу.
 - 5 - й у ч а щ и й с я. Мой брат, ротмистр конного полка, назначен членом военного суда по делу дуэли.

6 - й у ч а щ и й с я. Это, скорее всего, будет не суд, а комедия. Дантеса, вероятно, просто вышлют за границу. (*Лермонтов спускается в зал со сцены, держа в руках несколько листов бумаги. Не поднимая головы, подходит к столу и негромким, но очень внятным голосом говорит: «Стихи на смерть поэта!» Выразительно читает первые восемь строк.*)

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жадной мести,
Поникнув гордой головой!
Не вынесла душа Поэта
Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

(Декларирование стихотворения продолжают учащиеся.)

Вторая сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. Воззвание к революции!
2 - й у ч а щ и й с я. Эти стихи были написаны сегодня ночью!
3 - й у ч а щ и й с я. Вы знаете автора этих стихов, призывающих к бунту?
4 - й у ч а щ и й с я. А как же? Это поручик лейб-гвардии Лермантофф.
5 - й у ч а щ и й с я. Куда смотрит государыня?

Третья сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. Эти стихи должна читать вся Россия! Я предлагаю стихи размножить.
2 - й у ч а щ и й с я. Давайте запишем их.

Четвертая сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. А что же этот поручик, автор возмутительных стихов? Что вы о нем знаете?
2 - й у ч а щ и й с я. В юнкерской школе Лермонтов был хорош со всеми товарищами, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами и насмешками за все ложное и неестественное, чего никак не мог переносить.
3 - й у ч а щ и й с я. Да он был вообще нелюбим в кругу своих знакомых в гвардии и в петербургских салонах!
4 - й у ч а щ и й с я. У него был тяжелый характер.
5 - й у ч а щ и й с я. Как удар молнии, сверкали глаза его. Трудно выдержать этот неприветливый, насквозь пронизывающий взгляд.

Пятая сценка

- 1 - й у ч а щ и й с я. Глаза эти умные, с черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто был симпатичен Лермонтову.
2 - й у ч а щ и й с я. Большие, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали в насмешливой улыбке, игравшей на красиво очерченных губах.
3 - й у ч а щ и й с я. Он был довольно силен, в особенности имел большую силу в руках, и любил состязаться в том с юнкером Карачинским, который известен был по всей школе как замечательный силач – он гнул шомпола и делал узлы, как из веревок.
4 - й у ч а щ и й с я. Что за человек! Экой умница, а стихи его – музыка, но тоскующая.
5 - й у ч а щ и й с я. Пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел, но с людьми простыми и искренними сам был прост и ласков.

6 - й у ч а щ и й с я. Славный малый – честная, прямая душа – не сносить ему головы. Какое-то черное предчувствие говорит мне, что он будет убит...

7 - й у ч а щ и й с я. «Смерть поэта» – это поступок Лермонтова и восход его на русском поэтическом небосклоне. Это, если хотите, его 14 декабря, на которое он вышел один, ибо с ним не было восставших полков. Подвиг Лермонтова означился защитой чести и имени Пушкина! (*Звучит музыка И. С. Баха.*)

1 - й в е д у щ и й. Заполучив подробные сведения о поэте, Бенкендорф отправился к царю. Прослушав стихи, Николай изменился в лице: ничего более дерзкого еще не приходилось слышать. Особенно ядовитой показалась ему последняя часть стихотворения. «Это прямой призыв к бунту! – сказал император и поднялся из-за стола во весь свой громадный рост. – Не успели с одним разделаться, как появился другой. И этот другой, кажется, доставит мне не меньше беспокойства. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

2 - й в е д у щ и й. В тот же день вечером начальник штаба гвардейского корпуса произвел обыск на квартире поэта, и Лермонтов был арестован.

1 - й в е д у щ и й. Высочайшее повеление: «Лейб-гвардии гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение... известных стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк». Тот самый, что стоял на Кавказе: царю не терпелось отправить «дерзкого» поэта под пули горцев.

2 - й в е д у щ и й. Лермонтов Святославу Раевскому: «Любезный друг Святослав. Ты не можешь вообразить, как меня обрадовал своим письмом... Что до меня касается, то я заказал обмундировку и скоро еду. Прощай, мой друг. Я буду к тебе писать про страну чудес – восток. Меня утешают слова Наполеона: „Знаменитости создаются на Востоке“».

1 - й в е д у щ и й. К счастью, первая ссылка продолжалась недолго. (*Декламируется стихотворение «Казбеку»: «Но есть еще одно желание!...».*)

2 - й в е д у щ и й. Одно за другим появляются новые стихотворения. Россия внимательно прислушивается к голосу своего певца. (*Декламируется стихотворения «Молитва», «Когда волнуется желтеющая нива...». Звучит «Сентиментальный вальс» П. И. Чайковского.*)

Л е р м о н т о в. «Мне прежде снился сон прекрасный, / Виденье дивной красоты... / Действительность, ты речью властной / Разогнала мои мечты...»

1 - й в е д у щ и й. Казалось, литературная слава поэта вот-вот достигнет своего зенита. Имя Лермонтова у всех на устах, его приглашают в аристократические салоны, он в центре всеобщего внимания. Внешне он доволен происходящим, но внутренне... Нет, он не был счастлив. (*Звучит музыка А. Хачатуряна – вальс из спектакля «Маскарад», в зале танцующие пары. Разыгрываются сценки.*)

Первая сценка

А р б е н и н. Князь, как, вы здесь? Ужель не в первый раз?

К н я з ь. Я то же самое хотел спросить у вас. (*Спускаются в зал.*)

А р б е н и н

Я ваш ответ предупрежу, пожалуй:
Я здесь давно знаком; и часто здесь, бывало,
Смотрел с волнением немым,
Как колесо вертелось счастья,
Один был вынесен, другой раздавлен им,
Я не завидовал, но и не знал участья:
Видал я много юношей, надежд
И чувства полных, счастливых невежд
В науке жизни... пламенных душою,
Которых прежде цель была одна любовь...
Они погибли быстро предо мною,
И вот мне суждено увидеть это вновь...
Напрасно я ищу повсюду развлеченья.
Пестреет и жужжит толпа передо мной...
Но сердце холодно, и спит воображенье:
Они все чужды мне, и я им всем чужой!..
Что, князь, не набрали еще на приключенье?

К н я з ь. Как быть, а целый час хожу!

А р б е н и н. А! Вы желаете, чтоб счастье вас ловило. Затея новая... пустить бы надо в свет.

К н я з ь. Все маски глухие...

Вторая сценка

1 - я д а м а. Кто этот хмурый гусар, что ни с кем не танцует?

2 - я д а м а. Это Лермонтов. Где ему танцевать! Должно быть, готовит на нас эпиграмму.

3 - я д а м а. Не тот уж свет. Ни ласки, ни улыбки. *(Уходят.)*

Третья сценка

В я з е м с к и й. Вы больны, Михаил Юрьевич? Или тоска?

Л е р м о н т о в. Да, пожалуй, тоска.

В я з е м с к и й. К чему же вас тянет?

Л е р м о н т о в. К дружеской беседе. К тому, чтобы побродить с вами по Летнему саду и поспорить о Фаусте. К стопке чистой бумаги...

О д о е в с к и й. Скажите, Михаил Юрьевич, а с кого вы списали Демона?

Л е р м о н т о в. С самого себя, князь, неужели не узнали?

О д о е в с к и й. Но вы не похожи на такого страшного протестанта и мрачного соблазнителя.

Л е р м о н т о в. Поверьте, князь, я еще хуже моего Демона. *(Декламирует.)*

И гордый Демон не отстанет,
Пока живу я, от меня,
И ум мой озарять не станет
Лучом чудесного огня;
Покажет образ совершенства
И вдруг отнимет навсегда
И, дав предчувствие блаженства,
Не даст мне счастья никогда.

Четвертая сценка

1 - я м а с к а. Мне ваш демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака.

2 - я м а с к а. Знаете ли, Лермонтов, я вашим Демоном увлекаюсь... Его клятвы обаятельны до восторга... Мне кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо...

Л е р м о н т о в. Я думал: «Жалкий человек! / Чего он хочет!.. Небо ясно, / Под небом места много всем, / Но беспрестанно и напрасно / Один враждует он – зачем?»

3 - я м а с к а. Поэма – слов нет, хороша, но сюжет ее не особенно приятен.

4 - я м а с к а. Были у нас итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель, теперь явился русский Демон, значит, нечистой силы прибыло.

5 - я м а с к а. Я только никак не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли – духа зла или же дух зла Лермонтова?

6 - я м а с к а. Неужели, Лермонтов, вы никогда не улыбаетесь не только в стихах, но и в жизни? *(Лермонтов выбирается из толпы масок. Декламируется стихотворение «Как часто, пестрою толпою окружен...». Лермонтов резко уходит на сцену.)*

2 - й в е д у щ и й. 16 февраля 1840 года на балу у графини Лаваль произошло столкновение Лермонтова с сыном французского посланника Эрнестом де Барантом, которому показалось, что стихотворение «Смерть поэта» оскорбляет достоинство французской нации.

Б а р а н т. До меня дошли слухи, что вы, господин Лермонтов, распространяете обо мне порочащие мою честь эпиграммы.

Л е р м о н т о в. Верить сплетням – удел неумных женщин. Я считаю даже излишним вступать с вами в объяснение по такому вздору. В конце концов, это становится скучным.

Б а р а н т. Вы поступаете неблагородно. Советую вам взять свои слова обратно.

Л е р м о н т о в. Я не нуждаюсь в ваших советах, сударь.

Б а р а н т. Если бы я был во Франции, я бы знал, как поступить с вами.

Л е р м о н т о в. В России правила чести соблюдаются так же строго, как и во Франции.

Б а р а н т. Однако вы пользуетесь тем, что находитесь в стране, где дуэли запрещены.

Л е р м о н т о в. Это ничего не значит, сударь. Я к вашим услугам. Сегодня же пришло к вам моего секунданта.

Б а р а н т. Но мы будем драться на шпагах.

Л е р м о н т о в. Как угодно. Пистолеты вернее и решительнее кончают дело. Я предпочел бы пистолеты, но выбор оружия принадлежит вам. *(Кланяются и расходятся.)*

1 - й в е д у щ и й. Дуэль с Барантом состоялась в воскресенье 18 февраля 1840 года на Парголовской дороге за Черной речкой. Сначала дрались на шпагах. Барант слегка оцарапал противника. Перешли на пистолеты. Барант стрелял первым и промахнулся. Лермонтов выстрелил в сторону. Противники тут же помирились.

2 - й в е д у щ и й. Военно-судная комиссия установила, что «Лермонтов вышел на дуэль не по одному личному неудовольствию, но более из желания поддержать честь русского офицера». И вновь Лермонтов едет на Кавказ, на сей раз уже в Тенгинский пехотный полк, расположенный в одном из самых опасных пунктов войны с горцами. О чем думает поэт? *(Декламируется стихотворение «Тучки небесные, вечные странники!..». Звучит вальс А. Хачатуряна из спектакля «Маскарад».)*

Л е р м о н т о в. Я, как Демон, а может, как Печорин, предавался безумным мечтам о счастье, а встретил суетный мир «мундиров голубых» и «фешенеблей». Искал друзей, а были в лучшем случае спокойные, равнодушные люди.

1 - й в е д у щ и й. Впереди всего один год жизни Лермонтова. Он проведет его в походах и сражениях. Смерть будет ходить по пятам. Но он не погибнет в бою: у него другая судьба. Еще раз Елизавета Алексеевна добьется для него разрешения приехать в Петербург. Как мгновение, пролетит трехмесячный отпуск. В последний раз обнимут его друзья, провожая на Кавказ.

2 - й в е д у щ и й. Направляясь к месту назначения, Лермонтов заехал в Пятигорск и остался там для лечения. В Пятигорске в это время собралось много представителей петербургского великосветского общества, среди которых были лица, ненавидевшие поэта.

Л е р м о н т о в. Я был уже известным литератором. Вчера на водах одна дама спросила, не тот ли это Лермантофф, что написал «Герой нашего времени». Я услышал. И как Печорин, решив ее позлить, обернулся и направил на нее свой лорнет. «Какая дерзость!» – вскричала дама. И тотчас вокруг нее образовалась группа «доброжелателей». Не надо было этого делать. Она из «фешенеблей» – так теперь стали называть «сливки» общества. А они слишком хорошо знают мой стих, «облитый горечью и злостью». Но так уж устроен я, когда часто во имя сильнеею чувства поступаю вопреки здравому смыслу.

1 - й в е д у щ и й. Они искали только повода, чтобы навсегда избавиться от «несносного выскочки и задиры», старались подбить на ссору с ним какого-нибудь офицера. Наконец, такой человек был найден. Это Мартынов – однокашник Лермонтова по юнкерской школе.

2 - й в е д у щ и й. Вечер в доме Верзилиных. Мартынов, русский офицер в черкесском костюме, выглядел фальшиво, тем более что простого кинжала ему показалось недостаточно – он носил то ли «замечательной величины кинжал», то ли даже два кинжала. Это и выводило Лермонтова из себя. Во время танца Лермонтов обратил внимание дамы на Мартынова: «Горец с большим кинжалом». Это была шутка, на которую никто даже не обратил внимания. Но ее услышал сам Мартынов. После окончания вечера Лермонтов, выходя из дома, услышал торопливые шаги Мартынова:

- Сколько раз я просил вас оставить свои шутки при дамах.
- Что ж, на дуэль что ли вызовешь меня за это?
- Да!

1 - й в е д у щ и й. Дуэль состоялась 15 июля 1841 года у подножия горы Машук. Секундантами Мартынова были Васильчиков и Глебов. Секундантами Лермонтова – Столыпин-Монго и Трубецкой.

2 - й в е д у щ и й. Лермонтов, взяв пистолет в руки, повторил торжественно Мартынову, что ему не приходило никогда в голову его обидеть, а что все это была одна только шутка и что он готов просить прощения. «Стреляй! Стреляй!» – был ответ испуганного Мартынова. Надлежало начинать Лермонтову: он выстрелил вверх, желая окончить эту глупую ссору дружелюбно. Но не так великодушно думал Мартынов.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.

1 - й в е д у щ и й. «Мартынов поступил, как убийца», – таков был вывод современников, осведомленных о дуэли. (Декламирует на фоне хоральной прелюдии И. С. Баха.)

Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать...

(Разыгрывается сценка «Суд над Мартыновым».)

М а р т ы н о в. Сегодня минуло ровно 30 лет, как я стрелялся с Лермонтовым на дуэли. Трудно поверить!

1 - й ч т е ц. «Не мог понять в сей миг кровавый, / На что он руку поднимал!..»

М а р т ы н о в. Тридцать лет – это почти целая жизнь человеческая, а памятливые мельчайшие подробности этого дня, как будто происшествие случилось только вчера.

2 - й ч т е ц. «Гроза разразилась. Остынув от зноя, / Машук и Бештау склонились над юношей, / Одели его вековой сединою, / Дыханьем свободы на мертвого дунувши...»

М а р т ы н о в. Углубляясь в себя, переносясь мысленно на 30 лет назад и помня, что я стою теперь на краю могилы... я чувствую желание высказаться, потребность облегчить свою совесть откровенным признанием самых заветных помыслов и движений совести по поводу этого несчастного события.

3 - й ч т е ц. «Но вы не смоете всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь...»

М а р т ы н о в. Не стану говорить об его уме: эта сторона его личности вне вопроса, все одинаково сознают, что он был очень умен, а многие видят в нем даже гениального человека.

4 - й ч т е ц. «Убит!.. К чему теперь рыдания, / Пустых похвал ненужный хор / И жалкий лепет оправданья?»

5 - й ч т е ц. У поэта есть только одна дата – дата рождения. (Звучит музыка И. С. Баха.)

Заканчивается композиция декламированием стихотворений современных поэтов, посвященных памяти М. Ю. Лермонтова и демонстрацией видеоклипа «Меж радостью и горем полусвет...».

Дуэль. Рис. М. А. Лермонтова. 1832 г

«Хорошо говорил по-малороссийски»

В другой раз была серьезная беседа об интенсивном хозяйстве, о котором в настоящее время так много пишут в журналах и о чем тогда уже забылись. Лермонтов, который питал полное недоверие и обнаруживал даже некоторое пренебрежение к сельскому хозяйству, называя его ковырянием земли, сказал нам при этом, что он сам недавно был в своем маленьком имении в Малороссии, откуда не получалось никакого дохода. Его долготерпение наконец истощилось, и он поехал туда, чтобы лично убедиться в причине бездоходности имения. (Принадлежность Лермонтову имения на Украине, как указывается выше, сомнительна. Но сразу после публикации воспоминаний Мещерского появилась заметка А. Маркевича (Русский архив, 1900, № 12, с. 622–624), в которой сообщалось о небольшом имении около местечка Переволочно в Полтавской губ., в 30–40-е гг. принадлежавшем некоей Арсеньевой. Автор заметки высказывает предположение, что об этом имении и пишет Мещерский. – *Прим. ред.*) «Приезжаю, – говорит Лермонтов, – в деревню, призываю к себе хохла-приказчика, спрашиваю: отчего нет никакого дохода? Он говорит, что урожай был плохой, что пшеницу червь попортил, а гречиху солнце спалило. «Ну, – я спрашиваю, – а скотина что?» – «Скотина, – говорит приказчик, – ничего, благополучно». – «Ну, – я спрашиваю, куда же молоко девали?» – «На масло били», – отвечает он. «А масло куда девали?» – «Продавали», – говорит. «А деньги куда девали?» – «Соль, – говорит, – куповали». – «А соль куда девали?» – «Масло солили». – «Ну, а масло куда девали?» – «Продавали». – «Ну, а деньги где?» – «Соль куповали!..» И так далее, и так далее. Не истинный ли это прототип всех наших русских хозяйств? – сказал Лермонтов и прибавил: – Вот вам при этих условиях не угодно ли завести интенсивное хозяйство!..»

Лермонтов хорошо говорил по-малороссийски и неподражаемо умел рассказывать малороссийские анекдоты. Им, например, был пущен известный анекдот (который я после слышал и от других) о том хохле, который ехал один по непомерно широкой почтовой малороссийской дороге саженой во сто ширины. По обыкновению хохол заснул на своем возе глубоким сном, волю его выбились из колеи и, наконец, осью зацепили за поверстный столб, отчего остановились. От толчка хохол вдруг проснулся, спросонья осмотрелся, увидел поверстный столб, плюнул и, слезая с своего воза, сказал: «Що за бісова тиснота, не можно и возом розминутця!» (А. В. Мещерский. *«Из моей старины: Воспоминания»*)

Лермонтов имел много знакомых среди украинцев. Один из них – Иван Петрович Изабелло, был женат на Лизавете Яковлевне Макаровой. А их дочь, Надежда Ивановна, известная певица, была замужем за знаменитым художником М. А. Врубелем.

Известный исследователям прозаический отрывок – «У граф. В... был музыкальный вечер» – связан с Украиной. В этом отрывке упоминается

фамилия Штосс. Оказывается, что был такой кременчугский почтмейстер Евстафий Федорович Штосс.

25 декабря 1839 года критик и литературовед А. В. Никитенко записал в свой дневник: «Институтка, приятельница моей жены, умненькая, хорошенькая Е. И. Ш. до сих пор очень бедная и жившая в гувернантках (или по словам поэта П. А. Вяземского – «какая-то бедная девица Штосс»), вдруг сделалась обладательницей полумиллиона. Она выиграла в польскую лотерею 900 000 злотых». Вот эта институтка и была родной племянницей Евстафия Федоровича Штосса, который служил почтмейстером в Кременчуге.

Документы подтверждают, что этот дедушка (в 1839 году он получил «знак беспорочной службы» за тридцать пять лет) в 1841 и даже в первой половине 1842 года был еще живой и продолжал служить. Оказывается, что об этом человеке Лермонтов знал, по крайней мере о его племяннице и собирался эти сведения использовать в своем творчестве. (*В. Шевченко. «Лермонтовские связи с Украиной»*)

Ныне почти доказан и факт дружбы Лермонтова с Шевченко. В стихотворении «Мені здається, я не знаю» Шевченко обращается к лермонтовской музе, называя поэта «любий друже». Они могли встретиться, как обоснованно допускает известный литературовед Мечислав Гаско, в 1839 году на квартире художника Штеренберга в Петербурге во время литературного вечера.

Кроме того, у Лермонтова и Шевченко были общие друзья. Так, известна тесная связь Шевченко с художником Григорием Гагариным, с которым Лермонтов пребывал на Кавказе в мае 1840 года и даже жил в одной палатке. В свою очередь, Шевченко продолжительные годы приятельствовал с С. В. Трубецким, одним из секундантов Лермонтова в пятигорской трагедии. (*В. Шевченко. «Лермонтовские связи с Украиной»*)

Тарас Шевченко... несмотря на запрет лично тирана своей эпохи писать и рисовать, тайно делал и то, и другое. И вот в одном из стихотворений, написанных в ссылке («Мені здається, я не знаю...», 1850), он рассказал, что видел там, в степи, того самого Ангела, который, по свидетельству юного Лермонтова, некогда нес его душу «для мира печали и слез». Очевидно, украинский поэт-мученик вообразил, что на обратном пути душа его любимого (хоть и лично ему не знакомого) русского поэта безраздельно слилась с этим Ангелом, и так обратился к его памяти:

Ти, присносущий, всюди з нами
Витаєш ангелом святим.
...Жива душа поетова святая,
Жива в святих своїх речах,
І ми, читаю, оживаєм
І чуєм Бога в небесах.

Читая в «Избранных местах из переписки с друзьями» упреки Гоголя покойному Лермонтову и другим современным поэтам: «Еще даже не слышит

никто, что вокруг его настало другое время, образовались стихии новой жизни и раздаются вопросы, которые дотоле не раздавались», – видимо, никто из современников даже не подозревал, какие именно в эти самые дни «раздаются вопросы» в душе самого Гоголя, в душе Шевченко...

Юнкер Л. Алексеев, служивший вместе с украинским поэтом в прикаспийских степях Казахстана, прекрасно читал наизусть лермонтовского «Умиряющего Гладиатора» и «впоследствии часто вспоминал, как Шевченко, которому очень нравилось его чтение... по временам обращался к нему с просьбой: «Ану, прочитай, мій голубе!»

И он начинал:

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплеканьями широкая арена:
А он – пронзенный в грудь, – безмолвно он лежит,
Во прахе и крови скользят его колена...

Очевидно, именно эта время от времени повторяющаяся декламация и вдохновила украинского поэта и живописца на создание рисунка по мотивам стихотворения Лермонтова («Умиряющий гладиатор», 1856, сентябрь). Также очевидно, что не с лермонтовским Пророком, а с лермонтовским Гладиатором отождествлял себя украинский гений, в это время желавший уже не только свободы, но и покоя...

В следующем, 1857 году Тарас Григорьевич запишет в дневнике (он вел его по-русски).

Ночь лунная, тихая, волшебная ночь. Как прекрасно верно гармонировала эта очаровательная пустынная картина с очаровательными стихами Лермонтова, которые я невольно прочитал несколько раз как лучшую молитву Создателю этой невыразимой гармонии в своем бесконечном мироздании. Не доходя укрепления, на каменистом пригорке я сел отдохнуть. И глядя на освещенную луной тоже каменистую дорогу, и еще раз прочитал:

Выхожу один я на дорогу,
Предо мной кремнистый путь блестит.
Ночь тиха, пустыня внемлет Богу,
Звезда с звездой говорит.

Как видно по этой цитате, томика Лермонтова не было у Шевченко под рукой. Откуда ему было взяться в затерянном в степи гарнизоне? Украинский поэт цитировал и «молился» этой «лучшей молитвой Создателю» по памяти. Цитировал довольно точно. (В. Я. Звиняцковский. «Лермонтов и Украина. Заметки филолога»)

Образ Украины в творчестве поэта

Обобщенный образ Украины, во многом перекликающийся с образом России, возник у Лермонтова в стихотворении «<М. А. Щербатовой>» («На светские цепи...»).

В результате сложного сплетения политических и личных мотивов произошла дуэль Лермонтова с сыном французского посла Э. де Барантом.

Одна из причин дуэли – явное предпочтение, которое оказывала Лермонтову молодая и интересная вдова, княгиня Мария Алексеевна Щербатова. К сожалению, об этой замечательной женщине нам известно очень мало. Ей было двадцать лет, и, по словам Лермонтова, она была «такая, что ни в сказке сказать, ни пером написать». М. И. Глинка в своих записках отозвался о ней: «...Была прелестна, но не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина».

Судьба Щербатовой (урожд. Штерич) сложилась драматично. Муж ее скончался через год после женитьбы. Через несколько дней после смерти мужа родился ребенок, который умер двухгодовалым 1 марта 1840 г. Лермонтов был влюблен в Щербатову и в 1838–1840 гг. часто бывал у нее в Петербурге, а летом в Павловске.

Многие современники считали, что Лермонтов собирался на ней жениться. После дуэли Лермонтова с Барантом Щербатова уехала в Москву. Перед отъездом она простилась с поэтом. Об этом свидании сообщил позднее биографам Лермонтова начальник караула дежурный офицер Горожанский, который, рискуя быть наказанным, разрешил Лермонтову уйти с гауптвахты. Знал об этом и А. А. Краевский.

Вскоре в Москве Щербатову посетил Александр Иванович Тургенев (старший брат декабриста Николая Тургенева, друг Пушкина и Лермонтова). В своем дневнике он сделал краткую, но весьма выразительную запись: «Был у кн. Щербатовой. Сквозь слезы смеется. Любит Лермонтова».

Щербатова была украинкой. Лермонтов запечатлел в стихотворении не только пленительный облик женщины, но и образ ее родины. (*Э. Э. Найдич. «Стихотворение "М. А. Щербатовой": (Лермонтов и Е. П. Гребенка)»*)

Возможно, что Лермонтов познакомился с М. А. Щербатовой у Карамзиных в 1839 г. Поэт стал бывать в этом литературном салоне начиная со 2 сентября 1838 г. Но имена Лермонтова и Щербатовой одновременно впервые упоминаются в письмах С. Н. Карамзиной к Е. Н. Мещерской от 1 и 17 августа 1839 г. Вскоре Лермонтов начал посещать Щербатову в петербургском доме ее бабушки С. И. Штерич (ныне № 101 по наб. Фонтанки) и на даче в Павловске. Редко читавший свои произведения в светских гостиных, поэт, несомненно, делал исключение для М. А. Щербатовой. Однажды после чтения у нее поэмы «Демон» Щербатова сказала Лермонтову: «Мне ваш Демон нравится: я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака». Наконец, поэт мог встречать Щербатову также у общих знакомых, на светских балах, в театрах. Ведь круг знакомых был в основном один и тот же. В записях за 1839–1840 гг. неопубликованного дневника К. П. Колзакова, гвардейского офицера, встречаются упоминания не только о Лермонтове, но и о Щербатовой, а также ее сестре. Так, например, княгиню Щербатову «с хорошенькою m-lle Стерич» Колзаков видел во Французском театре 31 октября 1839 г. 7 января 1840 г. Колзаков снова встретил Щербатову и ее сестру.

А. О. Смирнова вспоминает о том, при каких обстоятельствах написано было Лермонтовым стихотворение «Молитва». «Машенька (М. А. Щер-

батова. – **Л. Н.**) велела ему молиться, когда у него тоска. Он <...> обещал и написал ей эти стихи "В минуту жизни трудную...". (*Л. Н. Назарова. «М. А. Щербатова и стихотворения Лермонтова, ей посвященные»*)

Отголоски украинского языка проникают даже в его произведения – «Тамань», «Герой нашего времени», «Вадим». (*В. Шевченко. «Лермонтовские связи с Украиной»*)

В Украине впервые Лермонтов был напечатан еще при его жизни, в 1840 году. Два стихотворения («Узник» и «Ангел») увидели свет в «Одесском альманахе» в 1840 году. Есть предположения, что рукопись стихотворений в Одессу передал ротмистр Станислав Адамович Городецкий, товарищ Лермонтова по службе.

Одесские читатели ждали от поэта новых произведений, но беда уже была на пороге. 2 августа 1841 года «Одесский вестник» сообщил: «Здесь получено из Пятигорска прискорбное известие о кончине М. Ю. Лермонтова, одного из любимейших русских поэтов и прозаиков, последовавшей 15 минувшего июля».

Если знать, что III отделение выдало суровый приказ цензуре обойти смерть поэта молчанием, то тем более показательным является тот факт, что одесская газета не только сообщает о смерти Лермонтова, но и называет его «любимейшим русским поэтом». (*В. Шевченко. «Лермонтовские связи с Украиной»*)

Переводы произведений на украинский язык

«Цветущие степи Украины», где росла юная Мария Штерич, географически локализованы где-то на границе нынешних Донецкой и Луганской областей. Этот край помнит как минимум еще одну яркую и поэтическую полукраинско-полусербскую юную личность – нежного украинского лирика Владимира Сосюру. Его родная станция Дебальцево соседствует со станцией Штеровка – дворянским гнездом Штеричей. Мать поэта Антонина Локотош – сербка.

Когда литературовед Юрий Бурляй в конце 1950-х годов работал над книгой о Сосюре, он расспрашивал живого классика в том числе и об «обстоятельствах» создания его переводов из Лермонтова – без преувеличения главного поэта в жизни Сосюры... После смерти Сосюры Бурляй беседовал с его вдовой Марией (!), которая поведала ему о том, как начинались их любовь и совместная жизнь именно в тот самый драматический период непростой жизни поэта, к которому принадлежат и самые эмоциональные, и в то же время наиболее «авторские» переводы Сосюры из Лермонтова. Бурляй называет эти переводы: «Демон», «Молитва», «Нет, не тебя так пылко я люблю...», «Чинара» («Дубовый листок оторвался от ветки родимой...»), «Выхожу один я на дорогу...».

«Обстоятельства» оказались таковы, что в книге о Сосюре 1959 г., так же, как и во всех последующих публикациях советского периода, рассказать о них было невозможно. Да и большая часть Сосюрова наследия лежала под

спудом. И только в самом конце жизни Бурляю удалось опубликовать в журнале «Киев» (1998, № 1–2) статью «Неизвестный Сосюра» и Сосюрову поэму «Ваал», датированную 1939 г. (как писал Бурляй, «через 99 лет после написания Лермонтовым его "Демона"»). В прологе к этой поэме читаем: «Був Демон іскристий, як вічне проміння, / як музика і аромат, / А очі то чорні, то радісно-сині, / а серце, як зоряний сад...» Сама же поэма трактует легенду об Адаме и Еве. В ней поэт пытается на уровне мифологемы воссоздать непрекращающуюся борьбу света и тьмы, где Демон – светлое начало, а темное – Ваал. Еще один библейский персонаж «неизвестного Сосюры» – Каин. При этом причина как братоубийства, так и первородного греха у В. Сосюры – женщина, «желанная, крылатая, родная» (попытка перевода здесь и далее мои. – **В. З.**), которая в воображении поэта ассоциируется с «его Марией».

А на самом деле все наоборот. Травля поэта со стороны властей предрешающих, еженощное ожидание ареста, психоневрологический диспансер, отчаянное письмо Сталину... И кто же спасал на краю пропасти? Мария. Что говорила? «Молись...»

Когда Лермонтов утверждал, что молитва помогала ему «в минуту жизни трудную», то речь шла о «скудной и грустной» действительности 30-х годов XIX в.: вынужденная бездеятельность, отсутствие истинных друзей и достойных врагов (разве ж достойны Лермонтова все эти Мартыновы и баранты?). «Трудную» – ибо «нудную», чего не скажешь о действительности 30-х годов XX в.

Странная вещь – украинский поэтический перевод лермонтовской «Молитвы» к ее столетнему юбилею. Поэт-переводчик конца 30-х годов XX в., видимо, и сам не замечает подмены, она вершится где-то в глубинах подсознания: у него с первого и до последнего стиха битва, борьба, крылья – словом все, чего в оригинале нет, ибо и быть не могло! Но крылья – это не крылья Демона. Это крылья Ангела. Марии...

Коли стомлюсь од битви я,
Знеможусь в боротьбі,
Звертаюся з молитвою
До неба я в журбі.
Душа мов має крилами,
Весняно розцвіта,
Сповняє серце силами
Мені молитва та...

Юрий Бурляй писал:

Травля Сосюры в начале тридцатых годов разворачивалась весьма драматически, почти трагически. Но, к счастью, для поэта закончилась не фатально. Он остался жив, не попал туда, куда Макар телят не гонял... Выдержал, казалось, невыносимые испытания... И вот в начале 1938 г. в замороженной тоталитарной системой творческой жизни соловья Украины легонько повеяло теплыми ветрами... Потихоньку, как говорится, со скрипом, начались перемены к лучшему. Уже в 1936-м Сосюру восстановили в союзе писа-

телей. Бросив постылую работу на фабрике «Красная нить», поэт махнул в столицу – в Киев, к самому наркому Затонскому искать правды.

Нарком Владимир Затонский (вскоре, увы, расстрелянный) обладал абсолютным поэтическим слухом. Помню, во всяком случае, как его сын литературовед-академик Д. В. Затонский рассказывал, что «литературность» унаследовал именно от отца. В автобиографической «Третьей роте» Владимир Сосюра вспоминал свой разговор с тезкой-наркомом:

Тогда Затонский спросил меня, над чем я работаю. Я сказал, что перевел поэму «Демон» Лермонтова. Он попросил меня прочитать ему перевод. Я ему прочитал по памяти начало, и он сказал:

– Как в оригинале!

Потом он дал распоряжение, чтоб мне выписали двести рублей на дорогу до Харькова, и позвонил в союз писателей, сказав, чтоб я туда зашел. Я ж был исключен из союза. Я пришел к председателю союза Антону Сенченко... и сказал ему, что хочу жить и работать в Киеве. Он ответил, что это зависит только от меня, и позвонил в издательство, чтоб со мной заключили договор на книжку избранной поэзии, и дал распоряжение, чтоб мне купили новый костюм и выдали путевку в Ессентуки моей больной жене...

Так «Демон» Лермонтова по сути спас своему переводчику жизнь... Вот только в партии восстановить поэта упрямо отказывалось писательское начальство – и это стало идеей фикс, он пишет письмо Сталину: «Меня довели до мысли о самоубийстве, но я не сделал этого потому, что слишком много страдал украинский народ, чтобы его поэты стрелялись... Отец! Спаси меня!!!»

Дальше со слов Марии Сосюры рассказывал Бурлай:

Мария Гавриловна, хорошо понимая, в какую «халепу» попал ее ненаглядный Володя и какая возникла пиковая ситуация, распечатала конверт с письмом Сталину и вложила туда еще и справку от психиатра о недавней болезни поэта. Именно в таком виде отчаянное письмо Сосюры (имену в виду и справку от психиатра как прозрачный намек генсеку, на который отважилась Марья Гавриловна...) попало в руки того, кто одним словом, легким взмахом руки решал судьбу миллионов... Резолюция "хозяина" была лаконична и, на первый взгляд, непостижима: «Восстановить в партии. Лечить».

Такая вот битва, такая борьба и такие крылья... (В. Я. Звизняцкий. «Лермонтов и Украина. Заметки филолога»)

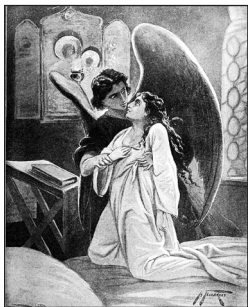

Иллюстрация к поэме «Демон».
Худ В. Поляков.

«ОТМЩЕНЬЕ, ГОСУДАРЬ, ОТМЩЕНЬЕ!»

*Об эпиграфе в стихотворении Лермонтова «Смерть поэта»**

Т. ИВАНОВА

«Вступление к этому сочинению дерзко, а конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное», – писал Бенкендорф в докладной записке Николаю I о стихотворении Лермонтова «Смерть поэта».

Вот это «дерзкое» вступление.

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Строки, которые Бенкендорф назвал «вступлением», более столетия (с 1863 г.) принято называть «эпиграфом». Попутно отметим, что в копии, приложенной к «Делу о непростительных стихах, написанных корнетом лейб-гвардии Гусарского полка Лермонтовым...», они расположены именно как строки стихотворения, а не как эпиграф. Мы не имеем возможности принять это новое чтение ввиду того, что в текстологическом комментарии оно не мотивировано и источник текста не указан. Принято также считать, что строки эти властями никогда поэту не инкриминировались, что возмущение вызвал лишь финал, направленный против придворных, окружавших трон. Однако внимательное рассмотрение фактов, связанных с кругом данных вопросов, убеждает, что дело обстояло не совсем так.

Как уже видно из приведенных выше слов шефа жандармов, Лермонтову инкриминировался не только «конец», но и «вступление». А из высказываний весьма авторитетных современников, причем людей противоположных взглядов, явствует, какое большое значение придавалось именно началу, строкам, которые принято называть эпиграфом. Приведем в доказательство слова Герцена и его идейного врага поэтессы графини Ростопчиной. Вот что говорит Герцен в своем исследовании «О развитии революционных идей в России». Лермонтов «написал стихотворение, полное энергии, в котором, придавая поруганию подлые интриги, веденные министрами, литераторами и журналистами-шпионами, воскликнул в порыве юношеского негодования: «отмщенье, государь, отмщенье!» Поэт поплатился за эту неосторожность ссылкой на Кавказ».

А вот что вспоминала Е. Ростопчина в письме к Александру Дюма, написанном по-французски:

* Печатается в сокращении по: Вопросы литературы. – 1970. – № 8.

«Лермонтов, возмущенный, как вся русская молодежь, против той дурной части нашего общества, которая восстанавливала двух противников друг против друга, Лермонтов написал стихотворение, по моему мнению, посредственное, но горячее, в котором он обращался к самому императору с просьбой об отмщении. При всеобщем чрезмерном возбуждении умов этот поступок, такой естественный в молодом человеке, получил иное истолкование. Новый поэт, выступивший в защиту умершего поэта, был арестован, посажен на гауптвахту и потом отправлен в полк на Кавказ».

В обоих случаях акцент на вступлении. Как был перетолкован «поступок» молодого человека, поэта, осмелившегося диктовать свою волю царю, мы уже видели из докладной записки Бенкендорфа. Совершенно естественно, что он был воспринят как дерзость. В финальных строках заключалось осуждение тех, кто стоял у трона, шла речь о «жадной толпе» царедворцев, во вступительных был задет сам трон. О троне, иными словами, о самодержце долгое время нельзя было заикнуться в печати. Характерен следующий пример. Вот как выглядело цитированное выше место из письма Ростопчиной к Дюма в первом русском переводе, сделанном в 1861 г.: Лермонтов «написал несколько стихов посредственных, но горячих... Вскоре новый поэт, вступивший за умершего поэта, уехал в полк на Кавказ», и только. Все, что касалось обращения к царю, выпущено.

Откуда же возникло мнение, что Лермонтову инкриминировались лишь последние заключительные строки?

Источником такого заблуждения явилось принятое буквально показание С. Раевского – «Объяснение губернского секретаря Раевского... о происхождении стихов на смерть Пушкина». А между тем нельзя забывать, что перед нами «объяснение», написанное юристом с целью смягчить наказание другу – автору стихов. Что это так, известно со слов самого Раевского, который сделал попытку передать свой черновик Лермонтову, а его камердинеру писал: «Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подал эту записку Министру. Надобно чтобы он отвечал согласно с нею и тогда дело кончится ничем. А если он станет говорить иначе, то может быть хуже... И потом непременно сжечь ее» (Щегелев П. Е. Книга о Лермонтове. Вып. 1. – Л., 1929. – С. 261–262).

В чем же отклонился Раевский от истины, как изменил факты, чтобы смягчить Лермонтову приговор? Он умолчал о вступлении, все внимание сосредоточив на концовке. Юрист понимал, что это скользкое место, которого лучше не касаться. Что его легко перетолковать, понимала и Ростопчина. «Неосторожностью» назвал его Герцен. Если в последних строчках было вольнодумство, то в начальных можно было усмотреть при желании самое страшное преступление – дерзость по отношению к «его величеству». Надо было переклочить внимание судей на более невинное. Умный адвокат так и сделал. Нарисовал яркую сцену создания заключительных строк, которая потом вошла в «воспоминания» современников, при ней не присутствовавших, писавших с чужих слов, к тому же много лет спустя, а затем и в биографию поэта. «Вступление» же вовсе исчезло из поля зрения «вспоминающих».

В своем «объяснении» Раевский наметил антитезу – добрый царь и злые придворные: «...Государь император осыпал семейство Пушкина милостями, следовательно, дорожил им... стало быть, можно было бранить врагов Пушкина...» Эту антитезу, только намеченную Раевским, развил в своем показании Лермонтов. Хотя он и не получил черновика Раевского (пакет был перехвачен), но давал показания соответственно тому, что писал защитник. Друзья одинаково расценивали ситуацию. Не исключена возможность, что Раевский все же нашел способ дать совет другу. Под угрозой солдатской лямки Лермонтов писал (и кто решится упрекнуть его в лести):

«После двух дней беспокойного ожидания пришло печальное известие, что Пушкин умер, и вместе с этим известием пришло другое – утешительное для сердца русского: государь император... подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила первого в моем воображении и очернила еще сильнее несправедливость последнего. Я был твердо уверен, что сановники государственные разделяли благородные и милостивые чувства императора, Богом данного защитника всем угнетенным; но, тем не менее, я слышал, что некоторые... не переставали омрачать память убитого...»

Вывод хоть и не был сделан, напрашивался сам собой. Этот вывод сделал биограф Лермонтова П. Висковатый. Он развил заложенную в показаниях мысль, что поэт лишь выразил желание самого царя. Он также стремился перетолковать эпиграф. Но цель была – иная. В статье о стихах на смерть Пушкина, написанной на основе судебного дела, П. Висковатый писал:

«Умы немного утихли, когда разнесся слух, что государь желает строгого расследования дела и наказания виновных. Тогда-то эпиграфом к стихам своим Лермонтов поставил:

Отмщенье, государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

(Из трагедии).

Подпись «(Из трагедии)» давала возможность вступительные строки воспринять как эпиграф. Эпиграф этот был теперь легализован, узаконен для печатания в собраниях сочинений поэта, как прибавленный Лермонтовым для выражения воли царя, и Висковатый возражал издателям, которые, не печатали эпиграф при стихотворении. «Слова эти, очевидно, сочинены самим Лермонтовым, и потому совершенно неосновательно выброшены издателями из собрания его сочинений, – бросал он в сторону С. Дудышкина и П. Ефремова. – В экземпляре стихов, приложенном к судному делу над Лермонтовым, они находят-ся, и в своем показании поэт признает все своим произведением» (В и с к о в а т ы й П. Лермонтов на смерть А. С. Пушкина. По подлинным документам // Вестник Европы. – 1887. – Кн. 1. – С. 332).

Именно на том основании, что «слова эти» прибавлены какой-то досужей рукой, но не самим поэтом, они с 1860 до 1889 г. не печатались в собраниях его сочинений. Лишь в лучшем случае приводились в отделе примечаний, куда не за-

глядывал массовый читатель. Впервые они были напечатаны во втором дудышкинском издании 1863 г., в отделе примечаний, и названы там «эпиграфом».

Термин «эпиграф» употребил и М. Лонгинов в рецензии на это издание, написанной в том же 1863 г. Мало того, он указал, из какой трагедии эпиграф взят: «Из прекрасного перевода старинной французской трагедии Ротру «Венцеслав», исполненного в двадцатых годах А. А. Жандром». В своей рецензии Лонгинов возражал Дудышкину, писавшему в примечании: «Очень часто при этом стихотворении помещается эпиграф, которого впрочем в подлинной рукописи не было». Но Лонгинов помнил, «что он находился на рукописях стихотворения Лермонтова при самом их появлении в Петербурге в начале февраля 1837 г.», а потому считал, что он «очень может быть... поставлен самим поэтом» (Л о н г и н о в М. Важная литературная новость // Современная летопись. Воскресные прибавления к «Московским ведомостям». – 1863. – № 16. – С. 15).

Рукопись, о которой идет речь в примечании Дудышкина, – беловой автограф «Смерти поэта», сохранившийся у В. Ф. Одоевского, который хотел опубликовать стихотворение в «Современнике». Рукопись дошла до нас, и по ней до сих пор печатают это стихотворение. Эпиграфа там действительно нет, но там нет и концовки. Если быть последовательными, то не надо печатать и концовку. Но концовку-то Дудышкин напечатал. Следовательно, у него была какая-то иная, скрытая причина, чтобы не печатать эпиграф. Причину эту упоминать было нельзя, и он привел вымышленную, фиктивную. Дудышкин был первым, но не единственным, кто так поступил. Так поступали потом и другие редакторы.

Подлинное значение вступительных строк, как мы видим, раскрыл Герцен в своем труде «О развитии революционных идей в России», написанном в 1850 г., опубликованном в 1851 на немецком языке и потом трижды, в 1851, 1853 и 1858, выходявшем на французском. Выше мы привели цитату из первого русского перевода, как наиболее точно соответствующего тому, что хотел сказать Герцен, поскольку перевод сделан при его жизни. Это было нелегальное литографированное издание, вышедшее в 1861 г. в Москве и к тому же посвященное им студентам Московского университета. Все это делало данный русский перевод особенно ответственным для Герцена, и он является авторитетным для нас. Следует обратить внимание, что слово «inconsequence» переведено иначе, чем переводится теперь. Теперь «непоследовательность», тогда – «неосторожность», что придает иной смысл поступку Лермонтова и вносит иной оттенок в понимание Герценом образа поэта.

Возникает вопрос: почему Герцен в 1856 г. в «Полярной звезде» опубликовал стихотворение Лермонтова без вступительных строк, в которых видел основную мысль стихотворения: требование отмщенья за смерть поэта, возмездия за пролитую кровь – требование, предъявленное Николаю I? Может быть, у Герцена не было полного списка стихотворения Лермонтова? Но ведь первую строку эпиграфа «Отмщенье, государь, отмщенье!» он уже цитировал в 1850 году!

Возможно, это объясняется другими обстоятельствами.

Обратимся к истории. Стихи на смерть Пушкина Герцен опубликовал в момент «либеральной апелляции к «верхам» (Ленин), когда обращался с письмами к Александру II. Стихотворение было напечатано в период между письмом от 10 марта 1855 г., в котором Герцен обещал новому царю «ждать, стереться, говорить о другом», лишь бы царь сделал «что-нибудь для России», и восклицанием «Ты победил, Галилеянин!» после рескрипта Александра II от 20 ноября 1857 г. генерал-губернатору

западных губерний Назимову начать подготовку к реформам. Вспомним также, что Александр II не желал, чтобы порочили память его отца, а в рескрипте от 15 августа 1857 г. прямо запрещено печатать «порицание мер прошедшего царствования». В свете этих фактов становится очевидным, почему стихотворение «Смерть поэта» опубликовано без вступительных строк: в них как раз и заключалось подобное «порицание». «Будь справедлив и накажи убийцу», – писал Лермонтов. Но Николай I быть справедливым не захотел, и убийца остался ненаказанным, а Пушкин неотмщенным. Именно как обвинение в несправедливости воспринимались эти строки *post factum*.

Может показаться странным, почему же стихотворение «Смерть поэта» было снова перепечатано с тем же неточным заглавием «На смерть Пушкина» и без вступительных строк в сборнике «Русская потаенная литература», вышедшем в Лондоне в 1861 г. Разгадку находим в предисловии Огарева, извинявшегося в «недостатках издания» и объяснявшего эти недостатки «неполнотой и ошибочностью рукописей», а отсюда невозможностью «исправить, что казалось ложным для уха и смысла».

Как увидим ниже, вступительные строки стихотворения «Смерть поэта» были неприятны не только для Александра II, но оставались неприемлемы для царской власти и в дальнейшем. А потому осторожные редакторы и издатели предпочитали их избегать. Это подтверждают факты из истории печатания стихотворения на смерть Пушкина в дореволюционных изданиях сочинений Лермонтова.

Приведем лишь небольшую справку. Первый период: 1860–1889 (29 лет). Стихотворение на смерть Пушкина печатается без вступительных, но с заключительными строками. Для вступления вводится термин «эпиграф». Выдвигается мотив: эпиграф прибавлен не Лермонтовым. Попутно вспомним, что в момент создания стихотворения носится слух, что и концовка якобы прибавлена не Лермонтовым.

Второй период: 1889–1917 (28 лет). Вступление-эпиграф печатается вместе со стихотворением во всех без исключения научных изданиях и в наиболее полных массовых. Заключительные строки печатались везде.

Только в советское время в течение двадцати шести лет, с 1924 по 1950 год, стихотворение печатается всеми изданиями полностью – с вступительными и заключительными строками. Но с 1953 г. начинается новый поворот, и «Смерть поэта» опять печатают без вступительных строк. Теперь это делают на основе гипотезы, что эпиграф будто бы прибавлен Лермонтовым, дабы смягчить политическую резкость заключительных строк. Хотя иные с этим не соглашались, справедливо отмечая гражданскую смелость эпиграфа, тем не менее перед стихотворением эпиграфа не помещают, одним из основных мотивов выдвигается при этом тот факт, что эпиграф был «отвергнут» русской потаенной литературой, то есть не напечатан Герценом и Огаревым.

Вопрос о смысле, значении и судьбе вступления-эпиграфа в стихотворении «Смерть поэта» не может быть окончательно решен без знакомства с трагедией, на которую сослался поэт, и с ее автором. Но мнения расходятся и здесь. Одни источником эпиграфа считают русскую четырехактную пьесу А. Жандра «Венцеслав», переделанную русским драматургом из пятиактной пьесы того же заглавия французского драматурга Жана де Ротру. Другие – французскую пятиактную пьесу «Венцеслав» самого Ротру. Наконец, существует мнение, что эпиграф взят Лермонтовым из собственной незаконченной трагедии.

Утверждение, что эпиграф заимствован из перевода французской трагедии Ротру «Венцеслав», исполненного Жандром, относится к 1863 г. и принадлежит, как мы видели, Лонгинову. При этом Лонгинов допустил неточность. Пьеса Жандра была не просто переводом, но переделкой пьесы Ротру. Шан-Гирей в своих воспоминаниях прямо писал, что эпиграф взят Лермонтовым из неизданной трагедии Жандра «Венцеслав», вовсе не упомянув о Ротру.

Из дореволюционных редакторов впервые объяснил в комментарии происхождение эпитафия, точно повторив формулу Лонгинова, Ефремов в своем последнем издании 1889 г. Однако этот постоянный антагонист Висковатого продолжал печатать стихотворение без эпитафия, мотивируя тем, что эпитафия принят только «иными за стихи самого Лермонтова» (намек на Висковатого). Но, печатая в комментарии извлечения из «Дела о непростительных стихах», он привел там и эпитафия по копии, приложенной к «Делу».

В том же 1889 г. Висковатый в первом научном издании Лермонтова, впервые напечатал эпитафия вместе со стихотворением, не привел никакого объяснения его происхождения. Только в 1891 г., в биографии Лермонтова, он сослался на Лонгинова: «Лонгинов... говорит, что эпитафия этот взят из трагедии Ротру «Венцеслав первый», в 20-х гг. переведенной А. Жандром. Я не успел проверить справедливость показаний». Проверкой лонгиновской версии занялся в том же 1891 г. И. Болдаков, редактор издания, которое сам считал «популярным и неполным». Он не привел эпитафия даже в отделе примечаний на том основании, что печатал «по подлиннику», то есть по беловому автографу из архива В. Одоевского, где эпитафия отсутствует. В примечаниях Болдаков сообщил, что Висковатый напечатал стихотворение по списку, приложенному к «Делу», где есть эпитафия, заимствованный из перевода трагедии «Venceslas», причем первым указал акт и сцену, откуда взят эпитафия, сделав это, однако, по пьесе Ротру. Он предпринял поиски пьесы Жандра, но не нашел ни ее рукописи в Публичной библиотеке, ни упоминания о постановке пьесы у историков театра Арапова и Вольфа. Это была первая попытка разыскать рукопись Жандра. Но это было и началом того, что вслед за Болдаковым, говоря о пьесе Жандра, стали давать ссылки на пьесу Ротру, отождествляя две различные пьесы. <...>

Две различные версии происхождения эпитафия (Жандр или Ротру) приводятся в комментариях к разным изданиям сочинений Лермонтова в категорической форме, как констатация факта, без аргументации и не только без опровержения другой точки зрения, но даже без упоминания о существовании таковой, как будто ее и вовсе нет. А между тем выводы из каждой версии для значения эпитафия различны. Если строки взяты из пьесы Жандра, то вступительные строки принадлежат его перу и только использованы Лермонтовым. Если из пьесы Ротру, то, следовательно, переведены самим автором стихов. Как видим, роль вступления-эпитафия во втором случае неизмеримо возрастает.

Мнение, что источником эпитафия была французская пьеса Ротру «Венцеслав», выдвинул в 1910 г. французский исследователь Дюшен, не только указав акт и сцену, но и приведя цитату из соответствующего монолога героини Ротру Кассандры, в котором она требует от короля отпущения. <...>

Мнение, что эпитафия взят из трагедии самого Лермонтова, высказано Висковатому Шан-Гиреем, писавшим, как было сказано выше, в своих воспоминаниях иное. Эта последняя версия последователей не нашла.

Какие источники есть у нас для решения вопроса: Жандр или Ротру?

Самое простое сравнить «Венцеслава» Жандра с «Венцеславом» Ротру.

Но рукописи Жандра найти до сих пор не удалось. Переделка пьесы Ротру была сделана русским драматургом в 1824 г. для бенефиса Каратыгина. Пьеса Жандра была запрещена цензурой к постановке, и Каратыгин был вынужден заменить ее другой. В дальнейшем она неоднократно запрещалась на протяжении XIX века и света рампы так и не увидела. Напечатана полностью также не была. Лишь один отрывок опубликован в альманахе «Русская Талия» на 1825 г. и один – в альманахе «Радуга» на 1830 г. Акта четвертого, на который ссылаются исследователи и редакторы (делая ссылку по пьесе Ротру), в этих публикациях нет.

Какие же материалы есть еще? Первое. Статья А. Одоевского «О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной г. Жандром» в январской книге «Сына отечества» за 1825 г. В статье указано, в чем состояло основное отклонение Жандра от сюжета Ротру. Второе. Изложение содержания пьесы Жандра цензором Е. Ольдекопом при ее новом запрещении в 1829 г., сохранившееся в делах цензурного комитета.

С Ротру дело обстоит проще. Редкие издания его сочинений имеются в наших книжных хранилищах. Мы можем их читать. И не только «Венцеслава», но и остальные произведения французского драматурга. Прежде всего познакомимся с текстами Ротру.

Монолог Кассандры в «Венцеславе» Ротру, где она требует от короля отмщенья, строится на противопоставлении добродетели и порока. Убийств – образец добродетели, убийца – злодей. Так изображает Кассандра двух братьев, сыновей старого польского короля Венцеслава, из которых старший, принц Владислав, убил младшего Александра, ее возлюбленного. Убийство совершено ночью, в темноте, и убийца не подозревает, что он по ошибке убил собственного брата. Кассандра показывает окровавленный кинжал убийцы и закликает короля казнить его, изображая убийство как преднамеренное, требует отмщенья. Но, по свидетельству Одоевского, образ Владислава в пьесе Жандра изменен. Владислав – человек свободомыслящий, вокруг него группируется передовая молодежь, критикующая самодержца, и автор пьесы, друг декабристов, смягчает отрицательные черты его характера. Одоевский пишет: «Владислав, под пером нашего поэта [Жандра], изменился в очертании прежнего своего характера, и внушает к себе не только сожаление, но и любовь; лучшее оправдание развязки!» (О д о е в с к и й А. О трагедии Венцеслав, соч. Ротру, переделанной г. Жандром // *Сын отечества*. – 1825. – № 1. – С. 101). Развязка – помилование принца Владислава, которого осудил на казнь за убийство брата отец обоих – король Венцеслав.

Слова Одоевского об изменении Жандром характера главного героя в положительную сторону подтверждает сцена третьего действия пьесы Жандра, опубликованная в альманахе «Радуга», где Владислав выведен сразу после убийства. Истекая кровью, раненный своим же собственным, оброненным кинжалом, который поднял его умирающий брат, он в отчаянии рассказывает сестре о своем преступлении, совершенном в беспамятстве, в припадке ревности, говорит, что был игрушкой в руках героини, просит сестру пожалеть его. В аналогичной сцене четвертого акта пьесы Ротру (напомним, пьеса Жандра короче на целый акт) убийца Владислав более сдержан, холоден, рассудочен. У Ротру Владислав человек сильный, властный, себялюбивый, у Жандра – более мягкий, лицо страдательное.

Изменение характера главного героя не могло не отразиться на сюжете. Действие пьесы Жандра развивается несколько иначе, чем действие пьесы Ротру. У Ротру король прощает сына под угрозой народного восстания. Собравшийся на площади народ опрокидывает эшафот и требует помилования. У Ротру король подчиняется народной воле.

У Жандра мотивировка помилования иная. Под угрозой нашествия татар старый король, будучи не в состоянии стать во главе войска, передает сыну корону для спасения родины. В пьесе Жандра нет места и обличительным монологом героини, так как объект обличения отсутствует. И тогда как героиня Ротру Кассандра призывает к мести за убитого, молит короля о казни убийцы, героиня Жандра, переименованная русским автором в Людгарду, по словам Ольдекопа, просит о помиловании.

Вывод. В пьесе Жандра нет строк с призывом к отмщению, послуживших Лермонтову источником для эпиграфа. В опубликованных отрывках из пьесы Жандра мы не найдем и тех своеобразных ритмических ходов, какие встречаем в эпиграфе к «Смерти поэта». Эпиграф написан с мастерством, которого, несмотря на восторженные отзывы современников, вряд ли мог достигнуть такой средний драматург, как Жандр. На эпиграфе лежит печать гениальности Лермонтова.

Все вместе взятое опровергает версию Лонгинова, утверждавшего, что эпиграф взят Лермонтовым из «перевода» Жандра. Не говоря уже о том, что такая версия не соответствует характеру Лермонтова. Он всегда шел от подлинника и не стал бы пользоваться чужим переводом, если бы и знал пьесу Жандра, что к тому же и сомнительно. Напечатана пьеса не была, в списках не распространялась, ее копии могли сохраниться только у друзей драматурга. Итак, Жандр отпадает, остается Ротру. <...>

В эпоху классицизма его слава меркла в лучах славы Корнеля, который называл его своим отцом, хоть и был всего на три года моложе. Только через двести лет после смерти Ротру, в эпоху романтизма, в начале 20-х годов, в Париже впервые вышло пятитомное собрание его сочинений, а в 1825 А. Одоевский писал о «заслуженном бессмертии» его трагедии «Венцеслав». Трагедия «Венцеслав», или, как сам автор называл ее, трагикомедия, много раз переиздавалась и до сих пор не сходит со сцены во Франции.

Высокие моральные требования, которые предъявлял Ротру человеку, споры его героев о праве и справедливости, чувство долга, идея возмездия за пролитую кровь, тираноборческий пафос Ротру – все привлекало к нему декабристов и лиц к ним близких в годы перед восстанием. Все это в 30-е годы привлекло к нему и Лермонтова. <...>

Формула «отмщения»-возмездия в стихотворении «Смерть поэта» взята Лермонтовым у Ротру не только из «Венцеслава», но также из трагедии «Антигона».

«Венцеслав» и «Антигона» – трагедии на тему о власти. Власть, ограниченная волей народа, и власть тирана – антитезы, на которых строится сюжет. Хотя фабула «Венцеслава» построена на убийстве из ревности, но в основу сюжета положены размышления о том, какой должна быть власть. В первом действии трагедии «Венцеслав», переведенном Жандром почти без изменений и напечатанном в «Русской Талии», король Венцеслав и его сын принц Владислав, совершенно так же, как и в пьесе Ротру, твердят о долге государя и о его ответственности перед подданными и оба упрекают друг друга в нарушении своих обязанностей.

Принц Владислав, после одержанных им воинских побед, ведет праздный, беспутный образ жизни и в то же время стремится к власти; критикуя состарившегося отца и недостатки правления, он отражает мнение определенного круга молодежи, с ним связанной, ему доверяющей. Этот «ропот откровенный» (у Жандра, «*libre murmure*» (у Ротру), эти беседы молодежи «о царствах и царях», о которых очень живо и просто рассказывает Владислав отцу, должны были привлекать декабристов и в то же время заставляли настаивать на цензуре.

Сравним эпиграф к «Смерти поэта» со строками монолога Кассандры из последней сцены четвертого акта «Венцеслава» Ротру. В дословном переводе это звучит так: «...отмстите за меня, отмстите за себя, / С вашей жалостью сочетайте ваш гнев. / И дайте потомкам / Незабываемый пример непреклонного судьбы». В обоих случаях – и в эпиграфе, и в монологе героини Ротру – призыв к наказанию убийцы, к «отмщением» за пролитую кровь. В эпиграфе развивается мысль Ротру о казни преступника как историческом примере в борьбе со злом: «Чтоб казнь его в позднейшие века / Твой правый суд потомству возвестила, / Чтоб видели злодеи в ней пример». Но это и все. А дальше расхождение – по содержанию, по смыслу, по интонации.

Приведенный Дюшеном и Абрамовичем отрывок из монолога Кассандры начинается с хвалы «великому королю» Венцеславу, «заступнику невинности», справедливому судье. Этих первых строк в эпитафье нет. Восхваление справедливости государя в эпитафье отсутствует, а есть требование справедливости: «Будь справедлив...», у Кассандры: будь непреклонен. Справедливому Венцеславу во имя справедливости приходится казнить собственного сына. Итак, в монологе Кассандры – призыв к непреклонности, в эпитафье – к справедливости. Правый суд – вот о чем в основном идет речь в эпитафье, и раздается призыв к государю быть справедливым; в монологе Кассандры – быть непреклонным. Это разница. Справедливого государя просить о справедливости было бы излишне.

Необходимо отметить неточность в эпитафье самой формулы «отмщенья», заимствованной у Ротру. С этой формулой мы неоднократно встречаемся и в «Венцеславе», и в «Антигоне». У Ротру она выражается глаголом с местоимением «vengez-moi», «vengez-vous» («Венцеслав»), «vengez-nous» («Антигона»); в эпитафье – существительным «отмщенье» или «отмщенья», в разных списках по-разному. Такая замена усиливает энергию призыва. В первой строке эпитафьи как удар молнии: отмщенье! Эта энергия зачина передается на дальнейшее и меняет интонацию всего обращения в целом, превращая просьбу в приказ. В этой интонации приказа пропадает прямой смысл второй строки: «паду к ногам твоим». Тем более, что это – лишь принятая в то время условная вежливость, как писали «милостивый государь», «ваш покорный слуга», «готовый к услугам» и т. д. Так и здесь – лишь форма вежливости по отношению к государю, к которому имеют «дерзость» обратиться непосредственно, да к тому же не в просительном тоне. В сложной ритмической конфигурации вступления эта вторая короткая строка построена нарочито просто, состоит из трех стоп ямба, на ней не задерживается, по ней скользит внимание читателя.

Эпитафья не имеет ничего общего с интонацией стихотворения «Смерть поэта» – замедленной мелодией скорби. По смыслу эпитафья связан лишь с двумя строками элегии. С одной из первых: «С свинцом в груди и жаждой мести», – и с одной из последних – «И умер он – с напрасной жаждой мщенья...» – единственными строками, где так же, как в эпитафье, идет речь о мести, строками, которые выделяются также и своим твердым, ускоренным ритмом:

жаждой мщенья
жаждой мести.

Ритмом они так же, как и содержанием, связываются с эпитафьей. Своим решительным и властным тоном приказа эпитафья переводит стихотворение в иной ключ.

Этот перевод в иной ключ, из элегии скорби в оду возмездия, подготавливает и последние заключительные строки. Вступление-эпитафья шефом жандармов было найдено «дерзким», конец «бесстыдным вольнодумством». Вступление показалось Бенкендорфу особенно дерзким потому, что он знал намерение Николая I не наказывать убийцу Пушкина, и дерзость непосредственного обращения Лермонтова к царю превращалась в обвинение: «Будь справедлив и накажи убийцу». Но раз известно, что Николай I не накажет убийцу, следовательно, поэт называет его несправедливым – такова логика эпитафьи.

Подпись под эпитафьей кратка: «(Из трагедии)». Эта краткость объясняется двумя причинами. Назвать заглавие трагедии, не раз запрещавшейся цензурой, значило еще более увеличить ответственность автора за и без того дерзкий эпитафья.

Но основная причина не в том. Подхватив и развив мысль Ротру о суде и наказании преступника как примере для потомства и взяв самую формулу отмщения, Лермонтов строки монолога Кассандры не повторил. Он их перевел и переделал, сократил, изменил интонацию, превратил просьбу в приказ. В эпитафье идет речь о немедленном наказании убийцы, в заключении – о его осуждении потомством или «божьим судом». Требование «отмщения» в эпитафье имеет непосредственное продолжение и развитие в концовке: если преступник останется ненаказанным, то ему грозит наказание высшим небесным судом. Вспомним слова Лермонтова, произнесенные во время спора с Н. Столыпиным, приведенные Раевским: «Если над ними нет закона и суда земного, если они палачи Гения, так есть божий суд». И строки из концовки стихотворения: «Но есть и божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный суд: он ждет...»

Не только гениальный эпитафья, но и не менее гениальная концовка, органически связанная с эпитафьей единством замысла, единством темы «отмщения»-возмездия, также подсказана Ротру. Монолог Кассандры, под впечатлением которого Лермонтов создал эпитафью, имеет дальше и такие строки: «Но, если я ничего не добьюсь от людей, / Небесная справедливость протянет мне руки». Идея возмездия, небесный суд, наказание высшим судом за содеянные преступления – одна из излюбленных тем Ротру. Понятие небесного суда не отождествляется у Ротру с христианским представлением о небе. О нем одинаково говорят, почти в одних и тех же словах, его героиня Антигона и Гемон и христианка Кассандра. Его героиня Антигона восхваляет справедливость богов, тогда как языческие боги были наделены всеми пороками людей. Такими несправедливыми, злыми и порочными изображает их сам Ротру. Сюжет своей трагедии «Смерть Геракла» он строит на ревности, жестокости и вероломстве Геры, жены Зевса. Совершенно очевидно, что для Ротру «суд неба», «божий суд» является абстракцией, отвлеченным понятием торжества высшей справедливости, исторического возмездия за преступления.

Аналогично понимал «божий суд» и Лермонтов. Вспомним, что ответил ему его современник, товарищ по школе – юнкер Гвоздев: «Не ты ль сказал: "есть грозный суд!" / И этот суд – есть суд потомства...»

Подведем итоги. Изучение текстов Ротру, с которыми был хорошо знаком Лермонтов, показывает, что эпитафья и концовка стихов, написанных на смерть Пушкина, он создал, отталкиваясь от текстов из трагедий Ротру «Венцеслав» и «Антигона». Отбросить эпитафью – значит не только нарушить волю автора, не только ослабить идейное звучание, обескровить основную тему. Музыкальная структура стихотворения ломается, когда снимают начальные строки, вся ритмико-интонационная система рушится. Все это заставляет желать как можно скорейшего восстановления правильной и, казалось бы, прочно установившейся традиции печатания стихотворения «Смерть поэта» – с эпитафьей.

Поручик Тенгинского пехотного полка Лермонтов ехал на Кавказ, в ссылку, в крепость Грозную.

Весна выдалась не похожая на обыкновенные русские весны. Поздно распустились деревья, поздно цвела по заглохшим уездным садам черемуха. И реки запоздали и долго не могли войти в берега. Разливы задерживали Лермонтова. Приходилось дожидаться паромов, а иной раз, если паром был поломан или ветер разводил на разливе волну, даже останавливаться на день-два в каком-нибудь захолустном городке.

Лермонтов равнодушно слушал жалобы проезжающих на высокую воду и дрянные отечественные дороги. Он был рад задержкам. Куда было скакать сломя голову? Под чеченскую пулю?

Впервые за последние годы он с тревогой думал о смерти. Прошло мальчишеское время, когда ранняя гибель казалась ему заманчивым исходом в жизни. Никогда еще ему так не хотелось жить, как сейчас. Все чаще вспомнились слова: «И может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбаюкою прощальной». Он был бесконечно благодарен Пушкину за эти строки. Может быть, он еще увидит в жизни простые и прекрасные вещи и услышит речи бесхитростные, как утешения матери. И тогда раскроется сердце, и он поймет, наконец, какое оно, это человеческое счастье.

Городок, где пришлось задержаться из-за гнилого парома, был такой маленький, что из комнаты в «номерах для проезжающих» можно было рассмотреть совсем рядом – рукой подать – поля, душлистые ивы по пояс в воде и заречную деревню. Ее избы чернели на просыхающем откосе, как стая грачей. Навозный дымок курился над ними.

Из окна было слышно, как далеко, за краем туманной земли, поет, ни о чем не тревожась, пастуший рожок.

– Когда пройдет это кружение сердца? – спросил себя Лермонтов и усмехнулся. Он снял пыльный мундир и бросил на стул. – Кружение сердца! Кипенье дум! Высокие слова! Но иначе как будто и не скажешь.

За окном прогремели по булыжникам колеса, брякнул и замолк колокольчик под дугой, захрапели лошади; топоча сапогами, скатился по лестнице гостиничный слуга, знакомая девочка-нищенка пропела серебряным голосом: «Барыня-красавица, подайте копеечку убогому слепцу-кавалеру», и гармоника споткнулась и заглохла. Кто-то новый приехал в гостиницу. Лермонтов встал с койки и подошел к окну. Из запыленной коляски выходила, слегка подобрвав дорожное платье, Мария Щербатова – высокая, тонкая, с бронзовым блеском в волосах. Лермонтов отшатнулся от окна. Откуда она здесь, в этом заштатном городке? Так недавно еще он расстался с ней в Петербурге.

Любила ли она его? Он не знал. Вообще он не знал, любил ли его настоящему хоть кто-нибудь в жизни. Все привязанности кончались обманом. Наталья Ивановна променяла его на проворовавшего офицера, Лопухина вышла замуж за богача.

Как же Щербатова попала сюда? В Петербурге она ничего не говорила ему об этой поездке. Потом он вспомнил: городок этот лежал по пути на ее Украину. Какой все же славный городок! Там, в степях Заднепровья, выросла эта юная женщина с лазурными глазами.

Любила ли она его, он не знал. Но он, если бы мог, подарил ей всю землю. Вся теплота этой любви сосредоточилась в нем одном. Он берег ее, он жил с ней одиноко и счастливо. Он был благодарен за это Щербатовой. Неважно, знала она об этом или нет. Достаточно того, что она жила и случай столкнул их на несхожих житейских дорогах.

Он позвал слугу и велел лучше почистить мундир.

Мария Щербатова была здесь! Он слышал ее голос в пропахшем кислыми щами коридоре, шум ее платья, знакомые шаги, хлопанье разохшихся дверей, свежий плеск воды в тазу, запах лавандовых духов. И наконец он услышал заглушенные слова, каких ждал с той минуты, когда увидел ее выходящей из коляски:

– Неужели Михаил Юрьевич здесь? Вот забавный случай! Тогда передай ему вот это.

«Вот это» было запиской, наспех набросанной на клочке бумаги. Ее принес слуга.

В записке было два слова: «Приходите скорей!»

Никакие слова не казались ему такими зовущими и ласковыми, как два этих маленьких слова.

Марии Щербатовой тоже казалось, что впервые в жизни она написала такие удивительные и важные слова. В них было все смятение ее любви, утвенной печали. С детства она верила в счастливые неожиданности, ждала их, но ожидание это никогда не сбывалось. Ничего, кроме горечи, не приносило это ожидание. А вот сейчас – сбылось!

Еще там, в Петербурге, узнав о ссылке Лермонтова, Щербатова решила тотчас уехать к себе на Украину. Нет, еще бьется сердце, и она не променяла цветущие украинские степи на мертвую суету Петербурга. Он был не прав, когда упрекал ее в этом.

Она решила ехать. В глубине души, как исчезающий, неуловимый сон, жила надежда: может быть, она еще встретит его, догонит в пути. Мало ли что случается в жизни. Есть же такое утешительное слово – «наугад».

И вот – сбылось! Лермонтов здесь. И она должна решиться и сказать ему, наконец, как он ей дорог. И потом плакать от нежности, от безнадежности добиться хотя бы недолгого счастья. Она не могла объяснить себе многого. Сейчас ей хотелось запомнить на всю жизнь этот городок, гостинный двор с желтыми облупившимися сводами, голубей на базаре, зеленую вывеску трактира «Чай да сахар!», каждую щепку на горбатой мостовой.

– Я думаю совсем не о том, не о том! – шептала Щербатова, торопливо причесываясь перед темным гостиничным зеркалом. – Думаю о пустяках, а этот свободный для сердца день не повторится. Никогда! Что я скажу ему? Где? Нет, только не в этих «номерах»! Уйдем за город, к реке. Вон в ту рощу,

где блестит на солнце покосившийся крест над часовней. Должно быть, там кладбище.

Но встреча, как это всегда бывает, получилась совсем не такой, как ожидала Щербатова. Когда послышались шаги Лермонтова, Щербатова вышла в коридор, сбежала, задыхаясь, по лестнице и остановилась в воротах. В руке она держала за синюю шелковую ленту соломенную шляпу.

Они встретились у ворот, и Лермонтов, наклонившись, чтобы поцеловать ее руку, пропустил тот единственный миг, когда слеза блеснула в ее синих, как шелковая лента, глазах и тотчас исчезла. И пошли они не в кладбищенскую рощу, а в городской запущенный сад. Там так громко трещали воробы, что Лермонтов, усмехнувшись, заметил:

– Как будто на сотне сквородок жарят яичницу на украинском сале.

Щербатова слабо улыбнулась. Она поняла, что вряд ли скажет ему сейчас то, что хотела сказать минуту назад. Они все время уходили в сторону от единственно важного для них разговора.

Под горой в мутноватой воде кружились отражения облаков. И весь этот скромный весенний день казался Щербатовой тайным подарком. Он принадлежал только ей. Никто не знает, где она, с кем она сейчас. Сердце полно до краев. Пальцы вздрагивают, когда она прикасается к рукаву его грубого мундира. Прижать бы к груди эту милую голову, пригладить волосы...

Но этого тоже не случилось. Лермонтов, сгорбившись и застенчиво улыбаясь, заговорил о России, о том, что любит в ней как раз то, чего не любят другие. Вот все досаждает на разлив, а он готов прожить хоть месяц в этом городке и только то и делать, что смотреть на полую воду. Должно быть, все занимательно для нас, если душа открыта для самых простых впечатлений.

Он говорил с ней, как с другом, как с женщиной. В его темных глазах появился влажный блеск. <...>

– Михаил Юрьевич! – Щербатова положила пальцы на горячую руку Лермонтова. – Я догадываюсь обо всем, что вы можете думать обо мне. Но я не такая. Я выросла среди простонародья. Я бегала босиком по крапиве и пасла телят и гусей. До сих пор я не могу без слез слушать наши малороссийские песни. «Закувала та сыва зозуля раным-рано на зори». Вы понимаете? «Закувала серая кукушка на ранней заре».

– Я понимаю, – ответил Лермонтов и начал чертить ножами шашки по песку.

– Михаил Юрьевич! – сказала с отчаянием Щербатова. – Опять у вас тоска! Я не знаю, что сделать, чтобы ее не было.

– Все кончится, – спокойно ответил Лермонтов. – Мы украли у этого дурацкого света единственный день. Но все равно вы ничем не можете помочь мне. Просто вы не решитесь.

– Да, не решусь, – призналась Щербатова и опустила голову.

– Вы не виноваты, – сказал, успокаивая ее, Лермонтов. – Мне грустно оттого, что я вас люблю, и знаю, что за этот легкий день вам придется дорого рассчитаться. Мы не скроемся. Здесь шайка петербургских офицеров. И среди них один. Я давно приметил его. Или, вернее, он давно преследует

меня, как тень. Некий жандармский ротмистр с черной повязкой на глазу. Единственный, но зоркий глаз Бенкендорфа.

– Ну, вот. – Щербатова встала и протянула Лермонтову руки, как бы желая, помочь ему подняться с низкой садовой скамейки, – Вы так просто сказали то, что я не решаюсь сказать сама.

Она слегка потянула его за руки. Лермонтов встал, и она, обняв его за плечи, поцеловала в губы, потом в глаза – поцеловала прямо, открыто, глядя в побледневшее лицо.

И опять все случилось не так, как она думала. Не было ни бурных слов, ни пылких признаний, ни клятв, а только разрывающая сердце нежность. <...>

Бывает такая внутренняя уверенность в себе, когда человек может сделать все.

Он может почти мгновенно написать такие стихи, что потомки будут повторять их несколько столетий. Он может вместить в своем сознании все мысли и мечты мира, чтобы раздать их первым же встречным и ни на минуту не пожалеть об этом. Он может увидеть и услышать волшебные вещи там, где их никто не замечает: серебряный пень в лунную ночь, звон воздуха, небо, похожее на старинную морскую карту. Он может придумать множество удивительных рассказов.

Примерно такое же состояние испытывал сейчас Лермонтов. Он был спокоен и счастлив. Но не только любовью Щербатовой. Разум говорил, что любовь может зачухнуть в разлуке. Он был счастлив своими мыслями, их силой, широтой, своими замыслами, всепроникающим присутствием поэзии.

Днем Лермонтов обошел со Щербатовой весь городок. Из сада они пошли посмотреть на разлив и узнали, что паром починят только завтра. Они долго сидели на теплых от солнца сосновых бревнах, наваленных на береговом песке. Щербатова рассказывала о своем детстве, о Днепре, о том, как у них в усадьбе оживали весной высохшие, старые ивы и выпускали из коры мягкие острые листочки.

Она увлеклась воспоминаниями. В голосе у нее появилось мягкое южное придыхание. Лермонтов любовался ею.

Они пообедали у известной в городке бригадирской вдовы-поварихи. Она накрыла стол в саду. Цвела яблоня. Лепестки падали на толстые ломти серого хлеба и в тарелки с крутым борщом. К чаю бригадирша подала тягучее вишневое варенье и сказала Лермонтову:

– Я его берегла для праздника. А вот сейчас не стерпела, выставила для вашей жены. Где это вы отыскивали такую красавицу?

Щербатова вспыхнула слабым румянцем. Лермонтов впервые за этот день увидел слезу на глазах Щербатовой. Она незаметно смахнула ее мизинцем.

Он не узнавал ее. Она была прелестна в Петербурге, но куда сейчас девалась ее тамошняя сдержанность, снежная, почти мраморная красота и горделивость движений? Сейчас перед ним была простая, ласковая женщина, и тайная радость, что она переменилась так внезапно ради него, не покидала Лермонтова.

Только к вечеру они вернулись в «номера». Огромное солнце склонялось к разливу. <...>

Лермонтов сел к окну, оперся локтями о подоконник и сжал ладонями голову.

Ночная прохлада лилась в окно из зарослей черемухи, будто черемуха весь день прятала эту прохладу в своих ветвях и только ночью отпускала ее на волю. Низко в небе вздрагивал огонь звезды.

«Надо пойти к Щербатовой, – думал Лермонтов. – Но можно ли? Там камеристка. Да все равно ничего не удержишь в тайне. Зачем случилась эта встреча? Опять пришла тоска, дурные предчувствия». Он привык к одиночеству. Иногда он даже бравировал им: «Некому руку подать в минуту душевной невзгоды». Но вот сейчас и невзгода, и есть кому руку подать, а тоска растет, как лавина, вот-вот раздавит сердце...

Он смутно помнил свою мать, – вернее, ему казалось, что помнил, – ее голос, теплые слабые руки, ее пение. Думая о ней, он написал стихи о звуках небес, о том, что их не могли заменить скучные земные песни.

За окном стучал в колотушку сторож. И как люди считают, сколько раз прокуковала кукушка, чтобы узнать, долго ли им осталось жить, так он начал считать удары колотушки. Выходило каждый раз по-иному: то три года, то девять, а то и все двадцать лет. Двадцати лет ему, пожалуй, хватит.

За спиной Лермонтова открылась дверь. Сквозной ветер согнул пламя свечи.

– Опять ты здесь, – сказал устало Лермонтов. – Я же говорил, чтобы ты оставил меня в покое.

Теплые руки обняли Лермонтова за голову, горячее лицо Щербатовой прижалось к его лицу, и он почувствовал у себя на щеке ее слезы.

Она плакала безмолвно, навзрыд, цепляясь за его плечи побелевшими пальцами. Лермонтов обнял ее.

– Радость моя! – сказала она. – Серденько мое! Что же делать? Что делать?

Оттого, что в этот горький час она сказала, как в детстве, украинские ласковые слова, Лермонтов внезапно понял всю силу ее любви.

Что делать, он не знал. Неужели смириться? Жизнь взяла его в такую ловушку, что он не в силах был вырваться. Внезапная мысль, что его может спасти только всеобщая любовь, что он должен отдать себя под защиту народа, мелькнула в его сознании. Но он тотчас прогнал ее и засмеялся. Глупец! Что он сделал для того, чтобы заслужить всенародное признание? Путь к великому назначению поэта так бесконечно труден и долог – ему не дойти!

– Мария, – сказал он, и голос его дрогнул, – если бы вы только знали, как мне хочется жить! Как мне нужно жить, Машенька!

Она прижала его голову к груди. Он впервые за последние годы заплакал – тяжело, скупно, задыхаясь в легком шелку ее платья, не стыдясь своих слез.

– Ну что ты? Что ты, солнце, радость моя? – шептала Щербатова. Лермонтов сжал зубы и сдержался. Но долго еще он не мог вздохнуть всей грудью.

– Пойдем сейчас ко мне, – шептала Щербатова...

– Хорошо, – сказал он. – Иди. Я сейчас умоюсь и приду.

– Только скорее, милый.

Она незаметно вышла. Лермонтов умываться не стал. Он сел к столу и быстро начал писать:

Мне грустно, потому что я тебя люблю,
И знаю: молодость цветущую твою
Не пощадит молвы коварное гоненье.

Он встал, спрятал стихи за обшлаг мундира, задул свечу и вышел.

Глухая ночь проходила неведомо куда над городком, над черными полями и разливом. И лениво, как бы засыпая, ударил один раз в колотушку ночной сторож. <...>

Щербатова сидела в коляске, закрыв глаза, закутав голову. Она сослалась на нездоровье, чтобы ее не тревожили.

После разлуки с Лермонтовым она не могла смотреть ни на степь, ни на людей, ни на попутные села и города. Они как бы заслоняли воспоминание о нем, тогда как все ее сердце принадлежало только ему. Все, что не было связано с ним, могло бы совсем не существовать на свете. С детских лет она слышала разговоры, что любовь умирает в разлуке. Какая ложь! Только в разлуке бережешь, как драгоценность, каждую малость, если к ней прикасался любимый.

Вот и сейчас к подножке коляски прилип листок тополя. Когда Лермонтов, прощаясь со Щербатовой, вскочил на подножку, он наступил на него. Щербатова смотрела на этот трепещущий от ветра жалкий лист и боялась, что его оторвет и унесет в поле. Но он не улетал. Лист оторвался и улетел только на третий день к вечеру, когда из-за днепровских круч ударил в лицо грозовой ветер и молнии, обгоняя друг друга, начали бить в почерневшую воду. Гроза волокла над землей грохочущий дым и ликовала, захлестывая поля потоками серой воды.

Кучер повернул к видневшейся вдалеке деревне. Испуганные кони скакали, прижав уши, храпя, косясь на раскаты грозы, обгонявшие коляску то справа, то слева.

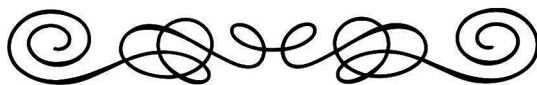
Щербатова привстала, сбросила шаль. Тополевого листка на подножке не было.

Гром расколол над головою небо.

«Зачем я не бросила все, – подумала с тоской Щербатова, – и не поехала с ним на Кавказ?»

Ничего не нужно сейчас – ни покоя, ни прочности в жизни. Только бы увидеть его, взять за руки. И знать, что он здесь, рядом, и что никакая сила в мире не сможет теперь оторвать их друг от друга.

К. Паустовский. Из рассказа «Разливы рек»

Воспоминания. Письма. Дневники

Странные и забавные отзывы слышатся до сих пор о Лермонтове. «Что касается его таланта, – рассуждают так, – об этом и говорить нечего, но он был пустой человек и притом недоброго сердца». И вслед за тем приводятся обыкновенно доказательства этого – различные анекдоты о нем во время пребывания его в юнкерской школе и гусарском полку.

Как же соединить эти два понятия о Лермонтове-человеке и о Лермонтове-писателе? (*И. И. Панаев*)

Перейдем к его характеру. Беспристрастно говоря, я полагаю, что он был добрый человек от природы, но свет его окончательно испортил. Быв с ним в весьма близких отношениях, я имел случай неоднократно замечать, что все хорошие движения сердца, всякий порыв нежного чувства он старался так же тщательно в себе заглушить и скрывать от других, как другие стараются скрывать свои гнусные пороки. Приведу в пример его отношения к женщинам. Он считал постыдным признаться, что любил какую-нибудь женщину, что приносил какие-нибудь жертвы для этой любви, что сохранил уважение к любимой женщине: в его глазах все это был романтизм, напускная экзальтация, которая не выдерживает ни малейшего анализа. (*Н. С. Мартынов*)

Пренебрежение к пошлости есть дело достойное всякого мыслящего человека, но Лермонтов доводил это до *absurdum* (абсурда), не признавая в окружающем его обществе ничего достойного внимания. (*Н. М. Сатин*)

Лермонтов был чрезвычайно талантлив, прекрасно рисовал (его картины масляными красками до сих пор в дежурной гусарской комнате, в казармах в Царском Селе) и очень хорошо пел романсы, т. е. не пел их, а говорил почти речитативом. Но со всем тем был дурной человек: никогда ни про кого не отзывался хорошо, очернить имя какой-нибудь светской женщины (сочинить), рассказать про нее небывалую историю, наговорить дерзостей ему ничего не стоило. Не знаю, был ли он зол или просто забавлялся, как (из-за него) гибнут в омуте его сплетен, но (только) он был умен, и, бывало, ночью, когда остановится у меня, говорит, говорит – свечку зажгу: не черт ли возле меня? Всегда смеялся над убеждениями, презирал тех, кто верит и способен иметь чувство... Да, вообще это был «приятный» человек!.. Между прочим, на нем рубашку всегда рвали товарищи, потому что сам он ее не менял... (*А. Ф. Тирап*)

Первые мгновения присутствия этого человека было мне неприятно, я чувствовал, что он наделен большой проницательной силой и читает в моем уме, и в то же время я понимал, что эта сила происходит лишь из простого любопытства, лишённого всякого участия, и потому чувствовать себя подавленным, ему было унизительно. (*Ю. Ф. Самарин – И. С. Гагарину*)

При людях, мало знакомых или несимпатичных ему, Лермонтов бывал чрезвычайно неоткровенен, и тогда смех его имел что-то неестественное и

потому неприятное. Но неоткровенность и неискренность не синонимы, а это часто смешивают. (П. А. Висковатов)

Лермонтов просиживал у меня по целым вечерам, живая и остроумная беседа его всегда увлекательна, анекдоты сыпались, но громкий и пронзительный его смех был неприятен для слуха, как бывало и у Хомякова, с которым во многом имел он сходство, не один раз я просил и того и другого «смеяться проще». (А. Н. Муравьев)

Было много причин, по которым и мне он не полюбился с первого разу. Сочинений его я не читал, потому что до стихов, да и вообще до книг не охотник, его холодное обращение казалось мне надменностью, а связи его с начальствующими лицами и со всем, что терлось около штабов, чуть не заставили меня считать его за столичного выскочку. Да и физиономия его мне не была по вкусу, – впоследствии сам Лермонтов иногда смеялся над нею и говорил, что судьба, будто на смех, послала ему общую армейскую наружность». (А. В. Дружинин)

Как поэт, Лермонтов возвышался до гениальности, но, как человек, он был мелочен и несносен. (И. А. Арсеньев)

Он нисколько не ухаживал за мной, а находил особенное удовольствие me taġlunier (дразнить меня). <...> Однажды он довел меня почти до слез: я вспылила и сказала, что ежели бы я была женщиной, я бы не вызвала его на дуэль, а убила бы его из-за угла в упор. Он как будто остался доволен, что наконец вывел меня из терпения, просил прощения, и мы помирились, конечно, ненадолго. (Э. А. Шан-Гурей)

В домашней жизни своей Лермонтов был почти всегда весел, ровного характера, занимался часто музыкой, а больше рисованием, преимущественно в батальном жанре, также играли мы часто в шахматы и в военную игру, для которой у меня всегда было в готовности несколько планов. Все это неоспоримо убеждает меня в мысли, что байронизм был не больше как драпировка, что никаких мрачных мучений, ни жертв, ни измен, ни ядов лобзанья в действительности не было, что все стихотворения Лермонтова, относящиеся ко времени его пребывания в Москве, только детские шалости, ничего не объясняют и ничего не выражают... (А. П. Шан-Гурей)

Он был шалун в полном ребяческом смысле слова, и день его разделялся на две половины между серьезными занятиями и чтением, и такими шалостями, которые могут прийти в голову разве только пятнадцатилетнему школьному мальчику: например, когда к обеду подавали блюдо, которое он любил, то он с громким криком и смехом бросался на блюдо, вонзал свою вилку в лучшие куски, опустошал все кушанье и часто оставлял нас всех без обеда. (А. И. Васильчиков)

На какой-то увеселительной вечере мы чуть с ним не посчитались очень крупно, – мне показалось, что Лермонтов трезвее всех нас, ничего не пьет и

смотрит на меня насмешливо. То, что он был трезвее меня, – совершенная правда, но он вовсе не глядел на меня косо и пил сколько следует, только, как впоследствии оказалось, на его натуру, совсем не богатырскую, вино почти не производило никакого действия. Этим качеством Лермонтов много гордился, потому что и по годам, и по многому другому он был порядочным ребенком. *(Р. И. Дорохов)*

Обедая каждый день в Пятигорской гостинице, он выдумал еще следующую проказу. Собирая столовые тарелки, он сухим ударом в голову слегка их надламывал, но так, что образовывалась только едва заметная трещина, а тарелка держалась крепко, покуда не попадала при мытье посуды в горячую воду, тут она разом расплзлась, и несчастные служители вынимали из лохани вместо тарелок груды лома и черепков. Разумеется, что эта шутка не могла продолжаться долго, и Лермонтов поспешил сам заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги и расплатился щедро за свою забаву. *(А. И. Васильчиков)*

Когда он оставался один или с людьми, которых он любил, он становился задумчив, и тогда лицо его принимало необыкновенно выразительное, серьезное и даже грустное выражение, но стоило появиться хоть одному гвардейцу, как он тотчас же возвращался к своей банальной веселости, точно стараясь выдвинуть вперед одну пустоту светской петербургской жизни, которую он презирал глубоко. *(К. Х. Мамацов)*

В то время я его два раза видела на детских балах, на которых я прыгала и скакала, как настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, одних со мною лет, даже несколько моложе, занимался тем, что старался вскружить голову одной моей кузине, очень кокетливой; с ней, как говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатление, произведенное на меня этим бедным ребенком, загримированным в старика и опередившим года страстей трудолюбивым подражанием. *(Е. П. Ростопчина – А. Дюма)*

Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей в очертании его лица, и, по моему мнению, один только Карл Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь в глаз). *(М. Е. Меликов)*

В наружности Лермонтова было что-то зловещее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших и неподвижно-темных глаз. Их тяжелый взор странно не согласовался с выражением почти детски нежных губ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, с большой головой на сутулых широких плечах, возбуждала ощущение неприятное, но присущую мощь тотчас сознавал каждый. *(И. С. Тургенев)*

Лермонтов знал силу своих глаз и любил смущать и мучить людей робких и нервических своим долгим и пронзительным взглядом. *(И. И. Панаев)*

Серьезная мысль была главною чертою его благородного лица, как и всех его значительнейших произведений, к которым его легкие, шуточные стихотворения относятся, как насмешливое выражение его тонко очерченных губ к его большим, полным думы глазам. (*Фр. Боденштадт*)

Во всех [рассказах о детстве] ребенок Лермонтов изображается нам сосредоточенным и мечтательным <...>, умеющим находить наслаждение в одиночестве и недовольным, когда что-нибудь отрывало его от уединенных прогулок. Как все дети с подобным развитием, Лермонтов долго был нескладным мальчиком и даже в молодости, выезжая в свет, имея на всем Кавказе славу льва-писателя, не мог отделаться от застенчивости, которую только прикрывал то холодностью, то насмешливой сумрачностью приемов. (*А. В. Дружинин*)

Не было сомнения, что он, следуя тогдашней моде, напустил на себя известного рода байроновский жанр, с примесью других, еще более худших капризов и чудачеств. И дорого же он поплатился за них. (*И. С. Тургенев*)

Лермонтов мальчиком, да и позднее, приписывал отсутствию в себе красоты неуспех у женщин, и это его тревожило. Он старался вознаградить этот недостаток ловкостью и совершенствовал себя во всевозможных телесных упражнениях так же, как и Байрон, искавший славы хорошего ездока, бойца, пловца и проч. (*П. А. Висковатов*)

Ранняя любовь, непонятная и оскорбляемая в чуткой душе, заставила его ее болезненно воспринимать и корчиться от того, что почти незаметно было пережито бы другими; он бросился в крайность: зарылся в неестественную, напускную ненависть, которая питала в нем сатанинскую гордость. И эта сатанинская гордость, опять-таки искусственно, прикрывала самую нежную, любящую душу. Боясь проявления этой нежной любви, всегда приносившей ему непомерные страдания, поэт набрасывает на себя мантию гордого духа зла. Так иногда выносящий злейшую боль шуткой и сарказмом подавляет крик отчаяния, готовый вырваться из глубины растерзанного сердца. (*П. А. Висковатов*)

У него было болезненное самолюбие, которое причиняло ему живейшие страдания. Я думаю, что он не мог успокоиться оттого, что не был красив, пленителен, элегантен. Это составляло его несчастье. Душа поэта плохо чувствовала себя в небольшой коренастой фигуре карлика. (*И. Анненкова*)

Особенным неженкой он не был, а пошлости, к которой он был необыкновенно чуток, в людях не терпел, но с людьми простыми и искренними и сам был прост и ласков. У многих сложился такой взгляд, что у него был тяжелый, придирчивый характер. Ну, так это неправда, знать только нужно было, с какой стороны подойти. (*Н. П. Раевский*)

Дом его был открыт для друзей и знакомых, и, если кто к нему обращался с просьбой о помощи или одолжении, никогда и никому не отказывал, стараясь сделать все, что только мог. (*П. К. Мартынов*)

Отдаваясь кому-нибудь, он отдавался от всего сердца, но это редко с ним случалось. (*Фр. Боденштадт*)

Он был характера скорее веселого, любил общество, особенно женское, в котором почти вырос и которому нравился живостью своего остроумия и склонностью к эпиграмме; часто посещал театр, балы, маскарады; в жизни не знал никаких лишений, ни неудач; бабушка в нем души не чаяла и никогда ни в чем ему не отказывала; родные и короткие знакомые носили его так сказать на руках; особенно чувствительных утрат он не терпел; откуда же такая мрачность, такая безнадежность. (*А. П. Шан-Гурей*)

Он был собою лишь в беседах со своею музою да на лоне природы. (*П. А. Висковатов*)

Он был чуток к любви и безгранично предан тем, кого заключил в свое сердце. Но именно эта бесконечная преданность и делала его требовательным. Одна фальшивая нота заставляла его съезжиться в самом себе и нарушала все душевное равновесие. Восстановление прежних отношений было уже немислимым. Нежнейшие струны, вновь связанные, не могли издавать прежнего чистого звука. При всем желании возобновить прерванные отношения, этого не удавалось Лермонтову, и он переходил к сарказму, в котором не щадил ни себя, ни других. От этого он внутренне чувствовал себя еще более несчастным. (*П. А. Висковатов*)

Он испытывал власть судьбы. Он вперед, так сказать, теоретически изведывал жизнь и страдание с самого детства. Он страдал более чем жил. (*Н. А. Висковатов*)

Этот человек слушает и наблюдает не за тем, что вы ему говорите, а за вами, и, после того как он к вам присмотрелся и все понял, вы не перестаете оставаться для него чем-то чисто внешним, не имеющим права что-либо изменить в его существовании. В моем положении мне жаль, что я не видел его более долгое время. Я думаю, что между ним и мною могли бы установиться отношения, которые помогли бы мне постичь многое. (*Ю. Ф. Самарин – И. С. Гагарину*)

Лермонтов, одаренный большими самородными способностями к живописи, как и к поэзии, любил чертить пером и даже кистью вид разъяренного моря, из-за которого подымалась оконечность Александровской колонны с венчающим его ангелом. В таком изображении отзывалась его безотрадная, жаждавшая горя фантазия. (*В. А. Соллогуб*)

Он имел склонность и к музыке, и к живописи, но рисовал одни карикатуры... (*К. Х. Мамацов*)

Впрочем, он мог быть кроток и нежен, как ребенок, и вообще в его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение. (*Фр. Боденштадт*)

Екатерина Александровна (Сушкова) выражалась о Лермонтове: «Лермонтов всегда расчетливый и загадочный». (*М. И. Семевский*)

...Он спешил куда-то, как спешил всегда, во всю свою короткую жизнь.
(*М. Е. Меликов*)

Как известно, Лермонтов постоянно искал новой деятельности и никогда не отдавался весь тому высокому поэтическому творчеству, которое обесмертило его имя и которое, казалось, должно было поглотить его всецело. Постоянно меняя занятия, он со свойственной ему страстностью, с полным увлечением отдавался новому делу. (*А. А. Бильдерлине*)

По словам А. И. Арнольди, М. Ю. Лермонтов писал картины гораздо быстрее, чем стихи; нередко он брался за палитру, сам еще не зная, что явится на полотне, и потом, пустив густой клуб табачного дыма, принимался за кисть, и в какой-нибудь час времени картина была готова. (*«Русский художественный листок»*)

Михаил Юрьевич раздал нам по клочку бумаги и предложил написать по порядку все буквы и обозначить их цифрами; потом из этих цифр по соответствующим буквам составить какой-либо вопрос; приняв от нас эти вопросы, он уходил в особую комнату и спустя некоторое время выносил каждому ответ; и все ответы до того были удачны, что приводили нас в изумление. Любопытство наше и желание разгадать его секрет было сильно возбуждено, и, должно быть по этому поводу он изложил нам целую теорию в довольно длинной речи, из которой, к сожалению, в моей памяти остались только вступительные слова, а именно, что между буквами и цифрами есть какая-то таинственная связь; потом упоминал что-то о высшей математике. Вообще же речь его имела характер мистический; говорил он очень увлекательно, серьезно; но подмечено было, что серьезность его речи как-то плохо гармонировала с коварной улыбкой, сверкавшей на его губах и в глазах... (*А. Чарыков*)

Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве. Каждое его слово – он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок, – меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ним благоговею и смиряюсь в сознании своего ничтожества. (*В. Г. Белинский – В. П. Боткину*)

По врожденной сильной склонности к национальному, по сильной любви к родине своей, по нерасположению своему к европеизму и глубокому религиозному чувству... Лермонтов был снабжен всеми данными для того, чтобы сделаться великим художником того литературного направления, теоретиком коего были Хомяков и Аксаковы, художником народническим, какого именно недоставало этой школе. (*Н. В. Гоголь*)

...Содержание, добытое со дна глубочайшей и могущественнейшей натуры, исполинский взмах, демонский полет – с небом гордая вражда – все это заставляет думать, что мы лишились в Лермонтове поэта, который по содержанию шагнул бы дальше Пушкина. (*В. Г. Белинский – В. П. Боткину*)